

ТЕАТР ОЧИЩЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР ГОБХ

18+

Александр Гобх

Театр очищения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63111088

SelfPub; 2020

Аннотация

Ричард Норрис – амбициозный парень, который мечтает стать актером большого театра. Однажды ему приходит письмо с приглашением в «Театр очищения» на одну из главных ролей в пьесе «Чистые души». Переполненный уверенности в себе, он отправляется на прослушивание. Члены жюри оказываются на редкость неприятными личностями. Они насмеваются над его актерской игрой, и Ричард решает уйти. Но ему не позволяют сделать это. История, которая произошла после, заставила бы главного героя любой ценой уничтожить это место со всеми его обитателями раз и навсегда, но... Александр Гобх – человек черпающий вдохновение из сновидений. Содержит нецензурную брань.

Содержание

АКТ 1	5
АКТ 2	19
АКТ 3	33
АКТ 4	47
АКТ 5	59
АКТ 6	66
АКТ 7	81
АКТ 8	95
АКТ 9	113
АКТ 10	127
АКТ 11	141
АКТ 12	154
АКТ 13	166
АКТ 14	173
АКТ 15 Катарсис	194

Александр Гобх

Театр очищения

Искусство есть такая потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете. Ф. Достоевский

АКТ 1

“Нам необходимо духовное очищение. Если бы не оно, мир давно бы сошел с ума. У каждого есть свои проблемы – кто-то ищет утешение в вечном алкогольном забвении, кто-то растворяет их в любви или ненависти. Я же предпочитаю полностью отдаваться искусству. Лучшим направлением в искусстве я всегда считал театр. Еще с детства меня завораживали обширные залы, стены которых обиты архитектурой итальянского Ренессанса. Я сидел у подножья кулис и восхищался, насколько величественно они возвышались. Такие высокие, скрывающие за собой совершенно другой мир. Энергетика публики, кричащей от радости после выступления, погружала меня в приятный транс, от чего хотелось плясать. Главное отличие театра от фильмов или книг, так это то, что все тут происходит вживую. Ты буквально чувствуешь эмоции актера на своей шкуре. Как если бы Носферату терзал свою жертву в двух метрах от тебя. Из театра я выходил опустошенный от всей грязи, что пачкала мою душу, и наполненный уверенностью и теплым потоком радости. Тот, кто переступил порог театра, прежним уже не выйдет. Частичка тебя будто остается в нем навеки. Но необходимо подпитывать эту часть себя, иначе гармония пропадает и ты начинаешь забываться. Мир фантазий, избавляющий людей от страданий. Ха, что может быть лучше? Единственный спо-

соб обретения постоянного счастья через искусство, понял я, это слиться с ним. Стать непосредственным участником. Стать актером большого театра. Такова задача Ричарда Норриса, такова моя задача”, – подумал Ричард, смотря на красный огонь светофора, и улыбнулся.

Уверенность дергала его глаза с одного человека на другого. Зеленый. Поток людей двинул по пешеходному переходу. “Все равно красный цвет рано или поздно сменится зеленым. Сегодня мой день, наконец-то я получу главную роль!” – осознание, что ему больше не придется играть в массовках или второстепенных персонажах, пробежало по его телу. Он достал из кармана письмо, которое пришло по почте сегодня утром, и прочел надпись на нем – «Чистые души». Получение главной роли в пьесе, о которой он ни разу не слышал, все равно внушало надежду на дальнейший карьерный рост. Может, его заметят на сцене так же, как заметили представители театра, приславшие это письмо, думал он. Однако вызывал сомнения тот факт, что никакого сценария ему не прислали. Оправдывалось это тем, что авторам письма была необходима импровизация на сцене. Нестандартно, однако в этом Ричард был мастак.

Заметив бездомного, Ричарду захотелось дать ему несколько монет. Он уже рылся в поисках мелочи, но его внимание привлек трехэтажный дом напротив. На его углу была дверь, табличка на которой гласила – “Ткани”. “Странно... Тут, кажется, должен быть театр. В письме указан имен-

но этот адрес.” Ричард посмотрел наверх. Снаружи здание больше напоминало жилое, чем театр. Окна казались искаженными и напоминали неправильный параллелограмм. Ричард представил, как открывает дверь, а за ней грязный подъезд, или того хуже – магазин тканей. Хоть бы это было не так, подумал он и зашел в помещение. Стены, обвешанные разноцветным шелком, смотрели на него. За прилавком сидела женщина лет семидесяти и, сжав ладонями стакан, пила чай. Она поприветствовала его и спросила:

– Чего желаете?

“Желаю порвать эти сраные тряпки в клочья. Если ты надеешься устроишься на работу по пригласительному письму непонятно от кого, будь готов к чему угодно.”

– Нет, извините, я, кажется, ошибся. – сказал Ричард и начал проклинать автора письма. – Не знаете, я ищу театр, тут раньше был театр?

Старуха промолчала. Ричард достал из кармана конверт и сказал, что его пригласили на главную роль в пьесе «Чистые души», но, видимо, перепутали адрес, или, возможно, кто-то над ним подшутил. Странно, если это второй вариант, ведь над ним некому шутить. Даже если это ребята, с которыми он познакомился за время работы в других театрах, зачем им делать подобное – Ричард не понимал. Старуха пошла к кассовому аппарату. “Кажется, мне пора”, подумал он и было хотел развернуться, как она спросила:

– Зовут-то тебя как?

– Ричард, – ответил он машинально, словно в надежде, что ответ должен был на что-то повлиять. Не желая с ней знакомиться, он на прощание махнул конвертом в руке.

– Так-так, – она открыла тетрадь и провела пальцем по списку. – Ричард Норрис, я полагаю?

Желание уйти покинуло его.

– Мы знакомы? – глупый вопрос – он определенно знал, что они ни разу не виделись.

– Нет, но Вы в списке, как актер. У Вас сегодня прослушивание. Пройдемте за мной, – сказала она и захлопнула тетрадь. Старуха подошла к прямоугольному полотну розового цвета и отдернула его как штору. За ней была дверь. От удивления брови Ричарда поднялись вверх.

– У нас не совсем обычный театр, – сказала она и открыла дверь. А там – растворялись во тьме ведущие вниз ступеньки. Женщина нажала на выключатель – и лампы осветили красные стены, украшенные золотистым орнаментом.

– Я понимаю, как это выглядит. К сожалению, это все, что осталось от когда-то великого театра под землей, – заявила она.

– Попрошу объяснить, – Ричард дал понять, что далее не пойдет за ней. В голове начали всплывать образы из цирка уродов. Он, конечно, хотел получить главную роль, но в подобных мероприятиях участвовать отказывался. Театр – это, прежде всего, искусство, а не насмешки над инвалидами.

Она рассказала про древний театр под землей, о котором,

конечно же, никто не слышал. О том, что в 1913 году там выступали самые знаменитые актеры того времени, но, к сожалению, театр обанкротился. “Во времена войны, знаете, было не до зрелищ”, – говорила она. Так и простоял театр заброшенный и никому не нужный вплоть до 1949 года, пока не объявился новый владелец, мистер Картер, с новым взглядом на принципы театральных выступлений. И сегодня он набирает людей для своей новой пьесы которая вытащит заведение из банкротства навсегда.

Красивая история, странно, что я о ней не слышал, подумал Ричард. Помимо пяти лет обучения в университете, последние несколько месяцев он изучал все, что касалось существующих и давно заброшенных театров, ставших исторической ценностью страны. И тот факт, что последний театр, в котором он еще не облажался, находился на глубине тридцати метров под землей и собирал необразованных новичков актерского мастерства, заставил Ричарда смять конверт в кармане. Театры под землей встречались ему и раньше. Однажды в таком театре он пытался получить эпизодическую роль палача, отрубаящего голову главному герою. Однако здание театра выглядело совершенно иначе, чем подвалы в магазине тканей.

– Если хотите, могу показать все лицензии на подземные строения. Все легально. Идем, тебя уже все ждут, – пробормотала старуха и пошла вниз по ступенькам, оставив Ричарда наедине с разноцветными тряпками. Дверь выхода колых-

нулась и зазвенел колокольчик. Сквозняк. Не совсем то, чего он ожидал. От этой мысли стало не по себе. Он посмотрел на дверь, вздохнул, и двинулся за старухой с мыслью – “Хуже все равно уже не будет”. Как же он ошибался.

– Стены вышиты вручную? – это первый вопрос, что пришел в голову.

– Разве не заметно? – рассмеялась она. – Конечно. Вы думаете, зачем нам магазин тканей сверху? Новый хозяин решил обшить стену, чтобы, спускаясь, зритель получал эстетическое удовольствие и располагался к предстоящему выступлению.

– Это, конечно, правильно, но не замечаете? Спуск достаточно крутой и узкий. Это неудобно и небезопасно, особенно, если зрителей – сотни.

– Конечно, Вы правы, но люди могут входить по-разному.

– В каком смысле? – Ричард обернулся посмотреть, не захлопнул ли кто за ними дверь. Нет.

Женщина некоторое время молчала, потом ответила.

– Это ведь не единственный вход и выход, – издав смешок, словно через силу.

Было видно, как эта тема ей не нравилась и Ричард решил замолчать. Место формировало в голове множество вопросов, удержать от которых рот стало невозможно. К примеру, зачем вход в театр закрывать тканью? Или почему театр находился в подвале магазина?

– Сколько тут помещается человек? – он хотел задать со-

вершено другой вопрос, но вылетел этот.

– Человек? Около ста двадцати.

“Не густо”, подумал про себя Ричард. Однако, это последний шанс начать карьеру, так что перебирать вариантами он не стал. Ступеньки все не заканчивались, и наконец в метрах двадцати показалась двухстворчатые двери, стоявшие внизу как финишная черта, переступив за которую ты либо выиграешь, либо проиграешь.

– Вы нервничаете? – спросила женщина, но Ричард не успел ответить. – Это нормально. Актеры должны нервничать, вдруг попадетсЯ подходящая роль, – сказала она и Ричард улыбнулся. В какой-то момент ему показалось, что этими словами она хотела передать совершенно другую мысль. Дойдя в самый низ до дверей, они остановились.

– Вам тут понравится. Желаю удачи на прослушивании, – сказала женщина. Теперь ее ждал долгий путь наверх.

– Спасибо, – машинально ответил Ричард. – А дальше-то куда? – ожидая, что за дверью будет длинный коридор, спросил он.

– Вы уже на месте, – ответила она.

Ричард распахнул двери.

Перед ним появился громадный театральный зал, в котором могло поместиться около пяти, а то и семи сотен человек. Не совсем то, что ожидаешь увидеть, спустившись под землю на тридцать метров. Словно это место было спроектировано чьей-то не очень хорошей фантазией. Деревянные

балки вдоль стен подпирали потолок – видимо, для предотвращения обвалов. Обычно такие вещи скрываются за стенами, но не тут. Однако стоит отдать должное – сцена выглядела отлично. Точно образ из детства, внушающий приятные воспоминания. Внутри пахло лекарствами, и непонятно почему. На сцене стоял толстый парень в обтягивающем его тело костюме принца с поднятыми кверху руками и выкрикивал: “О, Брат, как ты посмел, любовь моя, только мне принадлежит”. “Интересно, как этот новый директор решил вытащить театр из банкротства такой нудятиной? Может, директору виднее, но, ей-Богу, прошлый век”, подумал Ричард. Видимо, парень тоже пришел на прослушивание. Играл он довольно нелепо, так что Ричард на его фоне вдохновился. “Одним соперником меньше”, подумал он.

Ричард подошел к передним рядам, где сидели несколько человек. Переговариваясь между собой, они выраженно жестикулировали, явно обсуждая парня на сцене. Ричарду стало не по себе, и он присел на кресло соседнего ряда. В понимании Ричарда, «жюри» (так он их называл) смотрели за выступлением, потом холодно говорили:

– Хорошо, следующий.

Ему стали интересны причины столь яростного обсуждения в сторону полного парня. Может, они нашли того, кого искали, а ему, как обычно, достанется второстепенная роль? “Я не хочу этого, и мне все равно на славу и популярность – я хочу играть сложных персонажей, хочу личностного, твор-

ческого роста, а все остальное придет”, оправдывался он перед собой, хотя уцепиться за лакомый кусочек театрального гонорара все же хотелось. За кулисами он заметил человека небольшого роста, возможно, карлика в темном капюшоне, который мелькнул, как искра, и исчез. Мысли о цирке уро-дов вновь возникли в его голове. “Все это странно, я ведь должен стоять за кулисами и ждать своего выхода”, думал он и не замечал, как все время на него смотрел один из членов жюри, пока другие продолжали обсуждать актера на сцене.

– Что вы тут делаете? – спросил его мужчина с ряда на-против. Видимо, работа в театре действительно плохо опла-чивается, раз он такой худой.

– Я Ричард Норрис. Мне пришло письмо, в котором было сказано что я гожусь для главной роли.

– Да, точно, я Гектор, – он протянул перебинтованную ру-ку Ричарду. Они поздоровались, Гектор обернулся и посмот-рел на своих коллег. Один из них кивнул ему, и Гектор под-нял кулак.

– Стоп! Бен, ты молодец, – сказал он. – Ричард, на сцену. Звучало это как приговор. Он снял куртку с небольшим тремором в руках. Такое бывает перед выступлением, но как только войдешь в роль – это пройдет. Спускаясь, Бен пере-цепился и упал, чем вызвал смех у всех членов жюри кроме Гектора. Казалось, что он сейчас расплачется. Ричард понял – сегодня ему будет непросто.

– Бен, хорошо выступил, – обратился Ричард.

После этих слов Бен улыбнулся и пожал ему руку. Видно, что парень слабохарактерный, рановато ему выступать в серьезных образах. От этого трагедия только превратится в комедию. Один из членов «жюри», посмотрев на Ричарда, закатил глаза и помахал головой повернувшись к коллегам.

– Мне не нужно переобуться? – спросил Ричард.

– Нет, парень, тебе нужно только выступить, – сказал один из них и показал пальцем на сцену.

Гектор присел. Стыд за грубость коллег читался в его глазах. Вполне возможно, что «жюри» немного выпили, отсюда и подобное неуважение, думал Ричард. Он поднялся на сцену. Только бы не перецепиться! Сцена настолько усеяна подобием рельс, уходящих за кулисы, что выступать было бы удобно только стоя на месте – и то не факт. Как Бен умудрялся тут свободно передвигаться, да еще со своим-то весом?

Словно босиком по камням, он пробрался в центр сцены. За кулисами стояло несколько скелетов будущих манекенов или скульптур, нижней частью подсоединенных к рельсам. В дальнейшем на палки наносился мрамор или бетон, после скульптор высекал удивительные формы, превращая безжизненный скелет в произведение искусства. Но зачем они тут, в театре? Ведь заготовки как правило должны находится там, где производят манекены. Неужели у них есть собственный скульптор?

– Как мне выступать когда... – не успел он закончить, как его перебили. – Ты – маленькая девочка, которую загнал в

угол убийца.

Ричард уже сталкивался со многими представителями театра и встречал наглецов похуже. Также ему приходилось выступать в подобных пьесах жанра ужас. Так что задание не показалось ему странным. Однако вряд ли Ричард подходил на роль маленькой девочки. “Возможно, очередная издевка, проверяют меня на прочность. И не с такими работали”, подумал он и присел, прижав колени руками к груди.

– Нет, мамочка, помоги мне, – пытаюсь спародировать писклявый голос маленькой девочки, Ричард качался из стороны в сторону. Его губы скривились, а глаза начали слезиться. – Нет, нет, пожалуйста, – он специально пропищал слово неправильно.

Гектор опустил голову.

– Bravo! – похлопал наглец, сидящий рядом с Гектором. – Такой подход возродит театр! Не терпится посмотреть на тебя в разгаре пьесы! – говорил он.

Остальные (кроме Гектора) только подтверждали его слова кивками. “Кажется, этим наглецом был Картер, о котором рассказывала та женщина в магазине тканей”, – подумал он. К похвале Ричард отнесся холодно.

– А теперь изобрази физическую боль от голода. – Картер встал, на его лице виднелось возбуждение, словно он нашел кого хотел.

Но Ричарду казалось, что он проходит собеседование на должность проститутки. Все-таки это лучше, чем ничего, ес-

ли в итоге это куда-то приведет. Он прилег на сцену, держась за живот, и тяжело задышал.

– Больше боли!

Застонав, Ричард начал дышать глубже. По правде говоря, боль он чувствовал реальную. Железные рельсы давили ему на плечо так, что рука потихоньку начинала неметь.

– Больше, я хочу больше, – глаза Картера пропитались одержимостью к актерскому мастерству Ричарда.

На мгновение Ричард поверил, что умирает от голода, и мысль – «А я не так уж плох!» – мелькнула в его сознании. Но стоило ему поверить в себя, как все, кроме Гектора заржали, как завсегдатаи пивных баров. Смех имел глумливый характер – настолько, что Ричард обернулся от чувства, что за его спиной кто-то стоит. Но, кроме заготовок декораций и различного инвентаря, никого не было.

– Нет, мамочка, помоги мне, да, Гектор? – один из них перекривил Ричарда и несильно ударил Гектора по плечу. Тот никак не реагировал, а лишь глубоко вздохнул. Ричард поднялся и уставился на них. Смех не утихал. Если они хотели пристыдить Ричарда, то на мгновение у них это получилось.

– Я, конечно, всякого повидал, но это уже перебор, – сказал Ричард.

“Зажравшиеся ублюдки. Если они думают, что я буду это терпеть, то они ошибаются”, подумал он и спустился со сцены. Картер стал напротив, перегородив путь.

– Никуда ты не пойдешь, – заявил грубиян.

Его голос все еще излучал ехидность. Ричард отступил влево, чтобы обойти его, но Картер взял его за плечо. – Я сказал, никуда ты не пойдешь, – теперь его голос звучал зловеще. Лицо сделалось серьезным и он отпустил плечо Ричарда. Насмешки со стороны коллег тоже исчезли.

– Ты ведь актер, Ричард, вот и актерствуй, – он указал на сцену. Ричард краем глаза заметил, что его окружили со всех сторон. Голова в этот момент перестала думать. Выход был один – бежать. Ричард рванул через ряды кресел, так как остальные пути к отступлению были перекрыты. Только он запрыгнул на сидение, как Картер и его люди, словно псы, набросились на него. Картер ухватился за ногу Ричарда. Бедный упал, ударившись ребрами о спинку кресла. Пока он пытался отбиться от хватки Картера второй ногой, пытаясь попасть ему в голову, псы пробирались через ряды сидений, пока в какой-то момент их холодные руки не вцепились в его тело. “Это конец”, мысль гвоздем вбилась в голову. “Куда я ввязался? Зачем? Придурак”. Ричард закричал что есть силы и начал вырываться. Но вырваться из хватки трех человек – все равно что выйти из сонного паралича – чем сильнее сопротивляешься, тем дольше в нем останешься. Ричард чувствовал себя беззащитной собачкой в руках жестоких подростков, которые хотят отрезать ему лапку.

– Ты будешь лучшим актером нашего театра, – произнес Картер и вынул из заднего кармана шприц. Где-то вдалеке послышался звук раскалывающейся доски. – Держите креп-

че, – двое человек вцепились ему в руки и ноги. Картер оголил иглу и соединил со шприцом.

– Нет! Что вы делаете? Я рассказал, куда иду, всем друзьям. Если я исчезну, за мной сразу же придут. Отпустите меня, я никому не скажу.

Ричард изо всех сил дергал ногами, но хватка оставалась мертвой. Отломав головку ампулы, Картер набрал полный шприц. Пару раз брызнув через иглу, чтобы избавиться от пузырей воздуха, он сказал:

– Неужели ты думаешь, что мы выбираем людей с друзьями?

Шприц вошел в кожу шеи как шило. Он вдавил шток шприца и жидкость с молниеносной скоростью растеклась по венам.

– Приятно иметь с вами дело, – сказал он и вытащил иглу из шеи.

Свет начал пропадать из сознания.

– Ты станешь великим актером, я отдам тебя в руки лучшего режиссера и все узнают, что такое «театр очищения», – говорил с восхищением мутный силуэт, пока не уплыл во тьме.

АКТ 2

“Где я?” – в ушах нарастал шум, как под водопадом. Расфокус в глазах давал рассмотреть едва уловимые точки света. “Зуд в ногах просто невыносимый, Боже, что происходит? Почему мое тело не двигается?” – Ричард попытался закричать но ничего не вышло. Он боялся задохнуться от страха, поэтому старался не упускать возможности вдохнуть как можно больше воздуха. Закрыв глаза, он видел все те же огни. Они сияли и переливались, от чего голова шла кругом. И этот запах, словно лежишь в кучедохлых крыс. Его желудок не выдержал и выбросил через рот утренний завтрак. Когда ты блюешь в неизвестность, становится еще хуже. Единственное, что было понятно, так это, что его тело находилось в вертикальном положении.

Он прищурился и смог разглядеть людей. Кажется, они рукоплещут ему. Такие нарядные, как куклы на выставке. Причудливые парики чуть ли не слетали с их голов от столь яростных аплодисментов. Оживленные лица в зале требовали выступления. Раздался тихий механический звук подмышкой похожий на треск зубов друг о друга. Рука Ричарда поднялась вверх и неуклюже, точно как марионетка в руках плохого кукловода помахала людям в зале. Шум усилился. Кто-то свистел, а кто-то неразборчиво кричал. “Какого черта?”. Это не было его волей. Он был одет в жюстокор с бе-

лыми бантами на манжетах. На голове – тюрбан с белым пером. Принц махал со сцены, а зал ему рукоплескал. Не об этом он мечтал, когда поступал на актерский факультет. В глазах каждого, кто сидел в зале, виднелось предвкушение. Некоторые люди доставали бинокли и устраивались в креслах поудобнее. Сейчас будет выступление.

– Помогите. Пожалуйста, – прорезался едва слышный голос. Но зал лишь продолжал шуметь и восхищаться. Его рука опустилась, и по щеке потекли слезы, смешиваясь с неуклюжим гримом.

Наконец народ замолчал. Только эхо от безжалостного мычания Ричарда разносилось по залу, акцентируя внимание зрителей на центр сцены. Зрение почти восстановилось, и он смог полностью охватить взглядом зал и увидеть своих фанатов.

– Зачем? – спросил он публику хрипящим голосом, ответом была тишина.

В зале погас свет. Свечи хрустальной люстры медленно тухли. Казалось, эта люстра – единственный проблеск прекрасного среди мрака. Он представлял себя этой люстрой – такой беззаботной, отдаленной от здешней обстановки – пока не начал бесшумно отдаляться от публики вглубь сцены.

– Нет, нет. Отпусти меня, – прохрипел он в темноту, но ничего сделать не мог.

Люди из зала перешептывались между собой. Щелчок. На полу театральной площадки появился круг света. Классиче-

ская музыка повышала давление. Сладкими как мед нотами, безмятежная мелодия заглушала страх, от чего на висках пульсировали вены. На свет вышел человек в черном костюме.

– Эй, помогите мне, пожалуйста, – Ричард уже не верил в то о чем просил, но слова все равно вырывались из его рта.

Человек поднял правую руку так, словно держал в ладони сферу, а левую прислонил к груди. Представление начинается. Оперный голос величественно прозвучал на весь зал, и казалось был слышен старухе в магазине тканей. Тенор певца был превосходен, казалось, лучше слышать не приходилось. Обжигающие неприятные муравьи пробежались по затылку Ричарда.

– Люблю я девочку свою, никогда ее не отпущу. Ангел во плоти, что греет душу мне. Кровь родная, что хранил как камень драгоценный, сбежала от моей заботы, – он отходил спиной назад к Ричарду и круг света пятился за ним. – И теперь не видеть мне покоя, пока не верну утраченное мною сокровище, – подъехавшее к Ричарду тело продолжало петь.

Он увидел привязанного к манекену темнокожего мужчину в удлиненном смокинге. Кожа на его лице была покрыта лопнувшими волдырями. Разорванный рот, привязанный к механизму открывался и закрывался в такт словам песни. Круг света перешел на Ричарда и ослепил его.

“Это сон, гребаный кошмар который сейчас прекратится”, думал он, зажмурив глаза и пытаюсь пошевелить конечностями-

ми, которые даже не думали двигаться. Открыв глаза, осознание вылилось на него, как ведро ледяной воды. Кошмар не закончился. Как и этот темнокожий певец, он был вплотную привязан к скелету манекена, который он видел за кулисами. Ричард посмотрел на ноги бедолаги, которые перемещались по рельсам с помощью маленьких колес. Не могло уместиться в голове, что нечто подобное в принципе возможно. Этого просто не может быть! Он заорал во все горло, но вырвались лишь едва ли слышные хрипы. Тогда он заорал еще раз, и голос совсем немного прорезался. Ричард выбился из сил. “Неужели я закончу, как этот парень?”, подумал он. “Может, я тоже должен быть мертв и то, что я очнулся было ошибкой?”. Эта мысль пугала его еще сильнее.

– Она как лист в огне, я не отец, если не могу уберечь ее, – последнюю ноту певец растягивал, пока не погас свет и не зашумели аплодисменты.

Где-то за стенкой тихо затрещали шестеренки и манекен потащил Ричарда за собой. Опять. Куда? Зачем? Через некоторое время он почувствовал резкое торможение, которое символизировало прибытие в точку назначения. Его не покидало чувство, будто за ним кто-то наблюдает. Оно исходило из вполне конкретного места, куда он и повернул голову. Хоть ориентироваться в пространстве в такой темноте сложно, он знал, что в той стороне находился зал. Но не публика вызывала у него это чувство, а что-то намного ближе. Словно прямо перед лицом дышал призрак. Свет. На него смот-

рела посиневшая голова женщины. Рот ее был слегка приоткрыт, а мертвый взгляд пронзал Ричарда насквозь. Она была так же привязана к манекену. На мгновение показалось что под нарядным платьем ее грудная клетка надувалась и сдувалась. Но все это было не более чем иллюзией – девушка не могла дышать, она мертва. Лицо казалось ему знакомым хоть он понимал, что видит его первый раз. “Нет. Боже, это ведь... Актриса театра, в котором я месяц назад проходил прослушивание”, подумал Ричард и отвернулся. Его легкие сделали резкий выброс воздуха. В памяти возникли фрагменты, как девушка танцевала балет в том же платье, что и сейчас, и как было бы здорово пригласить ее куда-нибудь после выступления. Как он волновался, обдумывая с какой стороны начать диалог, и как не смог решиться даже подойти к ней. Ричард заплакал, и круг тусклого света направился на них. Когда не можешь вытереть себе сопли, чувствуешь себя еще более беспомощным. Слева от них стояли декорации ночного причала. Луна – большая, как во время суперлуния – освещала их костюмы. Мягкая мелодия скрипки очаровывала зал и заставляла публику умиляться.

– Мы с тобой в этом мире одни. Все оставила я позади. И никто никогда не разлучит нас, – запела девушка, и влюбленная пара взялась за руки. Они двинулись вдоль причала. Ричард отчаянно закричал, но его голос все еще тихо хрипел.

– Идет голова кругом от любви моей к тебе, Луиза, – раздался мужской голос и рука Ричарда произвольно косну-

лась локтя девушки. Она приблизилась к нему, коснувшись плечом его плеча.

– Что за волшебная ночь! Я хочу таять в твоих объятиях вечно, – вновь пропел голос Луизы.

Ее руки касались талии Ричарда и продвигались к спине. Когда руки достигли лопаток, ее плоть крепко прижалась к нему. Он поднял подбородок как можно выше, чтобы не видеть того, что сейчас происходит. Голова ее находилась на одном уровне с головой Ричарда. Холодная щека коснулась его шеи и прижалась сильнее. Он зажмурил глаза и пытался игнорировать морозец, пробежавший по коже. Холод растекался по его позвоночнику, словно тающий кубик льда. Подбородком он мог оттолкнуть ее голову, но вместо этого он ждал, пока все закончится, в противном случае пришлось бы прикоснуться головой к клочку её грязных волос. После подобного, никакого даже намека на чувство влюбленности, всю оставшуюся жизнь, человек испытать не сможет.

– Кто это тут у нас? Красавица и чудовище, – сказал хриплый голос.

Наконец тело девушки отлипло от Ричарда. Из-за угла декораций выехали четыре тела в шляпах-треуголках и потрепанных майках. У нескольких из них полностью отсутствовала нижняя часть туловища. Под дырявой одеждой можно было рассмотреть торчащие из под ребер легкие. Они так же, как и все, кого видел на сцене Ричард, передвигались по рельсам.

– Отдай нам принцессу и ты не пострадаешь, – пригрозил саблей бандит, дергаясь, как поломанный маятник метронома. Его тело привязали к манекену только хребтом, а руки согнуты как у глиняных фигурок пиратов.

Ричард расставил руки в стороны, закрыв собой Луизу.

– Только через мой труп, шайка мерзких крыс, – заявил он.

– Ах так, покажите ему, парни, – сказал бандит.

Они окружили влюбленных. Один из разбойников выцепил девушку и обнял. Остальные набросились на Ричарда. Они били его ногами и руками. По крайней мере, так должно было казаться публике. Выглядело это достаточно неуклюже, Ричард никакого урона не получал. Его манекен согнулся в ногах и опустил Ричарда на пол.

– Что это за безумие?! – проорал Ричард во все горло и музыка затихла. Куклы замерли. – Помогите! – закричал он. Возбужденные обсуждения воцарились среди публики.

– Зачем ты кричал? Идиот. Идиот! – он слышал, как в зале начали говорить о нем. Он точно знал, что о нем. Он ждал чего угодно с их стороны, но только не обсуждений. Тело Ричарда свела судорога. Он молил, чтобы выступление продолжалось и его никто не заметил. Музыка вновь заиграла.

– Оставим мы тебя в живых, чтоб страдал ты от любви неразделенной, – сказали бандиты и скрылись с Луизой на руках за декорации.

– Нет, Луиза, нет, без тебя мне жизни не видать, – Ричард

поднял руки вверх.

“Нужно действовать или я свихнусь. Может, я уже свихнулся? Нет, я помню, как этот ублюдок вколол мне что-то в шею, наверняка я сейчас накачен по уши”.

Ричард медленно отъезжал за кулисы под аплодисменты. Он остановился возле еще одного манекена с привязанным к нему человеком. На его голове красовался тюрбан, обвешанный разноцветными украшениями, а тело одето в форму военного восемнадцатого века. “Выглядит этот парень очень знакомо. Это Бен! Тот самый парень, что поскользнулся и упал на глазах у этих... тварей. А я ведь думал с ним познакомиться. Черт, нужно валить отсюда, а не то закончу как он”.

Дергания конечностями ни к чему не привели. Плотные завязанные узлы джутовой веревки вокруг рук сдерживали любое напряжение. Он пытался пошевелить пальцами, но руки полностью онемели. Если ничего не делать, кожа покроется гангренами, и тогда шансов на спасение уже не будет. Вдруг Бен открыл глаза так, словно очнулся от кошмара. В груди появилась частичка надежды.

– Что происходит? Где я? Я хочу домой, отпустите меня. Отпустите! – он кричал и панически всасывал в себя воздух.

– Тише, Бен, а то они услышат, – говорил Ричард.

– Что ты со мной сделал? – недоверчиво крикнул Бен. Манекен шатался от рывков его тела.

– Посмотри на меня – я точно в такой же ситуации.

От этого легче не стало.

– Попробуй вырваться, – сказал Ричард.

Зыркнув на него, Бен выдохнул и продолжил раскачиваться. Вперед, назад, вперед, назад. Крепление манекена постукивало о рельсы, так, что казалось, сейчас сломается или сойдет с них.

“Пожалуйста! Пожалуйста!”, молил про себя Ричард, смотря на выбивающегося из сил Бена. Бен остановился и напряг руки, пытаясь сломать железные прутья, к которым они были привязаны. Это было похоже на потуги хилого мальчика оседлать тренажер для сведения и разведения рук с максимальным весом. Пот стекал по его лицу, попадая в рот и глаза. Бен расслабил мышцы.

– Нет! Не получается у меня! – лицо Бена скривилось, а дыхание участилось.

– Я не должен был здесь оказаться. Почему я? Так и знал, что подобное произойдет. – он дышал, словно пес в самую солнечную погоду затем закашлялся так сильно, что, казалось, сейчас отхаркнет капли крови. Ричард хотел спросить, все ли с ним хорошо, но посчитал вопрос глупым в таких обстоятельствах.

– Бен! – Ричард обратил внимание Бена на себя, когда слушать бессмысленный треп стало невозможно. Глаза Бена переполнял страх. – Успокойся, – постарался вразумить его Ричард. Бен снова закашлялся, на этот раз сильнее. Говорить с ним было невозможно. Оставалось ждать, пока он успоко-

ится сам.

– У меня астма. Помоги, – прохрипел Бен и продолжил кашлять.

Ричард почти ничего не знал о природе этой болезни и о ее лечении, кроме того, что требуется ингалятор и спокойствие, которые достать сейчас было так же просто, как пошевелить руками. И то, он где-то слышал, что это все выдумки, и ингалятор распыляет воду, которую вдыхает больной тем самым успокаивая себя эффектом плацебо. Нужно было действовать. Ричард не хотел потерять, возможно, единственного выжившего в этом месте человека. Вдвоем шансы на успех хоть и мизерные, но удваиваются.

– Я врач, – слова вырвались из его рта, не раздумывая. – Успокойся, дыши носом. Вдох, выдох. – Ричард применил всю силу актерского мастерства.

Бен его игнорировал. Никогда ему еще не было так страшно за чужую жизнь.

– Послушай, Бен, мы выберемся отсюда, тебе нужно только успокоится, – умолял его Ричард. – Ты должен прислушаться ко мне и все будет хорошо. Слышишь?

Бен кивнул и засопел.

– Слушай внимательно. – Ричард говорил почти по слогам. – Сосредоточься на дыхании. Вдох и выдох. Медленно, вдох и выдох, – казалось, единственное, что мешало дышать спокойно – это сердце, которое било как пулеметная очередь. – Дыши ровно и все будет хорошо. Открой глаза.

Бен прислушался.

– Видишь? Все хорошо, Бен. Посмотри на меня, все будет хорошо.

Ричард понял, что выглядит, мягко говоря, не воодушевляюще. Нужно менять тактику.

– Бен, повтори: “все хорошо”, – улыбнулся Ричард, и ему стало не по себе от лжи и фальшивой улыбки. Хорошо явно не будет, и он об этом знал.

– Все хорошо, – Бен кивнул, закрыл глаза и начал проговаривать эту фразу из раза в раз.

– Вдох, – сказал Ричард, и Бен вдохнул полную грудь воздуха. – Выдох, – и Бен выдохнул.

– Видишь? С тобой все в порядке, – сказал Ричард. Бен кивнул, дав понять, что отходит. Теперь, с облегчением, выдохнул и Ричард. Секундное облегчение дало надежду на спасение. В голове появлялись картинки, как в самый ответственный момент астматик начнет задыхаться, тем самым выдаст их, или того хуже погубит.

– Что тут происходит? – спросил Бен, уставившись на разбойников укравших принцессу. Они решали, какой выкуп будут просить у ее отца.

– По всей видимости, нас похитила шайка психов и мы играем в их пьесе против собственной воли.

– Охренеть... охренеть... Я на такое не подписывался. Нужно валить отсюда! Скорей.

– Бен! Мы свалим отсюда, но нужно вести себя тихо. Мо-

жет, мы и не должны были выжить. Понимаешь?

– Ооо, – его голос задрожал еще сильнее. – Ты хочешь сказать, что живые тут только мы?

– Да.

Бену за кулисами не было видно полного людей зала и Ричард решил умолчать об этом факте.

– Вот черт, – сказал Бен и посмотрел на неуклюже пляшущего разбойника.

– И они управляют нами при помощи этих хреновин, к которым мы привязаны? – казалось, что Бен спрашивал себя. – А кто они? – он опять спросил себя.

– Если бы я только знал, – ответил Ричард.

Движения разбойников казались Бену очень знакомыми. Он уставился на них, словно чего-то выжидая.

– Пятьдесят пенсов. Нет, сто! Любовь дороже всего стоит, – внезапно пошевелил он губами в такт голосу из колонок, обратив внимание Ричарда на себя.

– Боже, – разрыдался Бен. – Это наказание за мои грехи, – он опустил голову, все еще до конца не отдышавшись от приступа астмы. – Я знаю эту пьесу. Ее ставили в центральном театре. Я ведь мог играть в массовке. А пошел сюда. Решил съесть кусок покрупнее, – он захныкал.

В это время разбойники запели веселую бандитскую песню и все так же неуклюже танцевали вокруг принцессы.

Через некоторое время Бен все же успокоился. Ричард не понимал, как можно в такой ситуации полностью отдаться

чувствам. У этого парня совсем нет инстинкта самосохранения. Все это время Ричард молчал и обдумывал план побега. В голову ничего не лезло. Буквально ничего. Оставалось надеяться только на везение, которого в этом проклятом месте нет. Еще раз попробовав вырваться и убедившись, что это бесполезно, он услышал голос Бена:

– С руками у тебя совсем беда. Может образоваться гангрена, – промычал Бен.

– Знаю, – задумчиво ответил Ричард.

Напоминания вызвали сильнейший зуд, такой что хотелось ладони сунуть в работающий блендер. Это не такой зуд, который, если не чесать, быстро проходит – скорее, наоборот. Такое чувство, что под кожей звенит миллион будильников, концентрированных в одной точке.

Дверь, находившаяся сбоку от Ричарда и позади Бена, закрипела. Из-за проема выглядывал небольшого роста человек в черном капюшоне. Он наблюдал за ними, пока Ричард не обернулся и не обнаружил шпиона. Лицо рассмотреть не удалось, так как сразу же человек опустил голову и, пробежавшись, скрылся за поворотом коридора.

– Эй! – крикнул Ричард вслед.

Он был уверен, что это тот карлик, которого он увидел перед прослушиванием.

– Что? – Бен посмотрел на Ричарда и понял, что сообщение адресовано не ему. – Что там? – более испуганным голосом сказал он. Чтобы посмотреть на дверь, Бену было необ-

ходимо повернуть голову на сто восемьдесят градусов или сломать шею.

– Да ничего, показалось. – погрузившись в раздумья сказал Ричард.

АКТ 3

“Каким же чудовищем нужно быть, чтобы организовать подобное кощунство?”, думал Ричард, наблюдая, как у разбойника в разгаре танца отвалилась рука. Видимо, была плохо привязана к манекену. Бен не реагировал и не отводил глаз от сцены. Казалось, он что-то знал, но не хотел говорить. На мгновение Ричард подумал, что Бену нравилось выступление. Но он не похож на тех, кто сидел в зале – в отличие от них, его лицо источало отчаяние и боль. Бен еще пытался освободить конечности от пут. Ничего не получалось. Хоть бы на миллиметр продвинуться. Нет. Веревки крепко держали его в петле. Есть моменты, когда хоть какое дыхание не открывай – ничего не получится. Паршивое чувство.

Сцена с бандитами длилась недолго. За это время Ричард несколько раз оборачивался на пустой дверной проем. Сцена закончилась и кулисы закрылись. Тусклый свет фонарей осветил декорации. Выступавшие на сцене актеры разъехались по углам. Ричард и Бен переглянулись, ожидая худшего. Послышался топот, и из коридора вышло несколько человек. Половина из них убирала передвижные декорации за кулисы к кубообразным клеткам, которые, как подумал Ричард, нужны для последующих сцен. Один из них взял тело девушки, играющее роль Луизы, отсоединил его от рельс и потащил за собой через сцену к Ричарду и Бену. Коллектив ра-

ботал слаженно, все заняты своим делом. За кулисами театр жил жизнью безответного безумия.

– Эй, ублюдки, отпустите нас! – закричал Бен.

В ответ никакой реакции. Его лицо сразу поменялось на такое, какое бывает обычно когда жалеешь о чем-то. Парень, что волок девушку по полу, проходя рядом с Ричардом и Беном, окинул их взглядом и крикнул: “Себастьян!”. Человек, которому адресовалось сообщение, стоял вплотную к актеру-бандиту, и тушью подводил его наполовину сгнившие брови. Он повернул голову и, сложив руки на груди, вздохнул, всем своим видом показывая – «Опять ты меня отвлекаешь!». Он дернул несколько раз головой, пытаясь избавиться от локона черных волос на лице. Человек, держащий труп девушки, поднял подбородок и направил его в сторону Ричарда и Бена, не отводя взгляда от Себастьяна, словно приказал подойти к ним. Не стоило Бену кричать. Хотелось орать во все горло, чтобы их освободили, но, приняв реальность, какой бы кошмарной она не была, они поняли, что теперь лучше молчать. Себастьян грациозно двинулся к ним, а парень, недовольно махнув головой, поволок девушку дальше. С первого взгляда определить пол Себастьяна не удалось. Хотя, какое это имело значение?

– Ага, вот и вы, простите, не узнал ваши милые мордашки среди других. Как проходит выступление? – не придавая ничему значения, он достал кисть.

Отвечать Ричард не стал. Себастьян пальцем вытер его за-

слезившиеся глаза и кистью подвел контур глаз. Прищурившись, он легкими мазками, точно, как художник, что вырисовывает портрет своей возлюбленной, кистью проводил по его ресницам.

– Не дергайся, – сказал он.

Ричард чувствовал себя куклой, которую в любой момент могут разобрать на части. Себастьян щелкнул колпачком от туши и спрятал ее в карман на поясе. Из-за спины он достал кисть потолще. Себастьян прошелся ею по лицу говоря женоподобным голосом:

– Вам еще выступать, меньше слез – от них грим портится, – моргнув глазами так, как обычно моргают новорожденным детям, он дал понять, что закончил. Его черные как две бездны глаза утопали в ехидности. Хотелось навсегда убрать эту наглую ухмылку с его мерзкого наполовину мужского лица. Устоять перед искушением плюнуть в эту морду не мог бы самый принципиальный человек, включая и Ричарда.

– Пошел ты, пидор обдолбанный, – он уже собрал нужное количество слюны на языке, но удар ладонью по щеке дал ему плюнуть в другую сторону, отчего несколько капель попали на Бена.

– Не смей! – он оттопырил указательный палец и пригрозил им.

Тьма локона волос на лице сливалась с безумием его широких зрачков.

– Скажи спасибо, что ты выступаешь, дорогуша, – он по-

смотрел на Бена.

– Бери пример с толстячка и помалкивай, – он спрятал локон за ухо и подошел к Бену.

Тот затрясся при виде черных как смоль глаз и худого тела. Себастьян вплотную приблизился к его лицу. Бен закрыл глаза и с каждым вдохом вспоминал, как над ним издевались в школе. Кистью потолка он прошелся по его лицу, будто стряхивая пыль.

– Ты мне нравишься, – сказал он ему на ухо, и Бен зажмурился сильнее. Себастьян схватился за бок пояса и вынул из него небольшой нож, не отводя глаз от Бена.

– Открой глаза, – сказал Себастьян. Он взял нож двумя пальцами и пошевелил им как маятником на нитке. Бен его не слышал, он находился в мире воспоминаний, где, зажмурившись, можно избавиться от проблем.

– Открой глаза! – крикнул Себастьян. Кошмарная реальность заставила его прийти в себя. Бен увидел нож и заскулил, как щенок, стараясь отдалить голову от него. Но Себастьян приближал холодное оружие к голове бедняги, пока не коснулся лба.

– Успокойся, это всего лишь нож, – улыбнулся он. Казалось, что у Бена опять начинается приступ. – Все хорошо, Бен, ты станешь лучшим актером. – продолжал Себастьян.

Только Ричард открыл рот чтобы закричать «Отвали от него, тварь!», как передумал, увидев отблеск света на лезвии ножа. Сейчас он не в том положении, чтобы хоть как-то

помочь. Себастьян повел плоской стороной лезвия ото лба вниз по щеке, потом по шее и груди. Зрачки Бена следили за острием, отчего казалось, что глазные яблоки повернутся обратной стороной. Добравшись до живота, он остановился. Бен на вдохе втянул живот, но нож не отставал, так что на выдохе он бы проткнул его тело. От страха он еще больше старался убрать пузо от опасной стали, отчего кишечник сводило мучительным ноем тошноты.

– Мы оба знаем, что рано или поздно ты это сделаешь, выдыхай, – сказал Себастьян, приставив нож в упор животу. Бен молчал, издавая лишь потрескивающие звуки слюны проходящей через зубы.

– Из тебя вышел бы хороший пантомим, – он отрезал несколько нитей на одежде Бена и повернулся. – Удачного выступления, Ричард.

Себастьян скрылся за дверным проемом в коридор. Конкретика сбила Ричарда с толку, он расценил это как угрозу, и пожалел, что не промолчал. Бен все еще напряженно дышал сквозь зубы.

– Черт, чем я такое заслужил? – он посмотрел вверх, словно обращаясь к Богу.

– Никто такого не заслуживает. Возьми себя в руки, нужно думать, как отсюда выбраться, – заявил Ричард.

– Это невозможно, я точно не... – Бен хотел что-то сказать, но замолчал, заметив, как тело Луизы волокут обратно.

Она одета по-другому. Это было старое тряпичное платье,

в которое, видимо, по сюжету пьесы ее переодели разбойники. Парень, что ее тащил, положил тело в одну из клеток, стоявших за кулисами. Работники театра один за другим стали расходиться. Себастьян выскочил из дверного проема и подбежал к девушке. Он достал нож и начал ковырять им ее лицо. Со всей злобой он резал кожу, что-то бормоча под нос, пока рот не превратился в мерзкое месиво. После он встал и, подмигнув то ли Ричарду, то ли Бену, ушел.

– Вот ведь больной убудок, – заявил Ричард, заметив разорванный рот девушки, и от такого зрелища отвернулся на задумчивого Бена. Задумчивость – это не та реакция, которую он ожидал от столь ранимого человека. “Может, это эмоциональный шок”, подумал он и решил окликнуть приятеля, чтобы хоть как-то отвлечь его от хаоса, творящегося в голове. Бен не отреагировал.

– Черт, я знал, – словно озаренный промолвил Бен. – Мы спасемся, спасемся! Та девушка в клетке, перед тем, как ее переодеть, ее отвязали от этой хреновины. – Бен говорил, вселяя доверие, но Ричарду было непонятно, к чему он клонит. – Я знаю эту пьесу. Сейчас идет третий акт, так как Луизу переодели бандиты. Если по сюжету, – Ричард заметил, как Бену неприятно говорить подобными терминами в контексте происходящего, и в этом они были полностью солидарны. – Мы играем братьев Гримбси, то нам немного повезло. В шестом акте наших персонажей будут переодевать. Им придется нас развязать и снять старые лохмотья, тут то мы и

ударим, – Ричард представил давно забытый им мультик из детства, правда, он не помнил какой.

– Мы ведь не в сказке, это ни за что не сработает. Мы в странном театре, где тела людей используют в качестве кукол. Думаешь, они не догадаются что мы захотим убежать?

– А что, если притворится мертвым?

– Нет, – Ричард усмехнулся, но ухмылка быстро спала. – Наверняка, кто-то догадается воткнуть нож в руку, и плану конец.

– Они же психи. Моя бабушка вот, думала, что я погиб в аварии, потому что был невнимателен за рулем, а в мое тело поселился совершенно другой человек. Может, и с ними так же.

– Идея безумная, но что нам еще остается, – немного подумав заявил Ричард, и его ладони снова зачесались. “В противном случае, нас убьют после пьесы”, подумал он.

– Забавно, у меня ведь даже автомобиля нет, – Бен опустил голову.

– Ты прав, шансов у нас будет гораздо больше с развязанными руками. Черт, если бы я только знал, куда все повернется.

– Да, это точно она, – сказал Бен и, увидев, как с другой стороны кулис выносят реквизит, затих.

Фон сцены обставили забитыми книжными полками, стол со стопкой бумаг и печатной машинкой – по центру сцены, несколько рыцарских лат – по бокам, а к стене прикрепили

герб в виде щита и двух скрещенных мечей. Когда рабочие покинули сцену, разговор вновь возобновился.

– Осталось только надеяться, что мы играем главные роли, братьев Гримбси, – заявил Бен.

– Луиза по сюжету – девушка одного из братьев?

Ричард не верил, что обсуждает сейчас сюжет пьесы.

– Да.

– Значит я играю одну из главных ролей.

– Я понял, отлично, ты младший, – Бен замер от аплодисментов, которых раньше не слышал.

Веревки накручивались на барабан и кулисы распахнулись. Манекены все еще стояли на месте. По лицу Бена было непонятно – хотел он двинуться на сцену или пусть лучше кто-то другой играл бы роль второго брата. Одно было видно точно – он боялся.

Пианино заиграло мерзкой октавой и свет на сцене приобрел тусклые оттенки. Ноги Бена завибрировали. Его выбрали. Он не понимал, как реагировать, поэтому просто кричал. Но не от страха или безумия, а... Если честно, Бен сам не знал, почему кричал. Голос из колонок запел басом и Бен выехал на сцену.

– Боже, нет, что там? Куда я еду? – Бен адресовал это Ричарду, который пытался его успокоить. Он приближался к столу в центре сцены, словно к циркулярной пиле, которая бы раскромсала его тело. Он повернулся к сцене, его челюсть больше не могла держаться.

– Любовь неразделенная моя, – руки Бена распахнулись, словно хотели обнять весь мир. – Где-то в вечности летает. Не передать словами что я чувствую когда вижу вместе их. – Бен остановился возле стола и предстал перед предвкушающими зрителями во всей красоте. Баритон казался слишком громким, уши болели, но публика наслаждалась.

– Ради нее готов на все, на все! – Бен ударил по столу, стопка бумаг подскочила и обвалилась. Бен стиснул зубы от боли – он сломал палец о край печатной машинки. На сцене появился Ричард.

– Брат, помоги мне, любовь всей моей жизни защитить, – его тело неуклюже повертело руками. – Луиза, ее захватила шайка разбойников Барона, – он подъехал к Бену и положил ему руку на плечо.

– Ричард. Я не смогу. Это какое-то безумие. Меня вообще не должно здесь быть, почему? Почему я? Эти... лица... Я не могу, они смотрят, – он кричал, но «сотрудники театра» не реагировали. Их и не было вовсе, они пропали и, видимо, пустили сцену на самотек.

– Бен, обещаю, мы сбежим, – сказал Ричард, не веря ни единому своему слову.

– Как ты мог позволить этому случиться? Сейчас же созываю на поиски людей, – сказал голос.

Персонаж Бена оттолкнул Ричарда и скрылся за кулисами. Свет погас так же быстро, как оборвалась музыка. Теряющиеся в темноте стоны Бена создавали иллюзию нахождения в

истории ужасов. Только вот осознание, что все происходило в реальности, вызывало нечто вроде судорог в коленях. Шестеренки зашумели, послышались шаги – они то приближались, то отдалялись. Ричарду казалось, что в любой момент во тьме раздастся удар под дых. Или острое ножа пройдет по его горлу. Он махал головой, уклоняясь от опасности, и в то же время понимал, что это не поможет. Бен замолк. В любой момент он умрет. Вот, вот, только не сейчас. Скрежет металла обдирал уши.

“Что это? Что с Беном? Почему я его не слышу? Они убили его? Они слышали, что мы планировали сбежать? А вдруг они решили от нас избавиться?” – скрежет приближался. Он не столько боялся умереть, сколько продолжать выступать на сцене мертвецом. Только подумать – твое тело на потеху больным ублюдкам, считающим это искусством. Ричард попробовал вырваться – не получилось. Он прислушался в надежде услышать стоны Бена, но скрежет обрывал его стремление. Теперь все происходило у него в голове. Это всего лишь пьеса. Это не по-настоящему. Ох, как бы ему хотелось, чтобы это было так. “Господи, ты есть, я знаю, позволь выбраться отсюда, я больше никогда не буду делать плохие вещи. Я знаю, я во многом перед тобой виноват, я всего лишь хочу жить спокойно”. Ричард вспомнил все разы как он срылся на свою мать. Как он не пришел в больницу, когда нужно было сказать всего пару слов, чтобы мама ушла спокойно на тот свет. Как он плакал и винил себя на ее похоронах.

Он старался найти причину попадания в Ад и, возможно, нашел. “Нужно было лишь сказать, что я люблю ее, это все, что от меня требовалось”, говорил он про себя, мысленно перемещаясь в больницу, как щелкнул свет. Напротив стоял Бен. Они опять за кулисами. На сцене стояла металлическая клетка с телом Луизы внутри.

“Почему ты мне не сказал, что там полный зал извращенцев? Какого хрена они просто сидят и смотрят? Ты посмотри на это – мы в логове чертовых психов. Я не думал... я не думал, что все так плохо. Нам не выбраться”.

–Твой план срывается, ждем шестого акта. – прошипел Ричард.

Рядом с ними проехал один из бандитов и остановился возле Бена своим зловонием вызывая приступ тошноты.

– Нет, я не хочу умирать! – закричал он.

– Бен, – окликнул его Ричард.

– Нет! – крикнул он, как капризный ребенок, которому суют ложку с кашей в рот. – Ничего у нас не получится, сдохнем тут, как и все эти люди, – он посмотрел на разбойника рядом.

– Бен! – крикнул Ричард, и вспомнил, что в любой момент может случится приступ астмы. Наверное, не стоило лишний раз его напрягать. Но сейчас Ричарда меньше всего заботила астма.

– Твою мать, Бен, просто посмотри, – сказал Ричард и Бен повернул на него голову. Он указал глазами на саблю за по-

ясом бандита рядом с рукой Бена.

– Сможешь дотянуться? – спросил Ричард и огляделся. Никого из работников в поле его зрения нет. “Пока сцена идет, надеюсь, они не заявятся”, подумал он.

– Рук не чувствую, – Бен еле пошевелил мизинцем.

– Постарайся, пожалуйста, – умолял Ричард.

Бен попытался сжать пальцы в кулак – ничего. Дернулся лишь указательный. Со стороны это выглядело как попытки мысленно пошевелить пальцами отрезанной руки. Через некоторое время дернулся и средний. Получается! Он посмотрел на Ричарда, демонстрируя свои достижения.

– Давай, у тебя получится, – заявил Ричард. Он думал, что раз Бен не жаловался на зуд, значит с его руками все не так уж плохо. Во всяком случае, синеть они не начали. Наконец дернулся безымянный.

– Есть, – воскликнул Бен. Он сжимал и разжимал руку, словно держал в ней эспандер, и онемение частично прошло. Но не до конца – ладонь еще неприятно вибрировала. Бен с трудом повернул кисть, объятую веревкой, дав руке немного свободного места и, дергая кисть на себя, пытался вытащить ее – но ничего не вышло. Ладонь слишком толстая.

– Сосредоточься, – приказал Ричард.

Бен кивнул, несколько раз выдохнул и, сжав губы, потянулся к сабле. Пальцы Бена напряженно тряслись, так что согнуть их было бы сложно. Сабля совсем рядом. Нужно только дотянуться. “Боже, несколько сантиметров. Еще немно-

го и он достанет”, думал Ричард. Глаза словно два шарика, казалось могли выкатиться из его глазниц в любой момент. Вот он уже коснулся рукояти сабли. Фаланга среднего пальца загнулась, еле ухватившись за меч. Сабля словно магнитилась к руке. Теперь и указательный загибается. Скользящие по рукояти пальцы оставляли мокрый след. Под мычание Бена безымянный тоже загнулся. Сухожилия на внешней части локтя, казалось, сейчас порвутся. Стиснув зубы, он продолжил тянуться, пока сабля, дрожащая от ладони Бена, не поддавалась и не оказалась у него в кулаке. Бен с облегчением выдохнул. Утренние пробежки, чтобы сбросить вес не казались ему такими изнурительными как это испытание.

– Да! Да! – Бен обнажил свои зубы в улыбке и посмотрел на Ричарда. Ричард подыграл. Бен повернул кисть и вытащил саблю. Он вцепился в нее как в последнюю надежду на спасение, и, казалось, в потных руках она выскользнет, как мыло.

– Теперь попробуй перерезать веревки, – сказал Ричард. Кончиком сабли можно было перерезать веревки на плече, а потом и на кисти.

“Не так-то это просто, как может показаться на первый взгляд. Но если одна рука будет свободна, он с легкостью освободит себя, а потом меня, и тогда мы спасены”, думал он. Ричард уже начинал размышлять, что будет делать дальше – бежать к выходу или прятаться? Он не знал, но думал об этом.

– Бутафорщина, – раздался тонкий голосок. От неожиданности Бен выронил саблю и та с дребезгом упала на рельсы, издав звук, похожий на удар молота по наковальне. Рядом с ними стоял тот самый небольшого роста человек в капюшоне, которого некогда видел Ричард за дверным проемом.

АКТ 4

Тянущийся на второй октаве сопрано Луизы восторгал зрителей. Ее голос окутал зал печалью, а рука, торчащая из клетки, тянулась к воспоминаниям беззаботной жизни. Женщина преклонного возраста с первого ряда прижимала платок к скулам, пропитывая его слезами. Видимо, она нашла частичку себя в Луизе. Поистине драматическая сцена. Но у кого-то есть дела поважнее.

Оцепеневшие пленники пялились на человека в капюшоне. Маленькая неизвестность, казалось таила в себе ужасы пострашнее нынешних. Человек со своим капюшоном создавал впечатление чего-то зловещего. Ричарду сразу показалось, что именно в нем кроется та самая необъяснимая загадка театра и ответ на вопрос, что тут происходит.

– Этим вам ремни не разрезать, – сказал человек.

Ричард и Бен переглянулись.

– Пошел к черту! – крикнул Бен.

– Не надо, – шепнул Ричард. Бен сразу смекнул, что стоит замолчать.

В ответ на это человек снял капюшон, под которым красовались длинные расчесанные волосы совсем еще невинной двенадцатилетней девочки. Маленький Ангел, которому принудительно режут крылья. Девочка подобрала саблю и поставила на место. То, как она бегала, вызывало только

умиление. “Что она тут делает? Работает?”, удивился про себя Ричард.

– Папочка говорил мне, что разговаривать с куклами опасно, но я его не слушаю, – сказала она и посмотрела на них с опаской. Все же видно, что папочку она слушает. Ричард заметил синяки на ее шее и лице. Видно, как это место только начинало влиять на ее неокрепший разум.

– Мы не куклы, посмотри – мы живые, – возразил Ричард. Он уже не надеялся на постороннюю помощь. Но девочка поселила в него кроху надежды.

– Все вы так говорите, они тоже так говорили, – она уставилась на трупы, привязанные к манекенам.

– Разве куклы могут испытывать боль? Плакать или радоваться? – сказал Ричард. Нужно играть по ее правилам, подумал он.

– Имя, – ее глаза заблестели. – Куклы не имеют имени.

– Ричард.

– Бен, – Бен почувствовал себя немного глупо и подумал, что лучше бы он молчал. – Хорошо? Видишь, мы такие же живые, как и те люди в зале, как и ты.

– Но... Почему они там, а вы тут?

– Они нас сюда запихнули, прошу, помощи нам, мы не куклы.

– Если я вас освобожу, вы сбежите и меня накажут. К тому же, имена ты мог только что придумать.

– Боже, – Ричард поднял голову вверх и закрыл глаза. Де-

вочка промолчала, уставившись на рельсы. Она ухватилась за свою руку чуть выше локтя.

– Вам действительно больно? – спросила она, и ее коленки затряслись. Они оба промолчали.

Девочка посмотрела по сторонам, а потом оглянулась. Никого не было. Она подбежала к Ричарду и немного разжала ремень на левой руке. Ричард опустил голову и скривил печальную гримасу, а у самого внутри ядерный реактор, в любой момент готовый взорваться. Потом на правой. Закованные куски мяса начали оживать. Она повернулась к Бену.

– Ты держал саблю, значит с тобой все в порядке, – говорила она, поправляя тюрбан, который постоянно слетал с его головы.

– Сейчас опять ваш выход, – она подошла к Ричарду ближе. – Не бойся, у тебя все получится.

В голове Ричарда роились вопросы, которые не давал задать страх и хаос в сознании.

– Меня зовут Алиса, – она отвернулась и вприпрыжку побежала за дверь.

Кровь начала циркулировать по конечностям. Отек начал сходить, и рука приобрела красный цвет. Всяко лучше, чем синий. Ричард наконец смог пошевелить пальцем. Вместе с этим появилась вибрации словно под кожей рук кишки кузнечики.

– Что это было? – спросил Бен.

– Не знаю, но теперь я могу шевелить руками, – Ричард

дернул рукой, но освободиться не получилось. Пальцами он потянулся к кисти, и, еле-еле коснувшись связывающей его веревки, бросил эту затею. Не получится как не крути. Это место напрочь убивало силу воли. Можно было сломать себе кисть или вырвать руку с кожей и мясом, но получилось бы это только имей ты зверское, животное стремление спастись. В таком месте как это, терять человечность опасно и губительно для жизни.

– Может девочку держат тут насильно? Видел эти синяки? – спросил Ричард.

– После того, что я увидел там, – Бен показал глазами на сцену. – Я понял, что эта шайка непредсказуема, мало ли в какие они игры играют?

– Только не маленькая девочка. Она помогла. Значит в отличии от других, у нее есть эмпатия, – Ричард задумчиво отвернулся.

– Боже, мы находимся в театре, тут у всех эмпатия, – сказал Бен и посмотрел на саблю, лежавшую на том же месте, откуда он ее взял.

Девушка на сцене все еще пела и впервые Ричард услышал в этом красоту. Она не была связана с выступлением и мертвыми телами, просто девушка красиво пела. Видимо, его истощенный мозг хоть где-то искал утешения раз он смог увидеть проблеск света среди мрака. Ричард оправдывался перед собой и наблюдал, как на другой стороне закулисья выносят реквизит в виде людей, облаченных в легкие доспехи

с выгравированным гербом на корпусе. Их подсоединяли к рельсам, поправляли одежду под доспехами и гримировали.

“Сколько тут еще “актеров”?”, спросил сам себя Ричард. Число, которое пришло в голову испугало его. Рядом с ними по рельсам пронесли тела мертвых людей. Один за другим, они выезжали на сцену под видом разбойников и что-то пели. Все мертвы. Мертвы. Столько жизнью они забрали для этой мелодраматической пьесы, и сколько еще заберут. Вот оно, сущее зло, не имеющее смысла. “Ты избранный!” – слова Картера мелькнули в голове. От мысли, что он стал избранным в этом извращении, ему стало плохо и он проблевался. Он решил, что не стоит больше об этом думать. “Это знак свыше, я полез не туда. Совершил мыслепреступление.”

– Эй, ты как? – спросил Бен.

– Когда уже этот сраный шестой акт? – Ричард поднял на него глаза.

– Еще два, – сказал Бен без энтузиазма.

Ричард посмотрел на испачканную в своих извержениях одежду.

– Не думаю, что они будут нас переодевать, – ответил он, и его манекен выехал на сцену к толпе разбойников. “Только не сейчас, нет”, подумал он и, опустив голову, замолчал.

– Отпустите девушку и мы подарим вам жизнь.

Пьеса продолжилась. Выехал и Бен. Толпа разбойников стояла около клетки в центре зала, в руках они держали сабли.

– Попробуй отбери царский ублюдок, – сказал один из них.

Люди в легких доспехах все еще стояли за кулисами. Рука Бена согнулась в локте и поднялась.

– В бой! – крикнул голос из колонок. Отряд братьев Гримбси двинулся по рельсам и окружил разбойников. Секундное молчание – и на сцене воцарилась война. Звон клинков, крики людей и звуки разрезающейся кожи с каждой секундой усиливали тревогу. Мечи вонзались в безжизненную плоть, не щадя резали друг друга со всей жестокостью и пустотой в глазах. Так же безжизненно за этим наблюдали Бен и Ричард, тела которых в потасовке не участвовали. Снова и снова им приходилось смотреть на это, пока разбойники не стали напоминать расквашенные арбузы в одежде. Видимо, сабли были настоящими. Победа! Принцесса спасена.

– О, спасение мое, – клетка начала подниматься на веревке.

Сразу же отчетливо стало видно изуродованное лицо Луизы. Ее зубы, каждый из которых был вырван, вместе с отрезанными губами лежали в открытом рту. От лица почти ничего не осталось. Она приблизилась к Ричарду, разводя руками. Он не мог оторваться от остатков глаз Луизы. Мерзкое зрелище во всех смыслах, но оторваться не мог. От этого его рот слегка приоткрылся. Тело Луизы вытянулось вверх, отрывая друг от друга позвонки, и сравнялось по росту с Ричардом. Изуродованный рот приближался к его лицу все

ближе и ближе. Кусочки разодранных в клочья десен прилипли к зубам.

– Я люблю тебя! – воскликнула Луиза, прижала талию Ричарда к себе и их рты слились в страстном поцелуе. Несколько зубов попали ему в горло, отчего ком мерзости подошел к горлу и он проблевался. Рвота лишь накапливалась у него во рту и его стало тошнить сильнее. Он с булькающим звуком закашлял. Осознав, что сейчас он захлебнется, он приложил все усилия и вырвал голову в другую сторону так, что Луиза продолжала целовать его в ухо. Рвота падала на пол сцены. От крови, которая потоком сочилась из ее рта, заложило ухо. Бен отвернулся.

– Я так тебя люблю, ты мой спаситель, – произнесла Луиза. Ричард издал рев, наполненный отчаяния и слез. Круг света осветил Бена, оставив остальных в тени.

– Я вижу, как она запуталась. Он не достоин столь яркой красоты. Остался мне один лишь выход. – сказал голос и кулисы закрылись. Желудок Ричарда перестал извергать желчь, он просто надрывался, пока тошнота не прошла.

Только они вернулись на прежнее место, Бен заметил, как та самая девочка прискакала к ним.

– Что тебе нужно?! – на этот раз Бен спросил уверенно, но с опаской. Она достала из небольшого кармана своего голубого платья фиолетовый цветочек «сирени» и положила его за ухо Ричарду. Он посмотрел на нее из-под опущенной головы, а потом заплакал, издав негромкий крик. Слезы выте-

кали из его глаз, как вода пробившая плотину, и капали на рельсы.

– Зачем ты это делаешь?! Хватит над нами издеваться! Оставь нас! – закричал на нее Бен и лицо Алисы поменялось, словно ей стало стыдно. Ее щеки покраснели. Она развернулась и побежала, врезавшись в ноги, объятые черными колготами. Это был Себастьян.

– Алиса, моя девочка, – сказал он и положил ей ладонь на голову. Алиса обозленно на него посмотрела.

– Что ты тут?.. – он заметил цветок за ухом Ричарда.

– Ах ты, сучка малолетняя, – он схватил ее за руку и отобрал цветок.

– Что это? – Себастьян тряс цветок перед ее маленьким носом. Алиса молча опустила глаза. Несколько раз шлепок от пощечин раздался в ушах Бена и Ричарда. Девочка не плакала, с каждым ударом злоба в ее глазах увеличивалась. Но ни слезинки.

– Ты хочешь испортить все выступление? – говорил он, усиливая удары, пока следующий не сломал ноготь на указательном пальце, и не оставил порез на лице Алисы.

– Твою мать! – крикнул он и сжал палец в ладони. Девочка все еще стояла на месте.

– Я с тобой еще разберусь, тварь. Пошла отсюда, – Себастьян отбросил ее руку в сторону двери, она споткнулась и упала. Не мешкая, она встала и побежала в коридор. Себастьян бросил цветок на пол и раздавил его ногой. Он кри-

чал и топтал его, словно эта веточка сирени – причина всех его комплексов и бед. Ричард подумал, что лучше не попадаться ему на глаза, как сразу Себастьян повернул на него две черные точки.

– Боже, что она с тобой сделала, – сказал Себастьян жалостливым голосом. Лицо Ричарда было в крови и рвоте, как и одежда. К его щеке прилипло несколько зубов Луизы. – Ты весь испачкался, дай-ка подкрасу.

Ричард дернул головой.

– Не смей шевелиться! – он пригрозил указательным пальцем, и от боли сразу его спрятал.

– Ублюдок, – сказал Бен. Ричард удивленно повернул голову.

– Что ты сказал? – спросил Себастьян, не повернувшись. Ричард надеялся, что Себастьян не услышал. Бен замолчал и через некоторое время сказал:

– Мерзкая, уродливая крыса.

Своим носом он действительно напоминал в этот момент крысу. Себастьян медленно повернул голову.

– Бен, не надо, – прохрипел Ричард. Поведение Бена привело Ричарда в шок. Что с этим парнем происходит?

– Помолчи, – Себастьян дал ему несильный подзатыльник.

– Посмотри на себя, свинья недоделанная. Ты, наверное, забываешь, где находишься? Толстячок.

Бен не отводил взгляда от его черных глаз. Он промолчал.

Себастьян отвернулся к Ричарду и, схватив его за волосы, приказал не шевелиться. Он продолжил мазать ему брови тушью, вытирать слезы и кровь, убирать зубы с его щеки.

– Уродина, – сказал Бен.

Себастьян со всей мочи бросил кисти и краски об пол, отчего Ричард немного вздрогнул. Его глаз начал дергаться, а лицо скривило.

“Что ты задумал, Бен?”, подумал Ричард.

– Ты, жиробасина, думаешь, если ты играешь в театре главную роль, то я не могу причинить тебе боль? – он подошел к Бену и пригрозил покрашенным красным лаком пальцем. “Жиробасина” – это слово часто использовали хулиганы в школе. Бен никогда не мог им ничего сказать, но сейчас с каждым таким словом он чувствовал себя более уверенным в себе.

– Ты очень, очень сильно заблуждаешься, толстяк, – голос Себастьяна возбужденно дрожал. Он подошел ближе и врезал Бену с размаху под дых. Потом еще раз. И еще. Бен выдержал удары, но сделал вид что задыхается.

– Заткни свой поганый рот, ты меня понял? – Себастьян положил палец на губы “актера”. Бен сразу вспомнил разорванный рот Луизы. Если он и верил в плохих людей, то в монстров он точно не верил.

– Еще раз я что-то от тебя услышу... – не успел договорить Себастьян, как Бен вгрызся ему в палец, и зал поразил дикий вопль. Откусить палец гораздо сложнее чем он думал. По

прочности палец напомнил ему хрящи куриных лапок, которые бабушка добавляла в суп. Как-то он разгрыз одну. Все же, мотая головой, с дикой яростью он оторвал его и сразу же выплюнул. Все произошло быстро. В одышке Бена слышался рык. Его зубы заляпаны кровью, как и область вокруг губ. Себастьян схватился за обрубок пальца. Кровь хлынула, как яд из зубов плюющей кобры.

– Я убью тебя! Ты будешь страдать, свинья тупая, – Себастьян подобрал свой палец и, держась за руку, убежал прочь, спотыкаясь на каблуках. Впервые Ричард смотрел на Бена с опаской. “Этот парень не так прост, как кажется”, подумал он.

– Ты поступил безрассудно, – сказал Ричард. Крики трансвестита без пальца из коридоров было слышно на всю сцену. Ричард заметил, что публика в недоумении.

– Пусть еще хоть раз покажет мне свой палец, – Ричард улыбнулся, следом за ним и Бен.

– Надеюсь, нас не убьют за это.

– Знаешь, до этого я не верил, но сейчас какое-то странное чувство говорит мне, что все получится. Раньше я такого не испытывал. Мы должны подготовиться. Я тут понял, что когда они нас отвяжут, руки начнут восстанавливаться. В самый неожиданный момент.., – заявил Бен. Его голос блистал уверенностью. Бен настолько был заведен, что перебивал сам себя.

– Мы, мы порвем их и сбежим! Остался один акт. Сплани-

руем все и не будем делать глупостей, – заявил Бен. Его глаза словно уже были на свободе. Изнеможенный Ричард кивнул.

АКТ 5

За кулисами опять суматоха. Работники театра передвигали декорации и выносили новых актеров на сцену. Все казалось привычным, и Ричарда это раздражало. К такому не хотелось привыкать. Трупы, наряженные в костюмы 18 века, вонь, искренне радующиеся лица, извращенные пьесы – Джек Потрошитель не привык бы к этому месту, хотя, наверное, все это рассчитано для таких, как он. Такое впечатление, что криков Себастьяна никто не слышал. Ричард и Бен настроились, что кто-то отомстит за откушенный палец, но, видимо, им не привыкать – настолько всем все равно. “У убийц нет чувства эмпатии даже к своим, настолько все тут плохо”, думал Ричард. В центр сцены к рельсам подсоединили темнокожего мужчину, который пел, когда Ричард только очнулся.

– Еще два акта до нашего выхода. Действовать нужно сейчас. Я притворюсь мертвым, а ты начнешь кричать. Скорее всего, внимание сконцентрируется на тебе, – Бен говорил шепотом.

– Может, все-таки, я? А если ты попадешь к этому психу без пальца, видел, что он делает с мертвыми людьми? Наверняка он захочет отыграться.

– Ты прав. Сможешь сыграть сердечный приступ? Пусть эти суки подавятся нашей актерской игрой.

Ричард кивнул. Уверенность Бена не угасала.

– Значит, разыграем это на сцене?

Кулисы раскрылись и темнокожий человек запел.

– Во всяком случае, это лучше, чем ничего. И пусть я лучше сдохну, чем еще минута с этим уродом Себастьяном.

– Я думаю, теперь он тебя и пальцем не тронет, – сказал Ричард.

– Я в этом уверен, – они оба посмеялись потом замолчали.

Через некоторое время Ричард спросил:

– У тебя есть семья?

– Мама и бабушка – вот моя семья, никого другого у меня не осталось. А у тебя? – спросил Бен.

Ричард промолчал, отведя глаза в сторону.

– Моя мама умерла. – начал он.

Бену нечего было ответить кроме как: «сочувствую».

– Перед тем как она попала в больницу, я сорвался, накричал на нее и сказал, что ненавижу, – глаза его заслезинились. – Я любил ее, но она всегда говорила мне быть тем, кем я не являюсь. На третьем курсе, когда появилась возможность заявить о себе в именитом театре, она сказала, что ей не нравится жанр, в котором я буду выступать, – Ричард фыркнул. – Я психанул, ушел из дома и посвятил себя актерству. Я перебивался сомнительными заработками, работал официантом, курьером, еле сводил концы с концами, но знал, что никогда больше не вернусь домой. Из-за бесконечных репетиций я не пришел к ней, когда это было нужно. Я

так с ней и не попрощался. С тех пор меня не брали ни в один театр, до сегодняшнего дня я боролся с самим собой, искал подходящие театры, пока в итоге не забрел сюда, – Ричард опустил голову.

Бен удивился откровению и посочувствовал.

– Извини, – заявил Бен.

– Не стоит, я ведь начал этот разговор, мне нужно было высказаться, я всю жизнь держал это в себе. Вероятно, сегодня мы умрем, это последний шанс.

– Мы не умрем, я чувствую это, – сказал Бен и замолк.

Он внимательно смотрел на Ричарда, пока не спросил:

– Ты ведь не врач? – он на мгновение улыбнулся, будто осознал всю глупость вопроса.

– Ты о чем?

– Когда у меня был... приступ астмы, ты сказал, что ты врач.

– Я так сказал, чтобы тебя успокоить.

– У меня нет астмы, просто хотел почувствовать заботу.

Мы можем считаться друзьями?

Ричард улыбнулся.

– Если мы отсюда выберемся, я тебя точно не забуду.

– Спасибо тебе.

– За что?

– Не знаю.

Бен молчал и наблюдал за лицами из зала. Они восхищались голосом певца, но были встревожены.

– Как ты думаешь, это искусство? – наконец спросил Бен.

– Ты меня пугаешь.

– Они ведь наверняка получают удовольствие, иначе они бы здесь не сидели.

– Если убийцы получают удовольствие от убийств, это не значит, что это искусство. Это не более, чем попытка замаскировать преступление под нечто великое.

– Да, но ведь они просто смотрят, наслаждаются, радуются. Конечно, они ублюдки, но делают они это не просто так.

– Не просто так? Педофилы насилуют детей тоже не просто так, но это их не оправдывает и тем более не делает искусством, Боже, да зачем мы вообще об этом говорим? Нужно сосредоточиться, еще один акт и все, – нервно сказал Ричард, после чего замолчал. Он уставился на женщину в зале, которая махала веером у лица и хихикала, прикрывая рот кривой ладонью. Казалось, они знали что-то, чего не знал он. Засмотрелся так, что не заметил работника театра, привязывавшего к руке кинжал, гравированный змеей вдоль лезвия. При этом он затянул веревки вокруг кистей еще туже. Он крепко привязал его к ладони тряпичной веревкой и спрятал руку Ричарда за спину. Манекен издал металлический скрип. То же самое он проделал и с Беном. Они перекинулись взглядом, но не сказали ни слова. Когда работник ушел, Ричард заявил:

– Бен, ножи настоящие, – прошептал он. – Не могу пошевелить рукой, черт.

Через несколько секунд свет погас. Было слышно, как декорации меняются на новые.

– Бен, что это?

– Не знаю, сейчас должен был выступать глава разбойников.

– А почему нам дали ножи?

– Я.. я не.. – в панике пытался сообразить Бен. Свет включился и Бен выехал на сцену.

– Бен, что происходит?

– Мой брат подверг опасности любовь мою, выход лишь один – достоин смерти за такое.

Рука Бена оголила кинжал перед публикой. Дамы в зале нервно затрясли веерами, а мужчины неподвижно напряглись. Ричард подъехал за декоративную дверь. Послышались шаги.

– Ты вызывал меня, Николас? – раздался голос. Рука Бена сразу спряталась за спину. – Спасибо за такую помощь. Теперь навеки в должниках я у тебя.

Ричард выехал на сцену.

– Что за хрень? Бен! – крикнул Ричард. Бен изо всех сил пытался вспомнить эту сцену, но не мог.

– Пришел тот час, когда Луиза счастье обретет со мной.

– Что ты говоришь такое? Мы с нею счастливы уже.

– Увы, не смог ты защитить девчонку, запудрил голову ты ей. Один лишь выход остается – рукою смерти отобрать ее теперь, – рука Бена оголила лезвие ножа и публика привстала

с кресел от напряжения.

– Пошли вы все в задницу, уроды тупоголовые! Нет! Я больше этого не выдержу, я не могу выступать на публике! Не могу! Это все они виноваты, – закричал Бен, адресуя это в зал. Он заметил, как его крики лишь подогревают интерес публики. Бен подъехал к Ричарду.

– Брат, зачем? За что? Ничего ты этим не решишь, лишь родишь в своем сердце зло.

– Ты ее не достоин! – крикнули колонки. Бен вырывался изо всех сил. Его корежило, било в судорогах, но выбраться он не мог. С каждым рывком он приближался к Ричарду, медленно замахиваясь кинжалом. Ричард только молчал и глазами бегал по залу, пытаясь осознать приближение неминуемой гибели. Бен закричал и стал дергаться сильнее. Его глаза покраснели и заслезились.

“Ты знал это, Бен? Хотел остаться один? Я уже не понимаю”, спросил себя Ричард.

– Ричард, прости, я не хотел этого, Боже, нет. Я не знаю, что происходит!

– Брат, зачем, за что?

– Прости, прости! – кричал Бен.

– За всю прожитую в мучениях жизнь, – промолвили колонки.

Бен завопил и задергал головой, но ничего не помогало. Острие ножа находилось прямо над Ричардом. Он посмотрел на Бена и сказал:

– Ты не виноват, беги отсюда, – рука Бена резко дернулась в сторону Ричарда. В мгновение нож в руке Ричарда пронзил сонную артерию Бена. Кровь брызнула из шеи друга, как из крана. Ричард смотрел, как по его руке стекает кровь. Белые рукава пропитались и стали приобретать темно-розовый оттенок. Ричард стиснул зубы и зажмурил глаза. Он не мог кричать, лишь задыхаясь выпускал воздух. Паралич окутал его тело. При этом он чувствовал, что в его грудь напихали килограммы тухлого мяса. Голова Бена расслабленно наклонилась вниз.

Казалось, вот-вот Ричард вернется за кулисы, шторы закроются, и извращенные аплодисменты запоют гнусным шумом. Но ничего не происходило. Люди в зале, обомлев, все так же стояли и ожидали развязки. Рука Ричарда шевельнулась так, словно механизм, к которому она была привязана, неисправен – по крайней мере, так он подумал. Онемение в руке начало спадать, и он почувствовал, как веревки заметно ослабли. Нож Бена был воткнут в тряпичную веревку на кисти Ричарда.

АКТ 6

В зале ни звука. Ричард дергал плечом на себя так, что веревка терлась о лезвие ножа. Краем глаза он поглядывал на публику, но ничего не мог рассмотреть из-за освещающих сцену ламп.

“Давай, давай”, – такое чувство, что локтевой сустав вылетит наружу. Получается! Он ухватился за пальцы Бена, чтобы нож не упал, и продолжил пилить веревки. “Да, да!”, – в голове переизбыток радости, кисть свободна! Этот факт вызвал глубочайший «Ах!» среди публики. Как только он освободил руку, она сразу обездвижено повисла. Перебирая пальцами вдоль манекена, он медленно карабкался к ножу. Он обернулся – никого нет. Сила начала возвращаться. Острие плотно застряло в дереве. Он расшатал лезвие и, когда оно освободилось, вытащил нож из мертвой хватки Бена. С каждой секундой он сжимал его все сильнее и сильнее. Освободив правую руку, он оставил нож торчать из шеи Бена. Теперь ноги. Раньше он не обращал на это внимания, но, находясь в неудобной обуви, ему казалось, что стопа и пальцы уже давно покрылись черной коркой. Разрезав пути на ногах, он упал на пол, ударившись коленями об рельсы. Боли он не почувствовал, тело неприятно вибрировало. Толпа в зале переговаривалась. Персонал на подходе – еще немного и они схватят его и воткнут иглу в шею. Ричард пытал-

ся ползти в сторону двери, ведущей в коридор. Левой, более менее работающей рукой, он ухватился за рельсу, но его тело не шевелилось. Шум в зале усилился.

– Эй, он убегает! – закричал кто-то из зала. Это еще больше встревожило публику, теперь все знают, что Ричард освободился. Как только правая рука показала признаки жизни, он сразу ухватился ею за рельсу и подтянулся вперед. Дверь приблизилась на пару сантиметров.

– Сделайте что-нибудь! – закричала женщина в широкополой шляпе. Когда нога заработала, он оттолкнулся ею от манекена Бена и ринулся вперед.

“Нужно бежать, неважно куда, лишь бы не к ним”. В его голове возникла женщина с озлобленным лицом с веером. Он вспомнил, как из коридора, куда он направлялся, выносили труп девушки. Уроды, которые издевались над ним, убили его возможную возлюбленную, убили Бена, в конце концов – все обитают в глубине этого чёртового коридора. Бежать туда – как спускаться на дно океана, где тебя растерзают шизофренически выглядящие рыбы. Онемение тела начало спадать, колени заболели. Ричард заполз за кулисы и шум в зале превратился в хаос. “Куда же мне..?” Он аккуратно поднялся с пола, встав сначала на колено, потом на стопу. Он посидел так, отдышавшись, буквально десять секунд. Казалось, будто прошел целый час. Сделав шаг, нога подкосилась и он пошатнулся, словно пытался пройти по прямой дорожке после выпитой залпом бутылки виски.

– Эй, вон он, держите! – закричал парень с другой стороны кулис и побежал на Ричарда. Поковыляв к двери, ведущей в коридор, он заметил на ней щеколду. Парень бежал на него со стремительной яростью, словно гиена, заметившая овцу. Ричард схватился за ручку двери, распахнул и пробежал через нее. Захлопнув дверь и задвинув щеколду, он оперся и выдохнул, как спину окатил шквал ударов. “Засов может не выдержать”. Ричард отлетел от двери и стук прекратился. Ноги практически восстановились. Перед ним протягивался коридор с поворотом налево, который освещали оранжевые лампы на потолке. Около стен красовались аккуратные горшки с сиренью. О ужасах за поворотом Ричард мог только догадываться. Он вспомнил коридоры театров, которые посещал – коридорчики, набитые репетирующими актерами, разминающимися гимнастами – скрытый механизм, поддерживающий представление на плаву. Заляпанные кровью стены, разбросанные конечности и рты людей, разрывающиеся в улыбке, возникали у него в голове при попытке анализировать. Он нехотя прислушался к шуму в ушах и выглянул из-за угла. Длинный проход, вдоль которого стояли двери, на удивление был пуст и чист.

“Боже Бен...”, подумал он и присел. “Ублюдки. Так, так, так. Я в бегах! Нужно отсюда выбираться. Не может быть, чтобы выход отсюда был один. Точно, тут должен быть аварийный выход”, думал Ричард. “Поблизости никаких схем здания не обнаружилось, так что придется искать выход ин-

туитивно”. Первая дверь справа, откуда доносилась классическая музыка, открыта. Шопен – Ричард узнает его везде, даже в таком осквернившим его веру в искусство месте. Слова Картера вновь возникли в его голове.

“Почему Шопен? Почему не Бетховен, Бах или любой другой классик?” – тремор в руках усилился. “Не думай об этом. Иди вперед”, думал он, приближаясь к оскверненному звуку. В комнате рядом с гримерным зеркалом стояло кресло. Увидеть, кто сидит в нем, не представлялось возможным. Подняв голову выше, Ричард увидел отражающееся в зеркале лицо неестественной формы. Скорее, похожее на искаженную маску. Кто-то явно сидел в кресле. Кто-то не живой. Его ноги не доставали до пола, а тело начинало разлагаться, вонь стояла отвратительная, но Ричард уже привык и почти не чувствовал запаха. Кресло медленно стало поворачиваться. Безумный интерес не дал убежать прочь. “Как он крутит кресло? Может, сквозняк? Да какой тут нахрен сквозняк?”, панически думал он. Кресло дернулось в обратную сторону.

– Хочешь сбежать? – сказал знакомо ужасный голос. Хозяин голоса промычал в такт пианино. – Не получится.

Из-за кресла поднялся Себастьян. Ричард сразу спрятал голову и его будто выкинуло из гнетущей атмосферы. Указательный палец, направленный вверх, пришит обратно и обмотан тряпкой. Поверх маски мертвеца Себастьян наносил грим. Взгляд его резко направился на дверной проем. В нем никого не было. Он направился к выходу из комнаты и вы-

глянул в коридор. Справа никого. Слева тоже. Он фыркнул и зашел обратно. Ричард прятался за углом стены и никак не решался выглянуть. Рядом стоял горшок сирени. Он подумал, как же повезло этим цветам, они стоят в таком ужасном месте, но никто не обращает на них внимания – полная безопасность. Затем в голове возник образ Алисы, которая отрывает от цветка конечности, чтобы подарить их ему.

– Эй, ты, проверь, кто там за углом, – голос Себастьяна порезал барабанные перепонки. Шаги. “Твою мать”. Ричард схватил горшок и поднял над головой. Он обернулся на дверь в надежде, что преследователи ушли искать обходные пути. Кто-то приближается. Ближе, ближе и ближе. Он сжал горшок крепче и приготовился в мгновение обрушить всю мощь о чью то голову. Шаги утихли. Ричард застыл, когда перед ним появилась девочка – это была Алиса. Она держала за руку плюшевую волочашую по полу куклу. Ее лицо было в синяках. Он едва ли смог проглотить ком, застывший у него в горле. Намерения Ричарда менялись с каждым мгновением. стакан то наполовину полон крови, то наполовину пуст.

Ричард помахал головой и скорчил жалкую мину. Алиса молча повернулась и пошла обратно. Ричард старался прислушаться к тому, что она скажет Себастьяну, но она говорила слишком тихо. Однако по реакции Себастьяна можно было понять, что девочка его не выдала. Ричард поставил горшок на место, набрал полную грудь воздуха и аккуратно

выдохнул. В коридоре опять никого. Он все думал, что Себастьян выскочит из своей комнаты и бросится на него. Но этого не происходило. Проходя мимо двери, как моль пролетает мимо руки, которая может ее прихлопнуть, он заметил, что в комнате, кроме подопытного мертвеца, никого не было. Куда он делся – Ричарда не интересовало. Сейчас – либо вперед с мизерными шансами на спасение, либо назад в кроличью клетку смерти. К тому же, кажется, у него появился союзник. Непонятно, насколько можно доверять этой девчонке, но выбора все равно не было. Ричард продвинулся дальше. Опять этот рев животного в глубине коридора. “Даже представлять не хочу, каких тварей они тут держат и зачем”, подумал Ричард. Из комнаты рядом послышались голоса, которые обсуждали сегодняшнюю постановку. Тут Ричард осознал, что скоро все будут знать, что он сбежал, и поднимут тревогу. Нужно предпринимать какие-то действия. Голоса стали громче.

– Да не знаю я, ввел какую-то новую сцену и никому не сказал, – прохрипел голос.

– Пошли посмотрим.

– Ага, а мертвечину кто таскать будет? – теперь голоса оказались совсем близко, и Ричард забежал в комнату по соседству. По пути он случайно задел дверь, и та со скрипом открылась, обратив внимание одного из работников.

– Тихо, – поднял он ладонь вверх.

–Что там?

– Опять эта девка костюмы примеряет. Ну сейчас она по-
жалееет, – он забежал в гардеробную комнату. Кроме замыс-
ловатых шляп, камзолов и другой тряпичной и не только
одежды, ничего не было. Количество нарядов было не сосчи-
тать. В таких комнатах обычно держат наряды с предыдущих
пьес, только в этом театре их не стирают. Вся одежда пропи-
талась запахом тухлого мяса со сладковатым оттенком. Если
бы Ричард знал это, спрятался бы в другом месте. Укрытый
пуховой шубой, закрыв ладонью рот и нос, он надеялся, что
все будет хорошо.

– Мышка опять играет в прятки? – дверь заскрипела и
Ричард прижал ладонь сильнее. Напротив Ричарда за сосед-
ним шкафом на четвереньках сидела девочка. На полу рядом
с ней лежала кукла, руку которой она не отпускала. Ричард
прислонил указательный палец к губам, обещая сделать для
нее все, лишь бы она его не выдала.

– Где ты прячешься? – работник театра окинул взгля-
дом переполненные нарядами полки. Сделав несколько ша-
гов вглубь между шкафов, в сторону, где шуба укрывала
Ричарда, он увидел куклу.

– Ага! – он подбежал к находке и схватил ее. Шуба лежа-
ла прямо за ним. Ричард, задержав дыхание, молился, чтобы
его не нашли. “А если найдут, нужно наброситься на него и
обезвредить. Может, прямо сейчас?”, подумал Ричард. “Бро-
сится на него, пока не видит. Да, тогда шансы увеличатся, ес-
ли он не сильнее меня. Нет, его ждет второй, который может

сообщить остальным и тогда мне конец. Пожалуйста, иди дальше, не оборачивайся, прошу.”

– Я нашел твою куклу, Алиса! Выходи, или ей будет больно, – он развернулся и пошел обратно к двери. Ударив куклу несколько раз и не услышав ни звука, он закричал. Ричард выдохнул, не сгибая живота, зажмурился и стал благодарить судьбу за подарок. Старый гвоздь оборвался и вешалка с шубой плюхнулись на пол. Вешалка проскользила по кафелю и привлекла внимание работника театра.

– Вот ты где! – он побежал к вешалке и резко свернул направо. Прошелся по рядам – никого.

– Спряталась среди одежды, да? Ну сейчас мы тебя найдем! – сказал он, сбрасывая с полок костюмы. Они падали возле Ричарда, который лежал на полу под шкафом. Ноги работника стояли прямо возле его носа. Еще немного и он наступил бы на него.

– Может, пойдем уже? – крикнул второй, стоявший около двери. – Работы еще невпроворот.

Он подумал немного, и что есть силы вдарил по деревянной полке шкафа прямо возле головы Ричарда. Полка сломалась и щепки полетели ему в лицо.

– Еще увидимся! – крикнул он, бросил куклу на пол и захлопнул дверь с той стороны. Тишина. Взгляд Ричарда опустел. Что-то шевельнулось в комнате, но он не обращал внимания. Босые ноги били по кафелю и приближались. Он долго не хотел выходить из укрытия, пока Алиса не подбежала и

не попыталась вытащить его. Тогда только он пришел в чувство и понял, что вечно оставаться тут не может.

– Джози! – окликнула она плюшевую игрушку. Пока Ричард вылезал из-под шкафа, она подбежала к кукле и прижала ее к груди, глядя по волосам.

– Вы ведь не испытываете боль, верно? – она говорила с такой интонацией, будто пыталась оправдаться перед куклой.

– Отсюда есть выход? – спросил Ричард, сбросив с ноги розовую тряпку. – Может, какая-нибудь вентиляционная шахта или аварийный выход?

– Да, я тебя отведу, только тссс, – сказала Алиса и подбежала к двери. Ричард попятился за ней. Девочка приоткрыла дверь и посмотрела в обе стороны вдоль коридора. Двое мужчин скрылись за углом справа, что-то обсуждая.

– Идем, – сказала она и бесшумно побежала за ними по коридору.

– Куда мы? – спросил Ричард, ковыляя за ней. В ответ она прошипела с пальцем у рта. – Выход там.

На повороте она присела и проследила за тем, чтобы два подонка скрылись в конце коридора. Ричард задумался, насколько извилистыми и длинными могут быть коридоры этого театра. Куда ни посмотри – развилки.

– Пошли, – сказала девочка и двинулась за ними. Ричард ускорил шаг, почти обгоняя Алису, желая как можно скорей выбраться. Но заметив надпись на табличке на стене, внутри

Ричарда словно выстрелил пистолет. Надпись «Аварийный выход» со стрелочкой, показывающей в противоположную сторону. Он не понимал, кому верить. “Вряд ли они бы делали ложные таблички для себя. Но почему она мне помогает и ведет в другую сторону?”

– А что ты будешь делать, когда выберешься? – вопрос звучал как-то фальшиво, словно ей нужно было о чем-то спросить, и это первое, что пришло ей в голову. Ричард остановился.

– Выход в другой стороне, – заявил он.

– Нет, выход здесь.

– Зачем ты мне врешь? И зачем помогаешь?

– Нам нужно сюда. Тот выход закрыт. Быстрее.

“Да кто вообще закрывает аварийные выходы?”, Ричард обратился к себе и услышал быстрые шаги за своей спиной. Алиса запищала. Ричард обернулся и на его лицо обрушился удар стеклянной вазой такой силы, что та вдребезги разбилась. Ричард упал на задницу, но все еще был в сознании. Тощие руки ухватились за шею и повалили его на землю, отчего он ударился затылком об пол. Ричард схватил его кисти и начал разжимать хват. Черные глаза безумно, на грани с эйфорией, давили на Ричарда. Он зарычал, еще сильнее впиваясь руками в шею. Лицо Ричарда надулось кровью, вена на лбу набухла, а глаза стали выползать наружу. Он почувствовал, как тощие руки Себастьяна размыкались, словно пружины эспандера. На полу, около ног Алисы, заблестели ост-

рые осколки от вазы.

– Дай мне осколок, Алиса! – закричал Себастьян.

– Быстро! – пригрозил он ей, не дав сказать ни слова. Девочка стояла неподвижно, рыдая и обнимая куклу.

– Дай мне осколок или он умрет.

Взгляд девочки сразу оживился.

– Нет, пожалуйста, – Алиса переминалась с ноги на ногу.

– Дай осколок или я убью его! – брызгая слюной заорал Себастьян. Алиса схватила осколок и протянула дрожащую руку.

– Подойди ближе, дура! – крикнул Себастьян.

Девочка застыла на месте и ее коленки затряслись. Палец Себастьяна начал кровоточить – Ричард это заметил и, не упуская возможности, схватил его. Рожа Себастьяна скорчилась. Дернув изо всех сил, нити, связывающие кожу, разорвались. Он отбросил палец и надавил, что осталось мочи, на открытую кость, колупая мясо вокруг. Себастьян вырвался и, ухватившись за обрубок пальца, повалился рядом. Ричард взялся за горло и жадно заглотнул полную грудь воздуха. Стекло выпало из рук Алисы и она побежала прочь. На крики никто не сбегался, что показалось Ричарду странным. Видимо, здешние привыкли к воплям людей о помощи и не обращали внимания. Тяжело дыша он встал над стонущим от боли Себастьяном. Оторванный палец лежал возле ноги Ричарда. Он пнул его по полу, как пистолет, представляющий угрозу, за что моментально получил осколком стек-

ла в область голени ноги. Стиснув зубы, Ричард зарычал и этой же ногой нанес несколько быстрых ударов по голове Себастьяна. Тот сразу перестал шевелиться. Переизбыток кислорода вскружил голову Ричарду и он свалился на пол. Не до конца понимая, что происходит, он уставился в пустые глаза Себастьяна. Они казались ему еще живыми от страха за свою жизнь. Ричард понял, что всю человечность, что была в нем, отобрали и растоптали, ведь только что он поддался гневу и убил человека. Кем бы он ни был. Лишив человека жизни, ты пытаешься откинуть мысли, что тебе понравилось. Нужно продолжать идти... Идти...

Он похромал в сторону аварийного выхода, куда указывала стрелка.

“Она зачем-то хотела меня запутать. Но зачем помогать? Почему она меня не выдала? Лучше бы я ее не встретил и все делал сам”, думал он.

Ричард опирался правой рукой о стену, оставляя на ней кровавые отпечатки, и постоянно оглядывался. Тело Себастьяна все еще лежало на полу, закрепляя на Ричарде клеймо убийцы. “Это была самозащита”, убеждал он себя. Пройдя поворот и кабинет с табличкой «Директор» он обнаружил нужную дверь. “Этого просто не может быть, она действительно заперта”. Он ударился головой о дверь и вдарил по ней несколько раз кулаком. На двери висел замок, при этом видно, что проушины приварены – значит это действительно выход, но его закрыли специально. “Так, хорошо, есть

замок – значит, есть ключ. Золотое правило, которое можно было бы применить где угодно. Жизненное кредо успешных людей, которые не были в моей ситуации”, подумал Ричард и истерично хихикнул. Он двинулся с места. “Кабинет директора. Надеюсь, ублюдка, который за этим стоит, там нет. Если есть, я задушу его голыми руками, как сделал это с его шавкой”, подумал Ричард, оказавшись перед проходом в кабинет. Он толкнул дверь. Та, на удивление, приоткрылась. Никакой реакции по ту сторону. В этот момент Ричард подумал, что он мертв и это один из кругов Дантовского ада. Он точно не знал, какой именно, потому что в них не разбирался. Но почему-то – определенно Дантовского.

Он отворил дверь до конца и попал в комнату, в которой сразу обратил внимание на стол с разным барахлом. На его фоне стояло несколько высоких полок, забитых книгами и стопками различных рукописей. Среди бумаг на столе ключа не обнаружилось. В комодe стола Ричард прошерстил все три полки в поисках ключа. “Давай, где же ты?! Это ведь театр, ключ должен быть здесь”, думал он, но все тщетно. Кроме старого барахла в виде канцелярии и бумаги, ничего не нашел. Ричард окинул взглядом комнату в надежде найти что-то, чем можно сломать замок, но его внимание привлекла фотография Бена, прикрепленная скрепкой к паре листов на поверхности стола. “Да они следили за нами” – он подобрал «документ» и под ним лежал еще один с фотографией Луизы. За ней – темнокожий парень, тот, что с разорванным

ртом пел на сцене. Пролистав еще несколько, он наткнулся на свою фотографию. Его сердце екнуло хотя, он ожидал увидеть себя.

В самом центре стола лежала стопка развернутых рукописей, напоминающих сценарий. “Да, все верно – это сценарий к пьесе. Пьесе, с которой я сбегаяю. По-хорошему – сжечь подобное издевательство над искусством. Черт, да эти твари еще и наши имена тут вписали, и то, как мы должны реагировать на моменты пьесы. “Их губы сливаются в страстном поцелуе” – от малейшего воспоминания об этом «поцелуе» у Ричарда сразу подошел ком к горлу. Он уже было хотел бросить сценарий, но успел краем глаза прочесть еще одну часть сцены. “Бен разрезает веревки на руке Ричарда? Что за?” – он схватился за голову. Рядом маркером написано: “Пока публика рукоплещет, Ричард освобождается и убегает за кулисы”. Холодный пот побежал по его телу. “Этого просто не может быть” – он оперся рукой о стол, но та соскочила. В дверном проеме стоял тот самый Картер, из-за которого он тут. В руках у него опять был шприц.

–Теперь ты все понял, Ричард. Пошли с нами, – сказал он и за его спиной появилось несколько человек. Один из них вцепился Алисе в руку.

– Нет! – крикнула девочка и мужчина, что держал ее, наступил ей на ногу, отчего она закричала и заплакала.

– Иди ко мне, Ричард, и подари людям Катарсис, который не дарит ни один театр в мире! Ты избранный, неужели ты

не ценишь это? – он расставил руки и засмеялся.

Мысли крутились так быстро, что удержать их было невозможно и хотелось от них отмахиваться. Ричард взялся двумя руками за голову, чтобы хоть как-то помешать им окончательно свести его с ума. Но было поздно – его сердце, казалось, сейчас взорвется, а конечности перестанут двигаться. Он почувствовал себя снова привязанным к чертовому манекену перед кровожадной публикой. Это было за пределом возможностей его мозга, и он, закатив глаза, потерял сознание.

АКТ 7

“Это был сон?”, подумал Ричард, едва открыв глаза. Серый привычный потолок дал понять, что он дома. Встав с кровати, он взялся за голову и вздохнул. Тревожность постепенно уходила. “Если мне придет письмо, я слечу с копыт”, подумал он. Три стука, раздавшиеся в коридоре, ударили ему прямо в сердце. “Не может быть”. Ватными ногами он подошел к двери. В глазок он увидел женщину, которая сразу его успокоила.

– Ты не говорила, что придешь, – отперев дверь, заявил он. В ответ она рассматривала Ричарда глазами.

– Все нормально? – она ладонью коснулась его щеки.

Недолго помолчав, он ответил:

– Да, только проснулся, проходи.

– Такой странный сон приснился. Видимо я много думаю о театре. Ладно... Неважно.

– Это всего лишь сон, родной. Боже, какой бардак, хоть бы убрался, – скинув пальто на кресло, сказала она. Ричард налил чашку чая.

– Как твоя актерская карьера? – сделав глоток из чашки, спросила она. – Надеюсь, что хорошо.

“Ричард!” – раздался крик за окном. На улице стоял человек полного телосложения в сером свитере, подняв голову кверху. Женщина посмотрела в окно и, глотнув чаю, спро-

сила:

– Может, закончишь уже в игрушки играть? Пора становиться мужчиной.

– Ах, вот почему ты пришла, мам?

“Ричард!” – снова крикнул человек.

– Сейчас, нужно кое-что проверить, – сказал он, встав из-за стола, и накинул на себя куртку.

– Нет, серьезно – ты ведь бездарность, тебя выгнали из всех театров, ты не смог доказать даже самому себе, что хоть чего-то стоишь, – повернулась на стуле мать.

– Что? – удивленно спросил он, завязывая шнурки на ботинках.

– А что ты думал? Что я буду ждать, пока ты разрушишь нашу семью поисками себя? Больше терпеть это я не собираюсь, – она стукнула по столу и чашка перевернулась. Остатки чая потекли по скатерти и капали на пол.

– Сейчас вернусь.

Ричард окинул ее пренебрежительным взглядом и вышел из квартиры.

– Зачем ты надо мной издеваешься, Ричард, зачем?! – крики было слышно на всей лестничной площадке. С каждым пройденным этажом крики матери становились все тише и тише. Наконец он выскочил из подъезда во двор. Недалеко стоял парень, напоминающий Бена. Только он заметил Ричарда, сразу же подбежал к нему и схватил за плечи.

– Тебе тоже это приснилось? – спросил он.

Ричард в недоумении промолчал.

– Сон, в котором ты убиваешь меня! – Бен потряс его. –

Ты меня слышишь?

– Д-да, но, как это возможно?

– Мы должны принять участие в пьесе!

– Не хочу я ничего! Не хочу!

– Ответь честно, мы же друзья?

– Что? – у Ричарда закружилась голова.

– Мы друзья, Ричард?

– Да.

– Тогда зачем ты убил меня?! – закричал Бен и заплакал.

В животе Бена торчал нож. Ричард посмотрел на руку, которая его держала. Это его рука. Прохожие остановились и начали ему аплодировать. Все без исключения – и взрослые, и дети рукоплескали ему, словно укротителю тигров в цирке. Среди толпы показался Картер.

– Ублюдок, это ты во всем виноват! – крикнул Ричард и побежал на него. Какие бы усилия на ноги Ричард не давал, он все равно стоял на месте. Такое чувство, что он взбирался по крутому склону, вымощенному льдом. Не успел он заметить, как Картер скрылся среди толпы.

– Ричард, помоги мне! – ударяя ладонями по окну, кричала мать.

“Нет, только не снова”, подумал он и почувствовал сильный укол в области шеи. Впрыснутая жидкость потекла по венам. Ноги онемели. В глазах помутнело. Ричард упал на

колени, опустив ладони на асфальт. Крики матери терялись среди шума в ушах. Отказали и руки. Он грохнулся на землю, зажмурив глаза. Опять невыносимый зуд в руках и ногах. Веки заболели. Аплодисменты толпы вскружили голову, как от лишней текилы. Резко заиграла скрипка. Открыв глаза, Ричард понял, что все еще находится в театре.

Сначала его одолел животный страх, какого не знал ни один человек, но через несколько секунд эмоции утихли. Под классическую музыку на сцену выехала группа женских тел в обтягивающих балетных костюмах. Они синхронно танцевали, словно листья в осеннем ветру. Однако было видно, как их конечности не приспособлены к такой нагрузке, отчего их кости хрустели и даже ломались. Это было настолько синхронно, насколько и мерзко. Но Ричард больше не реагировал. Он лишь наблюдал, как сотни людей восхищенно кивали головами в такт музыке. Ему не хотелось плакать, кричать, теперь ему не хотелось даже сбегать. “Если пьеса закончится и меня убьют, это будет лучший расклад”, думал он. Подобно конечностям, его эмоции онемели и так же безжизненно плясали под чужую дудку. “По сути, я нисколько не отличаюсь от тел, привязанных к манекену. Ими так же управляют, как мной. Они такие же безэмоциональные вещи, гниющие изнутри и снаружи. Вечное забвение в любом случае лучше чем это”, подумал Ричард и поднял глаза на севшую на шпагат танцовщицу, чья кожа рвалась под белоснежными колготами. Теперь расфокус в гла-

зах был проявлением его воли. “Даже сбежав, я не смог бы жить нормальной жизнью после этого кошмара”, убеждал себя Ричард. “Я сделал все, что мог, но этого не хватило. Остается принять это, я бессилён”. Ричард взмахнул руками и запел оперным голосом.

Следующие полтора часа, казалось, длились вечно, несмотря на попытки игнорировать все ужасы, что происходили на сцене. Чувство времени давно потерялось. “Сколько уже эти уроды наслаждаются моими мучениями? День? Два? Может несколько часов?”, думал он, а лица в зале все смеялись и рукоплескали. В одной сцене без участия Ричарда в массовке участвовало тело Бена. Ричард уже не мог удивляться. Смотря на их естественность и безмятежность, он думал: “Может, это я сошел с ума, и все, что тут творится, лишь кажется таким жестоким, а на самом деле я – актер настоящего театра”. На секунду ему показалось, что это так, и он почувствовал, как галлюцинация развеивается. Безжизненные лица мертвых людей теперь такими не казались. Глаза актеров так и оставались пустыми, но пустота не казалась такой уж плохой. “Возможно, я не мог узреть их истинную красоту?..”, подумал он и глянул на изуродованный труп говорящей с кошкой девушки. Из ее лысой головы торчало несколько локонов волос. Кровь на оторванной руке давно засохла. Искусственность ее движений вызывала тошноту. Впервые в жизни Ричард усомнился в адекватности своих мыслей. “Что я несу, Боже, видимо, я действительно схожу с

ума. Я не хочу так думать”, сказал он сам себе. “Но это место меня вынуждает, черт!”. Он зажмурил глаза, но ни слез, которые он пытался выдавить, ни эмоций, которые он так хотел испытать, не было.

Декорации все менялись и менялись, как и вечно танцующие и рассказывающие свою страшную историю движением деформированных конечностей актеры. С каждой секундой он становился частью театра и гармонично вписывался в окружение на сцене. “Если я мертв изнутри, то, по крайней мере, жив на сцене”, прозвучал голос в голове. Из последних сил он пытался игнорировать эти мысли, но разум ослаб, и грязь просачивалась сквозь мольбы о помощи.

После минутного молчания и темноты в центре зала появился темнокожий парень, который вышел рассказать эпизод пьесы:

– После того, как Луиза узнала о том, что натворил принц Гримбси старший, она не выдержала и вернулась к отцу. Приговоренный к смерти принц так до конца и не раскаялся в содеянном. А любовь его растворилась, как вишня в склянке кислоты, – закончил голос из колонок.

Зал зашумел аплодисментами. Овации. “Браво, браво!”. Люди вставали, свистели и кричали, пока кулисы издевательски медленно закрывались. Ричарда вновь окутал страх, ведь он еще жив, и что будет дальше – стоило лишь догадываться. Когда шторы соприкоснулись, персонал кинулся разбирать реквизит и актеров, обсуждая между собой успех постанов-

ки. Через несколько минут кто-то взял Ричарда со спины под руки и отсоединил от рельс. Он не знал, что делать. Не знал. Был ли в этом смысл или нет – разницы не было. Иногда нужно принять неизбежное и посмотреть, что будет дальше.

Его потащили вдоль коридора мимо гримерки Себастьяна дальше до упора и направо. Это был тот самый ложный путь которым его вела Алиса. Проехав место, где он оторвал палец Себастьяну, Ричард опять услышал животный рев. Он доносился из глубин места, куда его тащат. Рев источал всю животную злобу и кошмар, и лишь издали напоминал человеческий. Ричард закрыл глаза и про себя молил всех богов на свете, чтобы это были не пытки. Этот страх его поглощал с каждой секундой, пока рев усиливался в ушах. Тьма от собственных век усиливала ощущение беспомощности и он выпучил глаза, зыря по сторонам.

– Бойтесь пыток, шеф? – раздался дряхлый голос рядом с затылком Ричарда.

Он промолчал.

– Не бойтесь, у нас нет комнаты пыток. Она нам не нужна, – заявил он.

Они достигли конца коридора, упершись в развилку. Обе стороны уходили в кромешную тьму. На потолке над головой мигала старая лампочка, издавая потрескивающий звук. Манекен Ричарда повернул направо, и чем дальше погружался во тьму, тем тише становился рев. Ричард выдохнул.

– Звучит ужасно, не так ли? Но сегодня нам не туда, – кто-

то опять обратился к нему, но Ричард продолжал молчать.

– Здесь давно не обращают внимания на вопли, – заявил он.

Чем дальше Ричард отъезжал от света, тем больше погружался во тьму. Свет из-за угла отправлял его в воспоминания из детства, как вечером на кухне он тихонько включал старую лампу и искал среди полок сладости, которые прятала от него бабушка.

Наконец они остановились. Ричарда облокотили о кирпичную стену и перед его взором показался горбатый дед в серой футболке лет семидесяти. Он сжимал в кулаке связку ключей. Открыв рядом дверь, представляющую собой металлическую решетку с горизонтальными вырезом, он занес туда тело Ричарда и отвязал руки и ноги от манекена. Ричард, будучи не в состоянии пошевелиться, упал на обросший мхом пол. Старик обхватил манекен, вынес его и закрыл решетку на ключ. Затем, сказав “Отдыхайте”, поволок конструкцию прочь, оставив Ричарда наедине с самим собой. Ричард озлобленно посмотрел на исчезающие ноги манекена во тьме. “А ведь план Бена мог сработать, если бы руки не онемели”, подумал он, пытаясь пошевелить пальцем.

Через некоторое время тишины и мучительного ноя в конечностях он присел в удобную позу, опираясь спиной о стену. Сырая камера, буквально два метра в ширину и длину, давила на него. “Но, по крайней мере, это не манекен”, утешал он себя.

“Неужели это мой конец – сгнить в чертовой камере?”, думал Ричард. Он несколько раз ударил ногой дверь камеры, но та не поддавалась. Затем несколько минут ковырял висевший на решетке замок, но все бесполезно – и он обессиленный упал на землю. Внутри него сжимался маленький эмбрион. Он поджал колени к груди и погрузился в мечты о доме. О, как же ему хотелось принять горячую ванну и, закутавшись в одеяло, поспать хотя бы несколько часиков. Позже прочесть книгу, не связанную с актерским мастерством, и посмотреть любимый фильм с чашкой чая. Странно – таким вещам предаешь истинную ценность только тогда, когда ты в западне. С этими теплыми мыслями он заснул.

Скрежет железа пробудил его через несколько часов. Осознание ударило в голову. Он все еще в тюрьме. Через горизонтальный проем в двери старик протянул Ричарду тарелку с серой кашей. По крайней мере, так казалось в темноте. Ричард заметил, что связка ключей на поясе старика пропала. Он молча посмотрел на еду, затем взял тарелку. Старик вел себя так, словно не боялся совать руки в клетку – если не со львом, то по крайней мере, с голодной гиеной.

– Сидите тихо, шеф, и Вас не тронут, – произнес старик.

Пластиковая тарелка влетела в стену, оставив кашу стекать по замшелым кирпичам.

– Я вас понимаю, могу ответить на любые вопросы.

Ричард молчал, озлобленно глядя на старика.

– Не бойтесь. Я вам не враг и не друг, шеф. Задавайте.

“Довериться старику было бы абсолютным безумием. Однако сейчас не подходящий момент включать принципы и игнорировать любую информацию”, подумал Ричард и посмотрел на разбитую им тарелку.” Нужно послушать, что он скажет, и в очередной раз убедиться, что мне конец”.

– Что происходит? Кто ты? – прохрипел Ричард и откашлял комок слизи, застрявший в горле.

– А за шесть часов Вас здорово потрепало, – заявил старик, удивившись голосу Ричарда. – Меня зовут Тодд. Вы в театре. Театре для отбросов общества. Пятнадцать лет назад меня наняли сюда тюремщиком, должен признать, с тех пор ситуация только усложнилась. Я и сам, честно говоря, не доволен тем, что происходит сегодня. В мои времена методы были другими.

– Методы? – спросил Ричард и отполз обратно к стене.

– Методы постановки пьес. Думаете, раньше использовали живых людей? Нет, конечно же, нет. Это придумал наш новый директор. Когда я только пришел сюда, это место напоминало небольшой кукольный театр. Куклами, как Вы уже поняли, были тела мертвых людей. Однако живых никто не трогал. Насколько я знаю, именно в этом заключалась изначальная идея театра – уменьшение количества жертв от рук убийц. Тела, в основном, крали из моргов, мест преступлений и несчастных случаев. Все были против убийств.

– Тогда зачем было убивать Бена?

– Я же говорю, тогда было другое время. Сегодня театр по-

прежнему выполняет свою функцию, однако методы стали более агрессивней и лично я с этим не согласен.

– Тогда что ты тут делаешь?

– Увы, в современном обществе мне нет места. А тут – и кормят, и работа есть.

– Почему?

Старик облизнул губы.

– Пожалуй, на этот вопрос я не дам Вам ответа, – сказал он с такой интонацией, будто засмутился и сильно чего-то желал. Ричард почти не видел его лица. – Но могу Вас успокоить – трогать Вас никто не будет, Вы важны для нашего театра, публика Вас любит.

– Лучше убейте меня, – сказал Ричард почти шепотом.

– Я, конечно, могу быть неправ, но не Вы ли пришли сюда, чтобы найти работу актера?

Ричард промолчал.

– Никто не говорил, что будет просто. Деятели искусства зачастую должны страдать, чтобы эти страдания передавать другим. Посмотрите на мир вокруг. Люди хотят уйти от страданий через искусство, переживая эти эмоции при просмотре пьесы или прочтении книги. Вы как художник – должны эти страдания предоставить. А без знания материала нет и предмета, не так ли?

Ричард уставился в темноту, пытаясь пропускать мимо ушей все, что он говорит.

– Вы молчите и думаете, что самым желанным чувством

является Любовь. Все хотят избавления от страданий, а не обрести любовь. А тех, кто живет в гармонии с собой, давно уже клеймили сумасшедшими.

– Почему я? – слова вырвались из его горла хрипом. Тодд усмехнулся.

– Я не знаю, – начал он. – Называйте это судьбой, Богом, Эффектом Бабочки, чем угодно. Весь мир – это пьеса, текущая по определенному сценарию. А самым важным в ней является состояние человеческих душ. Творцы – это искусство, порожденное природой или Богом. В этом я с Картером согласен, но совсем по иным причинам. Творцы – Боги в этом мире, ведь они порождают искусство, которое наполняет душу жизненным топливом. Если бы не искусство, мир бы погряз в грубом безэмоциональном конструктивизме. Вы это и сами прекрасно знаете, Шеф, – сказал он и взялся за трубу решетки. – Но почему художник не может быть объектом искусства? – продолжил он. – Чтобы ответить на этот вопрос, нужно задать другой. Что ценней – творец или его произведения? Единственный ответ – они являются неотъемлемой, одинаково ценной частью друг друга. Творец го-ден ровно на столько произведений искусства, сколько способен сотворить. Ни больше, ни меньше. Так же как дерево, порождающее за всю свою жизнь столько плодов, сколько способно. Все они являются его частью. Рано или поздно плоды начинают отделяться от деревьев, падая на землю, и становясь чем-то большим. Но только не произведения ис-

куства, созданные творцом. Ведь видение художника находится у него в голове и никуда за всю жизнь не девается. Если все те шедевры искусства были созданы за счет образов в голове художника, почему нельзя назвать творящего – искусством? Почему нельзя назвать искусством процесс творческого мышления?

“Теория так же крепка, как и дерево, о котором он говорит”, подумал Ричард.

– Вы, Ричард, художник, и будьте добры соблюдать свои обязанности. Хотите Вы того, или нет – все закончится так, как должно закончиться. Все неминуемо идет к концу, и каким бы он ни был, Катарсис от него будет настоящий. Скажу по секрету – директору не понравился тот факт, что театр потерял главного примера, накануне выступлений. Так что будьте готовы к худшему. Он хочет Вас видеть, – его глаза слегка заблестели в темноте, а потом исчезли.

– Стой! – крикнул Ричард. В отличии от других представителей театра, старик вызывал у него впечатление разумного и вежливого человека. – Слушай, пожалуйста, помоги мне. Просто отпусти меня, я никому не скажу, залягу на дно. Если кто спросит, я буду все отрицать. Честно! Клянусь, забуду, как страшный сон, – умоляющим голосом говорил он.

– Меня всегда удивляло, почему люди боятся жизни, которая, вероятно, лучшая для них? Советую разобраться с этим вопросом, – заявил Тодд и скрылся во тьме.

Несколько часов он корил ту часть себя, которая плани-

ривала бездействовать. За это время он успел три раза сказать себе «Нет смысла торчать тут – либо они меня убьют, либо я попытаюсь выжить», но страх отвечал ему обратное. Он вставал на ноги, но потом садился снова, потому что был уверен – ему не хватит сил выбраться.

– Они меня сломали... – Ричард закричал, и эхо раскинулось по коридору, обрисовывая в сознании пустоту этого места.

“Если бы только малая частичка надежды открылась мне, хоть какой-нибудь намек на спасение, я бы сразу вцепился в него и не отпускал до самой смерти в стенах этого места”, думал Ричард, уставившись в пустую и холодную тьму.

АКТ 8

Веко на правом глазу пульсировало от непрекращающихся криков. Теперь холод замшелого пола просачивался через одежду. “Прошло сколько? День? Два? С тех пор, как я оказался за решеткой?” Ричарда трясло то ли от низкой температуры, то ли от стресса. Капля слюны стекала по нижней губе и он не рвался ее вытирать. “Куда эта девочка вела меня? Хотела помочь или погубить? Возможно, я упустил свой единственный шанс на спасение...”

От резко образовавшейся тишины загудело в ушах. Такое безмолвие обычно громче звуков. В надежде услышать отголоски жизни он все тщательнее прислушивался к окружению. Вдруг вдалеке послышалось тихое бормотание. Непрекращаемый словесный поток вызвал огромный интерес Ричарда. Возможно, он тут не единственный заключенный. Прислонившись к стенке, он стал слушать. Конкретных слов распознать не удалось, только едва уловимые нотки одержимости и отчаяния, словно безумие уже давно стало верным спутником человека за стенкой. Три громких удара по решетке заставили Ричарда отлететь в сторону.

– Заткнись и работай, – прозвучал голос Тодда.

Кажется он врезал по соседней камере. Стали приближаться шаги. Шел он молча. Стук башмаков о кафель создавали впечатление, что он идет не один. Старик подошел к

камере Ричарда. За его спиной стояли еще два работника театра – тех самых, которые преследовали девочку в гардеробной. Тодд нашел в связке нужный ключ и отпер замок. Дверь со скрипом открылась. Мысли о соседе за стенкой сразу улетучились.

– Пошли, – приказал он.

Ричард поднялся и голова закружилась.

– Идите за мной и даже не думайте побежать, – сказал старик.

Ричард и не думал. “Когда на тебя уставились две злоеющие морды, колени перестают тебя держать”. Прихрамывая, он прошел мимо двух лбов, которые сразу последовали за ним. Впереди шел Тодд.

“Один сильный удар по затылку старика тупым предметом – и все кончено. Было бы это так – врезал бы, не раздумывая. Может, стоит так сделать, чтобы умереть? Вдруг они меня поместят в еще более ужасные условия? Лучше не совершать глупости”, отчаянно думал Ричард.

– Вы встретитесь с Картером, – сказал старик. – Он тут главный. Благодаря ему Вы до сих пор живы. Он предложит вам сделку, советую согласиться.

Они повернули налево по коридору. Ричард усмехнулся, “Сделка, как же это абсурдно звучит”. В какой-то момент он подумал, что они направляются к тем жутким воплям.

– Выбраться все равно не получится, а так хоть проживете дольше. Последний, кто не согласился, скончался от обезво-

живания. Незавидная судьба, в общем.

Впереди виднелась дверь эвакуационного выхода. "Если бы не замок, рванул бы вперед", подумал Ричард. Они остановились около кабинета директора.

– Кефа, Кифа, погуляйте пару минут.

Два амбала кивнули.

– Примите правильное решение, шеф, – сказал старик и сделал шаг назад.

Ричард молча зашел в кабинет. Встреча с Дьяволом – ни больше, ни меньше – именно так он оценивал грядущую встречу. За столом, выпрямив спину, сидел Картер.

– А, Ричард, как настрой? – отбросив дела, спросил Картер.

Ричард смотрел сквозь него.

– Ну извини за то, что вонзил тебе шприц в шею и заставил выступать в моей пьесе, но по-другому ты бы не согласился! Я тебя понимаю – любой другой на твоём месте чувствовал бы то же самое. Ну присядь.

Ричард не реагировал.

– Присядь! – крикнул он, и Ричард дернулся. – Не нужно страха, не сейчас. Должно быть, ты меня ненавидишь?

Ричард посмотрел на него, дав понять, что он сказал само собой разумеющееся.

– Чем же я заслужил ненависти? Убийства людей? Кошунство над их телами на потеху извращенцам? Дай-ка, я тебе кое что объясню, – сказал он и присел за стол. – Не задумы-

вался, почему наш театр называется «Театр очищения»? – спросил он.

Ричард, подняв глаза, все еще смотрел в пустоту.

– Вижу-вижу, понимаешь, о чем я. Есть такое понятие, как «Катарсис». Ты, наверняка, испытывал его, когда сидел в зале большого театра и смотрел пьесы Шекспира. Высшая степень эмоционального насыщения твоей души. Тебя всего распирает, хочется забиться в угол и наслаждаться каждой секундой жизни. Однако, те, кто сидит в этом зале, – Картер указал пальцем чуть правее от Ричарда. – У них нет души. Это серийные убийцы, насильники, разного рода извращенцы, фу, мерзость – люди, заслуживающие смерти, без каких-либо оправданий. Каждый день эти уроды убивают, насилуют, пропагандируют, занимаются растрелением. Что же побуждает их этим заниматься? Конечно, каждый такой уникален, но всех их объединяет одно – жажда. Жажда крови, чтобы наполнить Грааль пустой оболочки души. Сейчас никто не заморачивается – бросают их в клетку, как животных, обрекая на вечные страдания. Разве человек, пытающийся отыскать свою потерянную душу, заслуживает страданий? Он всего-то хочет стать человеком, обрести душу, как например в Буддизме – каждый имеет право на реабилитацию.

– Какой же бред! – не выдержал Ричард. Голос стал уверенный, но тело все еще стояло, как столб, скованный страхом. – Душу можно наполнить множеством хороших вещей – любовью, радостью, жизненными целями! – Ричард зады-

хался то ли от злости, то ли от изнеможения.

– Тут ты ошибаешься, ведь все эти удовольствия доступны человеку с душой, а постоянная ненависть, страх, боль – первые причины ее отсутствия. Вот и получается, что человек без души стремится к счастью. К своему счастью. Он не способен как ты выражаешься «радоваться».

Ричард затих. Ему было, что ответить, вот только страх обратно прорезал горло.

– К сожалению, помочь этим людям обрести душу мы не можем. Но наполнить ее оболочку кровью – вполне. Наши выступления существуют уже пятьдесят лет, и знаешь что? Со времен открытия театра стало пропадать меньше детей, количество убийств сократилось на столько, сколько людей смотрит выступление, общая преступность в городе упала. Жаль, что только на несколько дней. Однако, новые методы позволили нам увеличить длительность отсутствия преступности на недели и даже месяцы. Что самое удивительное, они до сих пор сюда приходят. Поначалу было туго, но сегодня в безопасности этого места уже никто не сомневается. Некоторые зрители зажили нормальной жизнью, завели детей, с тем лишь отличием, что приходится иногда ходить в наш театр. И самое главное – если их гены будут переданы по наследству, у нас будут новые зрители. Новое поколение. Несколько людей, которых мы приносим в жертву на сцене, согласишься, ничто по сравнению с сотнями, которых убивали эти маньяки. Ты будешь удивлен, если я покажу тебе разрешение на

постановку пьес от всех возможных правительственных организаций?

– Нет, я в это не верю! – холод пробежался по его телу.

Картер покопался в ящике стола, и взял несколько бумаг.

– Вот, посмотри, – он протянул стопку листов. Издалека было видно только очертания мокрой печати.

– Нет, это подделка.

– Подумай, как за пятьдесят лет нас еще не накрыли? Откуда у нас деньги на содержание персонала, бальзамирование трупов? Нас спонсируют.

Ричард не хотел подходить. Не из-за страха. Он не хотел терять надежду. Надежду на возвращение домой, на то, что его не похитят ночью полицейские и не вернут в пучину ужаса.

– Тебе этот тюремщик уже рассказал, почему ты здесь? – спросил директор и спрятал стопку документов в комод.

“Нет”, подумал Ричард и помахал головой.

– Ты убил моего примера. К твоему счастью, это потеря не из великих. Смерть примера, по сути, ни на что не повлияет. Ведь главное не то, что снаружи, так ведь? Тебе выпала возможность участвовать в благом деле, парень. Время идет и запросы растут. Теперь им мало отрубленных и гниющих конечностей – подавай свежие. Драматургии и мертвых тел тоже не хватает. Не подумай – изначально мы использовали мертвецов. Эксгумация. У нас есть свой человек на местном кладбище. Он списал все на... Как их, новая субкульту-

ра.... Готы, вот. Только потом, когда я стал директором театра, стали использовать живых людей. Но все равно, классические виды повествования тоже не нравятся. Приходится ломать четвертую стену и импровизировать, с чем ты справляешься безупречно. Но если все это совместить, БУМ, – он щелкнул пальцами. – Театр! Как ты думаешь, они подозревают, что мы сейчас говорим именно о них? – после этого вопроса он замолк.

Ричард продолжал смотреть в пол.

– Как ты думаешь, Ричард? Это вопрос.

Ричард старался игнорировать весь этот безумный бред, который извергался из рта Картера. Возмущенный Картер подошел к нему и дал ладонью по лицу. Перед глазами возник Себастьян. Сейчас руки Ричарда не шевелились от страха. Он безумно хотел вцепиться Картеру в голову и бить ею об пол, пока она не отвалится, а потом ударить ее ногой как футбольный мяч.

– Ответь на вопрос! – закричал Картер и повторил удар. В ушах запищало. – Причастны они к тому, что сейчас происходит? – несколько ударов последовало следом.

Левая часть лица покраснела. Из носа тонкой струйкой потекла кровь. Ричард озлобленно посмотрел в глаза Картера.

– Давай! Давай!

С каждым ударом страх перетекал в ненависть. Желание убить Картера начало тушить огни надежды на выживание.

Подобные удары – ничто после того, что он испытал на сцене.

– Хорошо, – сказал Картер, отвернулся и медленно зашагал к столу. – Раз такое дело, хотел сделать тебе сюрприз, но дабы посмотреть на твои навыки поближе, придется его испортить.

Ричард на мгновение успокоился. Он только надеялся, что Картер поскорей его отпустит.

– В общем, скоро в нашу семью придет еще один актер. Точнее даже актриса. Как же звали эту новоиспеченную звезду? – он прислонил кулак ко лбу, сделав вид, что вспоминает. Выглядело это фальшиво, Ричард сразу понял, что над ним издеваются. – Ах, да, Эмили...

Время для Ричарда застыло. Он никак не ожидал, что такое возможно. Такое редкое имя не могло случайно вылететь из его гнилого рта.

– ...Норрис.

Названная фамилия ударила Ричарда высоковольтным разрядом по всему телу. Вся ужасающая сущность Картера обрушилась на него и осознанием прошлась по организму. Он имеет дело не с человеком и даже не с Дьяволом. Это была оболочка, из которой выпирали куски пережеванного гнилого мяса, отслаивающегося и падающего на пол. Нечто, чьи кости пропитанные слизью, вонзались в его же плоть. Каждая клеточка этого существа истощала гниющую в сердце Ричарда ненависть. Сгнившие зубы в пасти впивались в обрубки десен, а изрезанный язык давно прилип к разным

полостям рта. Этим самым ртом он из раза в раз отрывал имя “Эмили Норрис”. С безумными криками Ричард врезался в монстра и повалил его на пол.

– Да! Да!

Голова директора билась об пол с каждым ударом кулака по челюсти. Картер смеялся и кричал, пока Ричард не схватил его за волосы и не начал бить об стол. Сам того не ожидая, Картер что есть мочи закричал:

– Тодд!

Тодд забежал в кабинет вместе с двумя громилами. Они тут же подбежали к Ричарду и, схватив его под руки, оттащили от Картера. Ричард уцепился за его воротник и не отпускал. В ход пошли ноги. С неистовой яростью ноги врезались во всевозможные части тела Картера, пока Тодд не сжал его руку так сильно, что пальцы машинально разомкнулись. Картер отлетел и спиной врезался в книжную полку, отчего несколько книг упало на пол. Взбесившийся Ричард устремился грудью вперед, словно зомби, закованный руками в цепи, увидевший заветное лакомство.

– Почему ты так долго?! – говорил Картер с одышкой держась за голову. Ричард издавал рычащие звуки.

– Виноват, шеф, – сказал Тодд и приказал амбалам отвести Ричарда в камеру.

– Ублюдок! – кричал Ричард, вырываясь из стальной хватки.

– Черт! Охренеть! Прямо безумный бриллиант, скоро ты

воссияешь на сцене! – с истерическим смехом заявил Картер.

Ричард залетел в камеру. Мох смягчил приземление. Решетка захлопнулась, после чего Тодд защелкнул замок.

– Выпусти меня, тварь! – кричал он, стуча по тюремным воротам.

– Вы ему нравитесь, считайте, что Вам повезло, – засовывая связку ключей за пояс, говорил он.

Ричард с легкостью мог просунуть руку в горизонтальный проем в двери и схватить Тодда. Тодд был спокоен, видимо, знал, что он этого не сделает. Два глазающих на то, как Ричард выбрасывает свою злость на дверь, работника театра все равно не дали бы ему это сделать. Если бы не они, Ричард давно забрал бы свое. Обокрасть старика не так уж сложно. Тодд приказал им уйти, и Ричард это заметил.

Через некоторое время Ричард заскулил ”Пожалуйста...”. Удары уменьшались по силе и Ричард свалился на колени, так, что горизонтальный проем для передачи еды находился на уровне его глаз.

– Не все люди получают то, чего хотят, шеф. Радуйтесь тому, что еще живы, и тому, что ждет Вас впереди.

– Умоляю, – Ричард схватился руками за проем и жалостливым лицом посмотрел на Тодда. Тодд усмехнулся.

– А Вы действительно талантливый человек. Может, видение Картера не такое уж извращенное? Я же все вижу. Уверен, сейчас Вы разыграли эту сцену, чтобы разжалобить ме-

ня и отвлечь внимание, а сами выжидаете момента, чтобы схватить меня, выкрасть ключи и сбежать, – сказал он.

Эта мистическая, но верная догадка заставила сердце Ричарда биться чаще. Тодд присел на корточки и сравнялся уровнем глаз с Ричардом.

– Ну же, давайте, Вы можете разбить мне голову, или задушить, потом взять ключи, и открыть замок. Свобода!

Слова Тодда вновь напомнили ему о безумии этого места и вынудили не делать глупостей. Он вспомнил ту силу, с которой Тодд сжал ему руку, и та заболела. Старик силен. Ричард встал на ноги, Тодд за ним. Выглядело так, будто они друг друга поняли.

– Вы должны поесть, Вам станет легче. Я принесу новую порцию, – заявил он, развернулся, и только хотел уйти, как Ричард окликнул его.

Тодд обернулся и Ричард сразу понял – не стоило этого делать. Ему страшно хотелось узнать про того странного соседа за стенкой и об общем количестве заключенных в театре. Почему они здесь, сколько времени находятся и нет ли среди них тела его матери. Но ответ вдруг сам пришел в голову – они тут по такой же причине, что и он. А спросить про соседа, была бы самой глупой и роковой ошибкой. Когда Тодд спросил его, в чем дело, осознание глупости, которую он чуть не совершил, еще сильнее ударило ему в грудь.

– Ничего, – задумчиво сказал Ричард. Не менее задумчиво на него посмотрел Тодд и скрылся.

“Наверняка, старик не знал, слышал я голос за стеной или нет”, думал он. Его вдруг пропитала уверенность. Если старик узнает о связи заключенных, то пересадит в другую камеру или уведет соседа подальше. Вновь надежда стала просыпаться. Он не один в этих проклятых стенах. Если удастся связаться с ним, получится сбежать. Вдвоем шансы на успех увеличиваются в два раза, если, конечно, второй окончательно не обезумел.

“Тодд работает тут уже пятнадцать лет. Если бы он хотел скрыть от меня присутствие заключенного, не стал бы бить в дверь соседней камеры и говорить с тем, кто за ней. Значит связь между заключенными он считает бесполезной. Буду надеяться, это не так. И какова вероятность того, что старик не подслушает наш разговор? Проверить это никак не получится. В такой темноте не то что человека – огонь свечи не рассмотришь”.

“Они хотят взять меня пряниками. Ну уж нет”, подумал Ричард, посмотрев на остатки не убранной еды. “Я на это не куплюсь”, заявил он то ли вслух, то ли про себя. “Неужели они думают, если дать мне еды, я стану менее их ненавидеть? Чего еще можно ожидать от кучки психопатов? В добрых и злых полицейских решили поиграть, хорошо”, – после этих мыслей Ричард постарался успокоиться. “Это место действительно сводит с ума”. Он сделал глубокий вдох и выдох. “Боже, они заставят меня выступать на сцене с моей покойной матерью”.

Опять звуки за стенкой, однако, в этот раз не голос. Это был шорох. Будто кто-то роется в комодке в поисках чего-то среди старых бумаг. Ричард поторопился придвинуться к стене.

– Эй, кто там? – крикнул Ричард.

Шорох прекратился. Началось бормотание, из которого Ричард смог разобрать лишь одну фразу – «Не говори со мной». Хотя, возможно, он повторял одно и то же из раза в раз. Ричард было хотел прислушаться к совету, но все же не выдержал и спросил:

– Кто ты? – его щека коснулась холодного камня стены.

– Замолчи, он услышит, оба умрем, – отчетливо ответил некто за стенкой. Сердце Ричарда забилось чаще. Голос казался ему знакомым, но вспомнить, кому он принадлежит, он не мог. – Ты слышишь? Нужно бежать отсюда! – кричал он прямо в кирпичи.

– Не хочу тебя расстраивать, но ты представить не можешь, как часто я слышал эти слова. Сиди тихо и тебя не тронут, – строго заявил сосед.

Диверсия, подумал Ричард. Если сильно кричать или биться в конвульсиях, старик откроет клетку и... И что дальше? Идея ушла так же быстро, как и пришла. Он вспомнил, в каком месте находится, и что всем плевать на состояние его здоровья. Слова человека за стенкой только сейчас дошли до него, и мурашками разошлись по телу.

– Сколько людей тут было до меня? – с ужасом задал он

вопрос.

Ричард до последнего надеялся, что он промолчит. Ему не хотелось слышать ответ. Но нечто в нем желало узнать заветное число. Ему действительно казалось, что это именно число, а не цифра. Он ждал несколько секунд в ожидании сокрушающего все его надежды на спасение слова. За стеной тишина.

– Ответь! – он вовсе не хотел кричать и бить кулаком о замшелые кирпичи.

Все происходило машинально, словно должно было произойти. Голоса в ответ он не услышал. Наконец, Ричард замолк, смирившись, что, возможно, никогда не получит ответ. Может, оно и к лучшему. Нужно было думать, как отсюда выбраться, а не забивать голову ломающими психику мыслями. Но голова отказывалась работать, как следует. Это похоже на старания сочинить песню в период посттравматического шока. Никаких идей. Лишь нарастающее отчаяние, тремор в руках и неудовлетворенный инстинкт, с которым ты не способен совладать, из-за чего ты постепенно превращаешься в животное.

“Может, это и есть их задача? Превратить меня в животное, не способное здраво рассуждать, чтобы потом укрощать меня в своем гребанном цирке?”, думал он, протирая глаза.

Босые ноги зашлепали по каменному полу. Перед камерой появился силуэт голубого платья. В темноте казалось, что это призрак, который вот-вот пройдет сквозь металли-

ческие трубы тюремной решетки. Силуэт приблизился. Это была девочка.

– Ричард, – прошептала она тонким голоском. – Тяните время. Когда рабочая смена закончится, мы сбежим.

– Алиса? – спросил Ричард, пытаюсь найти в темноте ее глаза. – Ты меня обманула, – заявил он.

– Не ешьте еду, которую он вам дает. Не верьте тому, что он скажет. И, пожалуйста, не разговаривайте с заключенными.

Не успел Ричард придумать вопрос, как ее босые ноги зашлепали прочь. Лишь негромкое «Эй!» разошлось эхом по коридору. Видимо, звук до нее не дошел, так как в ответ опять тишина. Он был подавлен. Никто не хотел с ним говорить и отвечать на его вопросы. Что-то явно происходило. Но что – знал только Бог, написавший это психоделическое произведение. Ричард вспомнил, что Алиса вовсе его не обманывала, и аварийный выход действительно был закрыт. “Но зачем она меня вела сюда?” – он успокоил себя тем, что, возможно, вскоре об этом узнает. “Тянуть время? Зачем? Может, она думает меня освободить? Но как?” Ричард вспомнил о связке ключей на ремне старика тюремщика. “Тодд берет их только тогда, когда хочет открыть дверь. Наверное. Возможно, он их оставляет в своем кабинете, и Алиса собралась за время нашего с ним разговора украсть их? А если он обнаружит пропажу, нам конец. Остается только надеяться, что у нее есть план получше, чем у меня”, раз-

мышлял Ричард, не замечая отблескивающих свет дальнего коридора глаз.

– Шеф, – сказал старый тюремщик.

Ричард вздрогнул. Не от неожиданности. Его посетила безумная мысль. “Может, он стоял тут все это время и слышал все, что мне говорила Алиса и человек за стеной?”, спрашивал он сам себя. На этот вопрос голова отказывалась давать ответы.

– Ваша еда, – Тодд протянул тарелку с кашей через прямоугольный вырез в тюремной двери.

“В гробу я видел это прозвище,” подумал Ричард, обзленно посмотрев на Тодда, и взял тарелку.

– Я вот тут подумал, Вам, наверняка, понравилась смерть Себастьяна – ведь она принесла Вам жизнь. Подумайте о том, что мы делаем в таком ключе, – заявил Тодд. – А теперь перекусите, Вам необходимо набраться сил перед следующим выступлением. Приятного аппетита.

Он уставился на Ричарда, словно ждал, пока он отведает лакомство из тарелки. Ричарду сразу же вспомнилась Алиса, которая просила его не есть стряпню старика.

– Спасибо, – ответил он и поставил тарелку на землю, не отводя от старика взгляда.

Тодд посмотрел на него, потом на тарелку.

– Обычно, когда говорят подобные слова, люди начинают есть.

– Мы ведь не в обычном месте, правда?

– Правда... Ешь, тебе нужны силы для следующего выступления, – сказал он.

– Я не голоден, – заявил Ричард.

– Ага... Вот как, – сказал тюремщик. – Ты можешь подойти ближе?

Почувствовав интеллектуальное преимущество, Ричард уверился в себе. Он встал на ноги и, подойдя к решетке, сравнялся уровнем глаз с Тоддом. Оба словно пытались пересмотреть друг друга. Будто дети – сцепились взглядами в смертоносной схватке. Тодд дернулся – и вот кисть Ричарда сжимается в его ладони. Он пытался вырваться из захвата, но сила, с которой семидесятилетний старик сжимал руку, казалась нечеловеческой. Тодд потянул ее на себя так, что Ричард ребрами коснулся металлических труб решетки. Старик оголил его руку и шершавым языком прошелся вдоль внутренней части предплечья. От столь мерзкой мягкости вены попрятались под кожей. Тодд несколько раз чавкнул, проглотив слюну и отпустил его. Ричард отлетел от двери и, врезавшись спиной в стену, ударился затылком. В глазах засияли оранжевые вспышки.

– Завтра увидимся, – сказал Тодд спокойным голосом и растворился в темноте.

Через некоторое время, когда тишина окончательно дала понять, что никто больше к нему не явится, глаза начали слипаться. Спать не хотелось, сердце все еще выскакивало из груди, а адреналин превращал мысли в хаотично кружа-

щуюся в воде стаю рыб. Хочешь-не хочешь, а заснуть не получится. Едва ли веки сомкнулись, как раздался топот. Он напоминал поочередный стук гирь, замотанных в тряпку, о кафельный пол. На каком расстоянии от него находился источник звука – понятно не было. По тяжести шагов Ричард понял, что бредет нечто кошмарное. Он закрыл уши ладонями и зажмурил глаза. Ужасающие образы приходили в голову. Как некое существо выбило решетку в камере, схватило его, и поволокло по полу за собой, в будущем предавая его тело пыткам. Как он вырывался, как кричал изо всех сил, но никто не помогал. Обычно, когда в своих фантазиях перед сном он представлял нечто подобное, он сражался и побеждал, или разыгрывал драму, которая, в конечном итоге, привела бы его к победе. Но только не сейчас. В эту секунду он и представить не мог, что спасется от зловещего существа. Послышались неразборчивые разговоры, после которых захлопнулась дверь.

– Галлюцинации, наверняка, они! – крикнул Ричард.

Сквозь туман страха он решился открыть глаза. Ни топота, ни зловещего образа не показалось.

АКТ 9

Ричард смотрел в стену и нервно, почти что истерично хихикал. “Что это? Еще одна пьеса?” – мысль стояла в сознании комом. Тарелка с кашей на полу гипнотизировала его. Казалось, он сидит так целую вечность. Где-то вдалеке какие-то звуки. “Раз... Два... Что там дальше?” – Ричард помнил, однако, ему нужно было занять мозг работой, чтобы не сойти с ума. Звуки громче. “Три, кажется, это было три. Впереди еще так много цифр... А потом еще бесконечное множество чисел”. Где-то глубоко внутри он хотел позвать человека за стенкой, кричать, чтобы его выпустили, бить о дверь изо всех сил. Но эти мысли лишь пробуждали за собой боль и страх, которые убивали любое желание что-то делать. Так что Ричард старался об этом не думать. По крайней мере, на данный момент. Звуки были намного ближе, чем он думал. Алиса все никак не могла победить замочную скважину.

– Помоги, – сказала она и взяла ключ двумя руками.

Ричард продолжал смотреть на нее, не понимая, что происходит. Алиса, стиснув губы, повернула ключ и замок щелкнул. Калитка со скрипом отворилась, а девочка убежала в темноту. Ричард уставился на открытую дверь – он находился в метре от свободы, но никак не решался выйти из камеры. Вернее, он не до конца верил, что она открыта. “Может, это сон, или паршивая галлюцинация. Наверняка, сон,

ведь если бы это было на самом деле, я сразу бы встал и рванул, куда глаза глядят. Хотя, что даст свобода внутри места где она отсутствует?”, думал Ричард. Он тронул дверь, и та негромко скрипнула. Он хихикнул.

– Ричард, – прошептала Алиса. В темноте ее голос звучал зловеще. – Быстрее, идем за мной, тут никого больше нет, кроме нас.

“Ты мыслишь, следовательно – существуешь”, заявил уверенный голос в голове. “Если сон или галлюцинация является продуктом мысли, значит ли это, что они реальны?”, подумал Ричард. “Уверен, я неправильно трактую эти слова. Но сейчас они нам помогут. Нет! Мне помогут!”. Ричард закрыл глаза, помотал головой и встал на ноги. Но тут же голова закружилась. Сделав небрежный шаг, нога подкосилась и он непроизвольно полетел вперед. Дверь с громким скрежетом распахнулась и Ричард выпал из камеры в коридор. Он молился, чтобы его не услышали. Алиса подбежала к нему из темноты, словно выжидала, пока он упадет на четвереньки. Она помогла ему встать, хоть Ричард не особо это ощущал, и повела его за руку к открытой рядом двери. На мгновение Ричард убедил себя, что отдал свое брэнное тело на произвол судьбы. “Будь что будет”. Он наверняка не знал, куда она его ведет, но это уже было не важно. Сейчас он познакомится со своим соседом. Заметив, с каким энтузиазмом она бежит к двери, Ричард понял – именно туда Алиса вела его в прошлый раз. Несильно яркое свечение из камеры освеща-

ло открытую дверь оранжевым светом. В отличие от других, дверь в камеру была полой, без каких-либо проемов. Прямо за порогом, сидел мужчина лет тридцати пяти. Худой, как скрепка. Порванные до колена шорты и голый торс создавали впечатление, что они похитили бродягу. Он сидел у стены, рядом стоял табурет без одной ножки, на котором лежала стопка исписанной бумаги. Возле нее – несколько ручек и карандашей. Неподалеку стояла небольшая лампа. Ричард вспомнил – это был тот самый Гектор, который сидел вместе с «судьями» и нагло прикидывался. “Еще один соучастник сраного представления”, подумал Ричард, и ненависть вернула ему рассудок.

– Ах ты, сукин сын!

Ричард, не раздумывая, вцепился ему в горло. Алиса закричала. Ричард не обратил на нее внимания и продолжил душить. Если он сможет избавить мир от еще одного ублюдка, то проживет не зря.

– Отпусти его! – крикнула девочка.

Гектор пытался что-то сказать, но изо рта доносились лишь хрипы. Алиса подбежала к Ричарду и стала колотить его по спине. Маленькие кулачки не наносили ему никакого урона.

– Нет, папочка! – зарыдала она.

Картина в голове Ричарда выстроилась полностью, его тело онемело, а мысли превратились в режущий ужас. Он сразу же убрал руки, но девочка продолжала бить его изо всех

сил. Гектор схватился за шею, горло издало жуткий хрипящий кашель.

– Боже мой, – почти что прошептал Ричард и опустил глаза.

– Ничего, я это заслужил, – отдышавшись, прохрипел Гектор. – Алиса, все в порядке, успокойся.

– Прости меня, папочка, из-за меня тебе больно, – она вцепилась в него, и озлобленно посмотрела на Ричарда.

– Все хорошо. Мы выберемся отсюда, – сказал Гектор и погладил девочку по голове.

– Боже, как ты выросла, – Гектор взял девочку за плечи, потом крепко обнял.

На полу стояла тарелка с кашей. К ней Гектор не притронулся. Ричард протянул руку и Гектор принял предложение помощи. Почувствовав в своей ладони нечто холодное и склизкое, он убрал руку словно от огня. Ричард только сейчас обратил внимание. Его руки от плеч до кончиков пальцев покрыты подобием гангрены. Кожа в этих местах была черного цвета и шероховатой, как у старика. Отвратительное зрелище. Создавалось впечатление, что руки давно отмерли и уже начали гнить на живом теле, однако, двигались они без проблем.

– Что у тебя с руками? – спросил Ричард.

– Не знаю, с тех пор, как меня тут заперли и заставили писать всю эту хрень, они стали превращаться в это, – Гектор посмотрел на ладони. – Может, это проявление кармы за

все мои грехи? – он усмехнулся и поднялся на ноги. Ричард промолчал. Его глаз задергался.

– Знаю, о чем ты думаешь. Как мы сбежим отсюда? Алиса знает каждый угол здания. После... – он запнулся, потом продолжил с одержимостью на лице. – После закрытия театра главный выход закрыт снаружи. Все работники уходят, кроме Роджера. Открыть дверь никак не получится. Вентиляции тут нет. Остается единственный выход, – его лицо выглядело безумно. – Аварийный. Ключ от него находится у Роджера, так ведь? – он посмотрел на Алису. Она кивнула. – У Роджера, – повторил он. – По непонятной причине, замки тут не ломаются, приложи ты сколько угодно усилий.

– Пап, он ведь не кукла? – Алиса дернула за штанину отца и спросила.

– Нет, это человек, как ты и я, милая, – немного нагнувшись, ответил Гектор.

– Мы здесь примерно год, а эти сволочи уже успели промыть ей мозги, – Гектор обратился к Ричарду. – Сознанием ребенка управлять так же легко, как и разумом взрослого. Моя личность так же поменялась. Это нельзя объяснить, можно только почувствовать.

– И где этот Роджер? – спросил Ричард.

Дикий рев пронесся по коридору. Гектор посмотрел на Ричарда, намекая, что эти страшные звуки доносятся из уст Роджера.

“Это что, человек?!”, подумал Ричард и холод прошел-

ся по его телу. Мысль, что крики принадлежали человеку, сформировала ком в его горле, глотнуть который оказалось так же нелегко, как проглотить целиком грецкий орех. Ричард выглянул из дверного проема. В конце коридора, откуда доносились ужасные звуки, он увидел еле заметное свечение.

– Я хочу, чтобы ты понимал – мы с Алисой никуда не пойдём. Я не могу рисковать собой и тем более своей дочерью. О ней ведь никто не позаботится. Я попросил Алису освободить тебя и привести ко мне. Люди, которые тут остаются, не доживают до следующей пьесы из-за больного тюремщика Тодда, который завтра от тебя живого места не оставит, если ты не сбежишь, – сказал Гектор.

Ричард подумал, что, скорее всего, не тюремщик виновен во всех смертях. Возможно, они не справились с Роджером, и были посланы Гектором на верную смерть.

– И не слушай рассказы Картера о том, что ты избранный – все были избраны. Если Тодд тебя убьёт, ему это сойдет с рук. Все они больные ублюдки, заслуживающие только одного. То, что я предлагаю – опасно, возможно, ты умрешь, но другого способа сбежать нет, уж поверь. Алиса все тут проверила и рассказала мне. Выкради ключ у Роджера и мы сбежим отсюда. Он слеп и глуп, но очень опасен, так что, если ты откажешь – я пойму.

– Нет... Я не вынесу ни секунды в этом ублюдском месте, – уверенно сказал Ричард, а внутри сжимался малень-

кий беззащитный Ричи в объятиях мамы. – Тем более, что ограбить слепого – не так уж сложно, верно? – Ричард улыбнулся, но в глазах виднелось отчаяние.

– Хех, – усмехнулся Гектор. – Уверенности тебе не занимать.

– Что-нибудь еще, что я должен знать? Может, стоит поискать оружие, раз тут никого нет? – спросил Ричард.

– Будь предельно осторожен... Оружие против него бесполезно. Это ты сразу поймешь, как встретишься с ним. Его комната в конце коридора.

Ричард неуверенно кивнул и вышел по направлению к свету. По пути он услышал шепот:

– Алиса, иди в коридор. Если что-нибудь случится, беги, прячься, только не попадись ему, – говорил Гектор.

Эти слова сразу опустили Ричарда на землю. Они лишь заботятся о своей шкуре. Обычные люди, которые хотят жить. Такой расклад показался ему несправедливым, ведь они использовали его для достижения своих целей. Ричард уже думал вернуться и обдумать все более тщательно, но мысль, что Гектор ни за что не бросит свою дочь, переубедила его. К тому же, единственный, на кого он мог надеяться, это он сам. Поняв это, он ринулся вперед. В такой обуви можно танцевать чечетку, так что Ричард решил снять ее. Стало легче. Сморщенная кожа на ступнях болела и, казалось, сейчас треснет. Холодный кафель оказывал обезболивающий эффект. Он прошел мигающую лампочку и углубился в темно-

ту. Свет все приближался. Роджер отбрасывал на стене двигающуюся тень. Эта тень напоминала растолстевшего кузнеца, занятого привычными ему делами. В голове появился образ мясника, шинкующего тела людей. Раздался крик. Ричард забыл про него. Вопль был настолько сильный, что с потолка сыпалась штукатурка. Кончиками пальцев ноги он касался пола, и с тщательной осторожностью ставил стопу, перемещая на нее вес тела. От этого зависела его жизнь. Затем вторая нога делала так же. И хоть шел он бесшумно, Ричард думал, что он жужжащая муха в ухе Роджера.

Он остановился около дверного проема. Его держал один вопрос, из-за которого он не решался заглянуть внутрь. Зачем Роджер вообще кричит? Не для того ли, чтобы ориентироваться в пространстве? Из комнаты опять раздался крик. Ричард зажмурил глаза и прижался к стене. Эхолокация – он читал об этом в школьной энциклопедии еще семь лет назад. Слепые хорошо ориентируются в пространстве и с легкостью могут распознавать новые объекты, если звук в привычной комнате отражается по-другому. Вспомнились слова Гектора, что Роджер всегда находится в этой комнате. Значит любые изменения в своем крике он заметит. “Но также Гектор говорил, что он глуп, может, не заметит. Да и почему он еще не заметил меня? Ведь я шел по центру коридора половину пути. И разговаривали с Гектором мы не шепотом. Видимо, настолько сильно эхолокация развита только у дельфинов”, подумал Ричард и открыл глаза. Перед ним все шевелилась

та самая тень. “Он слеп, он слеп”, думал Ричард и, вцепившись мокрыми пальцами в стену, выглянул из-за дверного проема.

Столь громадных людей Ричард не видел никогда. Двухметровый, телосложением похожий на свинью, человек стоял к нему спиной. Он был одет в рвущийся на локтях и спине полосатый пиджак времен шестидесятых. Толстые пальцы чесали яйцеобразную голову без волос. Опустив руку в котел с кипящим воском, он закричал. Это был тот самый ужасающий рев. От страха и удивления Ричард открыл рот и мысли об эхолокации испарились. Спина Роджера скрывала дальнейшую судьбу воска на ладони. Однако, Ричард догадывался. Человеческие головы, висевшие на стенах, как трофеи охотника, были одеты в причудливые шляпы. Их веселые лица выглядели так безмятежно и весело, что было сложно до конца осознать, что это отрубленные головы когда-то живых людей. Эта комната забила последний гвоздь в гроб хоть какой-то человечности Роджера. На самом деле, это даже не безумие, а нечто, чего еще нет в мировом словаре. Настолько извращенного поведения у существа Ричард не видел в фильмах и не читал в книгах. Это тот самый момент, когда идеи гуманизма рассыпаются у тебя на глазах.

Кошмар разбежался неприятным покалыванием по затылку. Он произвольно представил себя в роли одной из таких голов на стене. Ему ни за что не хотелось быть частью подобного кошунства над творчеством. Роджер полез вниз

двухуровневого стола и засунул руку вглубь нижней столешницы. Нашупав нужную кастрюлю, он засунул в нее палец и капнул нечто похожее на пластилин. После чего вытащил руку и продолжил работу издавая чавкающие звуки.

Роджер издал вибрирующий вздох, показавшийся Ричарду знаком недовольства, и потопал в правый угол комнаты, потащив за собой тело. Трупам Ричард уже не удивлялся, однако, кое-что заставило его глубоко вдохнуть. Лицо у мертвеца отсутствовало – вместо него из воска было вырезано его отдаленное, уродливое и потресканное подобие. По сравнению с лицами на стене, Роджер явно желал избавиться от признаков плохой работы. Сомнений не осталось – он лепил новых актеров для пьес. Забросив тело в комнату, Роджер пошел к дверному проему напротив и достал оттуда очередного девственного мертвеца. Рядом с проемом находился рубильник непонятного назначения. Положив тело на стол, он опять окунул свою лапу в воск, заорал и резко обернулся. От ужаса Ричард застыл. Он всматривался в давно зажившие раны на глазах. По шрамам было видно, что глаза ему вырезали. Припухлости в области щек казалось пульсируют. Мерзкий оскал оголил его грязные зубы. Дышал он сквозь них, еле сдерживая хрипы легких. “Он знает, что я тут!”, подумал Ричард. Сердце его с чудовищной периодичностью стучало по ребрам. Изо всех сил он пытался не дышать, с каждой секундой казалось, что сознание отключится. Он думал, если сделает хоть один вдох, через рот будет слышно биение серд-

ца. Несколько раз Роджер издал рык, отвернулся и продолжил заниматься своим делом. Ричард выдохнул через дрожащее горло и вспомнил про ключи.

Осмотрев комнату взглядом, ничего похожего он не заметил. Лица мертвецов, разложенных как куклы на полу в детской комнате, кричали ему покинуть это место как можно скорей. Но какой-то скрыто безумный интерес вызывали эти веселые мордашки. В таких условиях сложно сосредоточиться на поиске маленькой блестящей вещи. Только когда Роджер наклонился вперед и издал звуки, которые обычно издают люди, подышав на очки, а затем протирая их, он увидел висящий на гвозде небольшой ключик прямо за Роджером. “Ну, конечно, где же еще?”, иронично подумал Ричард и спрятался обратно за стену.

Кроме густой тьмы, оттого, что глаза привыкли к свету, ничего видно не было. Только разноцветные зайцы, переливаясь, играли с его глазами. Ричард выглянул обратно. В действиях Роджера отмечалась четкая периодичность. Сначала Роджер стоял возле стола, потом шел направо и бросал мертвеца в дверной проем, потом налево взять нового, потом снова к столу, и так сначала. Ричард решил и стал ждать, пока Роджер отойдет от стола. Но вместо того, чтобы бросить очередного мертвеца в соседнюю комнату и взять нового, он поднял его за подмышки над головой. Он тараторил на тело так, словно пробудилось зрение. Широкая улыбка натягивалась, оголяя гнилые зубы, и Роджер, тяжело дыша, зарычал.

Он аккуратно посадил свое творение к остальным, подошел к стене и, перебирая пальцами, снял шляпу с одной из голов. Затем надел ее на готового к выступлению актера. В отличие от предыдущего тела, на этом маска из воска выглядела идеально. Хороший художник с легкостью смог бы превратить ее в неотличимое от человеческого лицо. “Наверное, задумка Роджера касательно этого тела удалась”, думал Ричард в то время, как Роджер копошился в комнате рядом. Выбрав очередную жертву, он пошел за стол. В этот раз окунать руку в котел с воском он не стал. Пощупав лицо жертвы толстыми пальцами, Роджер показал свое недовольство, скривив губы и покачав головой. Он пошел обратно в комнату, куда бросал людей. Ричард сделал шаг вперед. Потом еще один. Пройдя в центр комнаты, почти что паря над полом, он остановился. Хоть Роджер и был достаточно медлительным, подобраться к ключу Ричард не успевал, так как громадина уже шла за очередным подопытным. Каждый вдох и выдох казался ветром, который вот-вот заденет кожу Роджера. Он стал рядом с Ричардом. Повернувшись к нему спиной, он пытался увеличить огонь печки, на которой в котле топился воск. “Давай, мать твою, быстрее”, мысленно подгонял его Ричард. Ему казалось, что капли пота текут по щекам слишком громко, и не дай Бог, одна из них упадет на пол. Ключ находится в четырех шагах от Ричарда. Так близко, и одновременно так далеко. Будто ключ висит на другой стороне неширокого бездонного обрыва. Только Роджер прошел мимо него,

как Ричард двинулся вперед. Вот она, заветная свобода – висит над залитым воском с запекшейся кровью столом. Достаточно высоко для человека такого роста, как Ричард. Он потянулся, одной рукой держась за стол. Слишком скользко, настолько, что в попытке удержаться пальцы продавливали слой воска до железного основания стола. Несколько сантиметров отделяли его ладонь от ключа. “Нужно забраться повыше”, подумал он и представил, как будет отсюда выбираться. Как ключи случайно выпадут из кармана и Роджер, заметив это, в мгновение его схватит. Помахав головой, он вытряхнул плохие мысли и наступил на нижнюю столешницу, где стояли кастрюли. Она сократила дистанцию между рукой и ключом на несколько сантиметров. Однако, Ричард все равно не дотягивался. Слева от него рылся Роджер и, кажется, он уже нашел то, что искал. Роджер положил тело на плечо. Ричард уже хотел вернуться в центр комнаты, чтобы не рисковать, как с одной из голов на стене слетела шляпа и упала на цепи в бочке, которые издали характерный им звон. Роджер замер. Чего не скажешь о Ричарде. От страха его тело разрывалось на миллион кусочков, а дыхание непроизвольно участилось. За все время в театре он научился дышать бесшумно, игнорируя инстинкт. Бросив труп, Роджер подбежал к месту, от которого исходил шум. Нашулав шляпу, он издал короткий рык и стал искать голову, с которой она слетела. Пока судьба выделила Ричарду пару лишних секунд, он стал на носки и продолжил тянуться. Средним пальцем он

коснулся ключа. Этого не хватало. Поставив колено на стол, он почувствовал, что ключ уже у него в руках. Да! Он взял его и бесшумно стянул с гвоздя. Когда он сжал заветное сокровище, чтобы, не дай Бог, не выронить, его рука соскользнула и ноги понеслись вперед – прямо в кастрюли, которые с грохотом попадали на пол. На мгновение Ричарду показалось, что даже Гектор с Алисой слышали этот шум. Одна из кастрюль покатила к ногам Роджера.

– Кто здесь? – зарычал Роджер сквозь зубы.

Вместо того чтобы броситься на него, как думал Ричард, он подбежал к двери и со скрипом задвинул ржавый засов на ней.

Акт 10

Теперь бесшумно выбраться из логова безумия было невозможно. Роджер услышит любые попытки открыть дверь. Осторожно встать с пола было так же легко, как выровняться, стоя на канате. Сжимая в кулаке ключ, Ричард на носочках отошел в сторону, переступая кастрюли. Малейшее касание, как сирена, оповестило бы Роджера о нахождении Ричарда. Роджер двинулся вперед, перебирая толстыми ногами. С каждым шагом он ускорялся, пока кастрюля не остановила его. Он опустил голову и, зарывав, пнул кастрюлю. Та ударилась о стену, заставив Ричарда пригнуться.

– Где ты? – произнес он гнилым голосом, лапая все вокруг в метре от замершего Ричарда.

Время для него остановилось. Все стало походить на ужасную игру, в которой он – главный герой. Если Роджер вытянет руку левее, он победит. А это значило бы, что Ричарду никогда отсюда не выбраться. Он почувствовал себя ответственным за жизни многих людей, включая свою. Роджер, ничего не нащупав, сделал шаг левее и помахал рукой перед лицом Ричарда так близко, что создаваемый ветер обветривал его глаза. Но он даже не моргнул. Ричард думал, что вся наша жизнь – драматургия во всех ее проявлениях. Сегодня он прочувствовал это на собственной шкуре. Рука пронеслась над головой Ричарда, колыхая волосы. Он начал

ощущать то, что ощущал после просмотра пьес в детстве, но на уровне предвкушения. Он знал, что если принесет ключи Гектору и Алисе, ему будет так хорошо, как никогда. И не возможность побега подогревала его эмоции, а, скорее, чувство выполненного долга, ощущение хорошей концовки театальной постановки. Катарсис, вызванный жизнью.

– Где ты?! – зарычал Роджер и наградил стену тяжелыми ударами. Грохот, словно по щелчку пальцев, нарисовал на лице Ричарда осознанность, и он отпрянул к двери.

– Девочка? – Роджер коснулся крюка, где висел ключ. Его лицо сделалось недовольным. – Зачем тебе ключ? – прорычал он.

Ричард двумя руками взялся за задвижку и с металлическим скрежетом повернул ее на себя. Скрежет резал ему сердце. Он обернулся и увидел ревущего Роджера, который уже рвался в его сторону. Ричард пригнулся и вернулся к кастрюлям.

– Нет, ты определенно выше, – прорычал он, совсем не запыхавшись.

С его телосложением это было удивительно. Казалось, он вовсе не дышал, чтобы прислушаться к каждому шороху. “Нужно попробовать еще раз”, подумал Ричард, отклонился влево и побежал к комнате, из которой Роджер доставал новые тела. Рядом с ним лежала кастрюля.

– Чего ты хочешь? Выбраться отсюда? Ты заключенный, не девка, значит – ее папаша, бездарный писатель. Ну, здрав-

ствуй, – говорил Роджер, лапая засов двери.

Ричард аккуратно оторвал кастрюлю от земли.

– Ты еще не превратился? – он опять оголил свои зубы в улыбке. – Молчишь... Ты уже закончил мою пьесу?

В правом углу комнаты, куда Роджер бросал тела, раздался грохот. Он повернул голову в сторону звука. Хриплый смех раздался из его глотки и показал всю нелепость ситуации.

– Гектор, ты думаешь... Думаешь, что возьмешь меня этим детским... Трюком? – говорил он, запинаясь от смеха.

После этих слов мысли Ричарда мелькали как искры от подожженной спички.

– “Куда же мне бежать?”, думает бедный Гектор. А больше всего он переживает, что будет с его дочерью если ее отец исчезнет. Но больше его интересует, в какую сторону я сейчас побегу? Хмм... Дай подумать...

Не успел Ричард осознать его слов, как Роджер бросился на него с такой быстротой, что Ричард не успел бы проскочить мимо него. Ричард отошел и уперся в стену. Повернув голову он увидел единственный путь к отступлению – гора трупов в комнате рядом. Не раздумывая, он бросился туда. Тел было намного больше, чем он думал. Они буквально заполнили всю комнату, давая только один путь к отступлению – вверх. Он не понимал, что было бы лучше – лезть по горе человеческих останков или быть пойманным, однако, Роджер не заставил его долго раздумывать над ответом. Роджер

врезался плечом в стену и ринулся за ним. Карабкаясь по телам, Ричард пытался представить, что взбирается на гору из песка. Но тошнота и страх, вызванные прикосновением к конечностям и интимным местам мертвых тел, ставшие для него чем-то нормальным, вышли на новый уровень. Въелись в мозг как кол, и никак не заглушались другими мыслями.

“Вверх! Вверх!”. Руки мертвецов съезжали вниз под давлением ног Ричарда. Он никогда в жизни не взбирался в гору так быстро, разве что в детстве, убегая от покусавшей его собаки. Тогда он и подумать не мог, что окажется в подобных условиях. На вершине он обернулся на карабкающегося за ним и пускающего слюни Роджера. Тела съезжали к дверному проему под его весом.

– Решил поиграть в царя горы, Гектор?! Скоро ты потеряешь корону! – рычал Роджер и разгребал мертвецов руками, как обезумевший ребенок – горку из песка.

Заметив, как куча тел, что разбросал за собой Роджер, перекрыли выход, Ричард остановился. Он смог разглядеть небольшую щель между телами в самом верху дверного проема, куда можно было протиснуться, оставив Роджера в ловушке.

– Иди сюда, я сделаю из тебя актера! – прорычал Роджер. Он подобрался уже достаточно близко, но, подбравшись к вершине, затих. Наступила мертвая тишина, во всех смыслах этого слова. Ричард отошел в сторону, спустившись чуть ниже. Раздался шелест на другой стороне кучи.

– Гектор, не играй со мной. Ты хочешь, чтобы твоя дочь страдала?

С этими словами Роджер пополз дальше, скрывшись за вершиной горы. Спускаясь, Ричард ускорил шаг. Еще быстрее. Щель была совсем рядом. Его нога зацепилась о чей-то открытый рот и он съехал вниз, врезавшись в чей-то торс головой.

– Все-таки придется сделать ей больно, Гектор! Обещаю, я убью ее, – прошипел Роджер, забравшись на вершину горы и повернувшись в сторону Ричарда.

В его голосе слышалась гнев и ненависть. Ричард влетел в дыру и изо всех сил пытался протиснуться вперед, но не получалось продвинуться ни на сантиметр. Оказавшись на другой стороне по пояс, тела слишком сдавили его. Половина его тела вытянулась на другой стороне. Руками он отталкивался от стены, пытаясь выпасть как пробка. Со стороны его ног раздался жуткий крик, который с каждой секундой приближался. Ричард начал рваться вперед все сильнее и сильнее, но казалось, что его засасывает обратно в комнату. Не выдержав, он закричал и потянулся со всей силы, отталкиваясь ногами от воздуха. Его туловище наконец поддалось и протолкнулось вдоль тел. Вытолкнув себя из кошмара, он скатился на пол и выронил ключ. Подобрав его, он побежал к двери, и взялся отодвигать засов. За горой тел, закрывающей комнату, доносился смех Роджера. Ричарду казалось, что в любой момент, словно от взрыва, тела могли разлететься в

разные стороны, открыв путь для Роджера.

– Я сделаю все возможное, чтобы твоя дочь стала актрисой и причиной бурных аплодисментов, – его голос все отдалялся.

Ричард запер дверь и, спотыкаясь из-за крошечной тьмы и раны на ноге оставленной Себастьяном, побежал к Алисе с Гектором.

– Ключи у меня, бежим отсюда! – подбежав к повороту коридора который освещала мигающая лампочка, крикнул Ричард.

Камер видно не было. Молчание в ответ вызвало у Ричарда чувство, что сейчас из тени выйдет Тодд, приставив нож к голове Алисы со словами “Отлично, а теперь положи ключи на пол или я убью ее”. Ричард уже хотел побежать к выходу один, но из комнаты в освещенном коридоре донеслось негромкое “Эй, сюда”. Ричард подошел к Алисе и Гектору, которые выходили из комнаты рядом.

– Пошли, – сказал Гектор и, взяв Алису за руку, направился к аварийному выходу.

Его лицо на этот раз пестрело уверенностью. За таким человеком хотелось идти, потому что ты понимал – он точно знает, что делает. Ричард вспомнил, что они неминуемо движутся к Катарсису, логическому завершению, которое принесет удовольствие. Ему захотелось рассказать об этом Гектору, но он не стал, так как посчитал подобные мысли проявлением безумия.

Гектор прижался к стене и выглянул из-за угла. Никого. Тогда они пошли дальше и, зайдя за угол, ускорили шаг.

– Нужно торопиться. Этот Роджер, скоро он будет здесь, просто бежим, – сказал Ричард, уставившись на приближающуюся дверь.

Гектор остановился и присел напротив Алисы, а Ричард пошел разбираться с замком аварийного выхода. Гектор взял девочку за плечи и сказал:

– Вдруг что, беги и прячься, как всегда. Не иди за мной, хорошо? – просил он ее, переложив ладони на ее щеки.

– Пап, куда ты собрался? – спросила она. – Папе нужно сделать дело, я скоро буду. Иди к Ричарду и держись его. Когда он откроет дверь, беги и не оборачивайся. Пожалуйста, – он обнял дочь. – Хорошо? – девочка кивнула и подбежала к Ричарду. Гектор, пригнувшись, пошел в кабинет директора, который, на удивление, был открыт. Увидев его взгляд, Ричард прошептал:

– Что ты делаешь? Иди сюда.

– Нужно закончить это безумие... – сказал Гектор.

– Что ты такое несешь? Мы умрем из-за тебя! – сказал Ричард и посмотрел на его дочь, которая вот-вот заплачет.

Гектор подошел к Алисе и погладил ее по голове.

– Никто не умрет, дорогая, – сказал он и зыркнул на Ричарда. Его взгляд можно было понять без слов. “Думай, что говоришь”.

– Не делай глупостей, история идет к Катарсису.

– Что ты сказал? – лицо Гектора поменялось. – Парень, не путай жизнь и вымысел, не превращайся в тех, кто тебя похитил. Это жизнь, а не гребанное представление. Это место сводит с ума, вот почему его нужно уничтожить. Ты здесь всего пару дней, черт, – он развернулся и пошел в сторону кабинета.

Ричард в недоумении на него посмотрел.

– Считаешь, это нормально – думать о побеге в контексте того, что мы находимся в пьесе?

Ричард промолчал.

– Понимаешь, Ричард, это не обычный театр. Помимо того, что тут показывают мои сценарии, тут творится что-то странное. Посмотри на мои руки – они все в гангренах с тех пор, как я оказался тут, но при этом они работают, как прежде. Вспомни себя до того, как ты попал сюда. Совсем другой человек, не так ли?

– Я уже не помню. Или не знаю, – сказал Ричард под нос.

– Нечто темное таится в этих стенах.

Ричард посмотрел на замок и почувствовал невероятное желание его открыть. Настолько притягивающее, что даже отталкивающее. Он посмотрел на ключ и вспомнил, что раньше открыл бы замок, не раздумывая, и побежал, куда глаза глядят. Но не сегодня. Инстинкты исчезли. Без них побег терял мотивацию. Кроме как стремление к Катарсису. Прекрасному завершению начатого. Обретению свободы. Осознанию пройденного пути. Принятию его нереальности.

– Я не хочу чтобы мои сценарии участвовали в оправдании убийств, нужно уничтожить мои рукописи. Алиса, будь с Ричардом, я сейчас приду, – прохрипел Гектор и зашел в кабинет.

Борьба с самим собой происходит по причине разницы тебя прошлого и тебя настоящего. К сожалению для Ричарда, его борьба началась прямо у выхода из Ада. Все желания, интересы, любовь пропали в момент войны. Какой смысл выходить из Ада, если то же самое ждет тебя где угодно за его пределами?

“До театра я был другим”, подумал Ричард. “Нет, я всегда рассуждал о искусстве. Если кто и сводит меня с ума, так это ты, Гектор”. Он уставился на недоумевающую Алису. “Насилие над людьми не оправдывается никак”, подумал Ричард и взял замок в руку. Только он собрался вставить ключ, как в голове возник образ Картера, твердящий о сияющем бриллианте. “Нет! Я по-прежнему остался человеком искусства этой беспросветной пьесы. Этот ключ приведет меня к Катарсису” – это были не его слова и он прекрасно это понимал. Слова Тодда и Картера сжимали его череп словно тиски. “Сколько я тут уже нахожусь, раз меня смогла одурачить кучка психов? Неважно, по каким причинам, но я сбегу отсюда”. Он вставил ключ в замочную скважину замка. “Это моя цель, как... Как?..”, думал он, но тоненький голосок Алисы прервал его рассуждения.

– Ричард, – прошептала она. Ее палец указывал на конец

коридора.

Ричард повернулся и увидел, как под светом мигающей лампочки стоял Роджер. Глубоко дыша, его полуovalные плечи поднимались и опускались, таща за собой громадные руки. Ричарду осталось повернуть ключ и они на свободе. Трясущимися руками он нервно задергал его в стороны, но тот, окаменевши, отказывался отпирать замок.

Алиса на носочках побежала к отцу. Ричард сделал вид, что этого не заметил. Он не знал, что ей сказать, чтобы она послушалась указаниям отца. Присутствие Алисы постепенно угасало из сознания, пока полностью не оставило его наедине с собой и ужасающе мигающим силуэтом. Роджер стоял в метрах ста от него, словно наблюдая за происходящим. Казалось, в любую секунду громадная лапа схватит его за голову и треснет о стену.

На мгновение Ричард подумал, что ключ не подходит к замку, и он останется тут навсегда. Ладони заболели. Он потряс руками и вновь взялся за замок. Выдохнув через нос, он засунул ключ до упора и медленно повернул. Сквозь завесу страха и параноидальных размышлений он услышал сладостный слуху щелчок замка. Он не поверил своим глазам – замок открылся. "Кульминация" – единственное слово, что пришло в голову. Он обернулся в надежде, что Роджер не сдвинулся с места или вовсе исчез с поля зрения. Так оно и случилось. Вернее, Ричард не понимал. Лампочка в конце коридора погасла, оставив после себя лишь тьму, за которой

не удавалось рассмотреть ничего, кроме жуткого предчувствия. Тьма обрела зрение и слух, она надвигалась на него, омрачая разум.

Ричард взялся за ручку и потянул ее на себя. Открыть дверь оказалось не так просто, как он ожидал. С первого рывка он не сдвинул ее ни на сантиметр. Второй рывок заставил дверь издать режущий слух металлический скрежет. От старости петли двери заржавели. “Видимо, этим ходом давно никто не пользовался”, подумал он.

Ричард ожидал услышать уже привычный яростный рев Роджера. Вместо этого, с сумасшедшей периодичностью стали приближаться тяжелые шаги. В это мгновение ему казалось, что, кроме топота, никаких звуков больше не существует. Он обернулся и увидел, как Роджер бежал на него со стремлением олимпийца. Столь тихой ярости он не видел никогда. Прижавшись к стене, он понадеялся, что Роджер врежется в дверь и упадет без сознания. Но вместо этого, он остановился и захлопнул дверь аварийного выхода. Слюни стекали по его подбородку, падая на босые ноги Ричарда.

Он прижался к стене с одной только мыслью – о том, как он станет частью тел, в которые эта тварь будет заливать воск. Это заставляло сердце биться чаще. Смерть Бена на фоне подобной участи казалась ему помилованием. Назвать эту тварь человеком, особенно рассмотрев его вблизи, это как назвать зомби – живым. Воняло это существо так сильно, что Ричард чуть не закашлялся. Смесь сгнившей рыбы и

канализационных отходов скручивала солнечное сплетение. Роджер повернул уродливую морду к лицу Ричарда. Перед его носом Роджер открыл рот и вонь приумножилась теплом, которое он выдыхал на него. Заслезились глаза. Желудочный сок подступил к горлу. Роджер коснулся пальцем его шеи и улыбнулся.

– Я слышу, как бьется твое се..., – не успел он договорить, как в кабинете директора раздался грохот, точно разбитой вазы.

Из горла Роджера вылетела насмешка.

– И тут Гектор вспомнил про свою дочь, – сказал он и отпустил Ричарда.

Роджер протиснулся в кабинет так, что накладная планка дверного проема треснула.

Хлопок дверью заставил Ричарда нервно дернуться. Оставшись наедине с самим собой, Ричард не отводил взгляда от кабинета, в котором точно происходила бесшумная война, на которой погибали все его принципы и моральные качества. Он отвел взгляд и медленно подошел к выходу.

– Алиса! – послышался крик Гектора за дверью.

– Даже не думай, Гектор, она выполнит свое предназначение, – прорычал Роджер.

Дверь кабинета сорвалась с петель и врезалась в стену напротив. Щепки разлетелись по коридору и осыпали жюстокор Ричарда.

– Как это мило, отец жертвует собой ради дочери, – заявил

Роджер и вновь в кабинете раздался тяжелый удар.

– Папа! – закричала Алиса.

Роджер вышел, придавливая к плечу девочку, и пошел вдоль коридора к себе в логово. Алиса заревела.

– Папочка, помоги, – кричала она и продолжала бить Роджера по спине.

Для него удары ее маленьких кулачков, как для слона мухи. Ричард замер. Он боялся шевельнуться, чтобы не выдать свое присутствие не только Роджеру, но и Алисе. Он знал – если она крикнет ему, Роджер сразу кинется на поиски чужака. Но Алиса лишь кричала, чтобы он отпустил ее, плакала и пыталась вырваться из грязных лап Роджера. Шум от Алисы продолжился и даже, казалось, усилился после того, как он завел ее к себе в комнату.

Ричард со скрипом открыл дверь выхода. За ней достаточно темное помещение с лестницей, ведущей наверх. В голове от радости заиграли мотивы Led Zeppelin. Писк Алисы доносился из комнаты Роджера и резал Ричарду слух и сердце.

“Эта девочка, она хотела мне помочь”, говорил голос внутри. “И помогла”, подтвердил тот же голос. Ричард смотрел на лестницу. Каждая ступенька, та, что выше предыдущей, вызывала в нем еще более извращенный восторг. Ричард повернулся на коридор. Ничего, кроме отчаяния и боли там не было. Он осознавал, что девочка осталась без отца. “Но, может, я проверю Гектора, вдруг он жив и тогда поможет ей. А я смогу убежать”, думал Ричард.

Он подбежал к кабинету директора и увидел, как отец Алисы лежит на полу без сознания, его окровавленное лицо не подавало признаков жизни. Кольнуло в груди. “Я выберусь и сразу позову на помощь”, подумал он. Алиса закричала сильнее. “Он убьет ее раньше”, сказал голос.

Ричард направился к выходу, стараясь игнорировать мысли. Увидев в конце лестницы дверь на свободу и избавление от всех бед и здешних кошмаров, он заметил на одной из ступенек веточку сирени. Та ли она была которую подарила ему Алиса он не знал, но теперь, это растение будет всю жизнь ассоциироваться с девочкой, которая спасла его. Цветок заставил вспомнить Бена, зал, и маленькие ручки, освобождающие его конечности от немоты и страшного зуда. Алиса кричала, а Роджер хохотал проржавевшей глоткой. Ричард сжал в руке перила так, что казалось, он сейчас погнет их.

Слеза скатилась по щеке и упала на лепестки, отчего они начали расцветать на глазах. “Если это не Катарсис, тогда что?”, подумал он.

АКТ 11

Перед Ричардом появился просторный больничный холл. Его эмоциональное состояние стало менее отвратительным и ужасным, чем было прежде, и будто вышедшим на второй план. Рассудок так же затуманен, но явно по другой причине. Он до конца не мог понять, по какой. Недалеко пустовали лавки для ожидания, возле которых стояла одинокая старушка. Она, сложив руки, нервно перебирала ногами. Заметив ее, Ричард сразу понял, что его судьба с ней не связана. Чего не скажешь о больнице. Казалось, он знал, что таится за каждой дверью.

Из коридора вышел человек в белом халате. Он подошел к старушке и, похлопав ее по плечу, что-то произнес, отчего та прикрыла рот рукой и расплакалась. Он разговаривал с ней, поглядывая на Ричарда, но старуха не слышала. Наконец, она села на лавочку и уставилась в пустоту. Тогда человек развернулся и пошел к Ричарду. Чем ближе он подходил, тем больше слезы накатывались на глаза. Он чувствовал, почему врач шел к нему, но не понимал зачем. Он, конечно, догадывался, но было бы это так, как он думал, это бы означало, что он сошел с ума.

– А, Вы уже пришли? – сказал врач.

“Что происходит?”, подумал Ричард, и медленно кивнул.

– Прошу за мной.

Они пошли по коридору. Его стены казались Ричарду знакомыми, близкими, словно он был тут раньше. Мысли о прошедших ужасах улетучивались. Он хотел спросить врача, куда он его ведет, но не стал. Ричард уставился в конец коридора, словно увидел призрака. Желание остановиться пульсировало в висках, но ноги уже топали за врачом в своем неконтролируемом ритме.

Дверь в конце коридора истошала злое и одновременно родное чувство. Стремление к Катарсису вызывало желание попасть в палату.

– Это здесь. Ее состояние тяжелое, постарайтесь не вызывать бурных эмоциональных всплесков, – сказал врач, затем развернулся и ушел.

– Это реально? – спросил Ричард вдогонку.

Человек в халате улыбнулся и ответил:

– Вы сейчас чувствуете? – его очки в прямоугольной оправе заблестели отраженным от ламп светом.

Ричард кивнул.

– Видите меня? Слышите?

– Да.

– Знаете, что будете делать потом?

– Если честно, нет, я ничего не понимаю.

– Никто не знает. Смиритесь с чувствами и отдайтесь им, в данных обстоятельствах это полезно. Они так же реальны, как и все это.

Отвернувшись, он поставил точку в начавшемся диалоге.

Теперь Ричард точно знал, что ждало его за дверью. Он не хотел в это верить. Ему безумно хотелось объясниться перед матерью, но внутренние демоны не давали это сделать. Он оперся о стену. “Я сошел с ума” – эта мысль вросла в голову, как опухоль. “Театр. Я был в театре!”

Желание духовно очиститься подавило страх и дало возможность спокойно размышлять. “В любом случае, я переступлю порог палаты, рано или поздно. Все идет по сценарию. Как бы мне не хотелось соглашаться с Тоддом, но он был прав. Что в конце этого сценария? Я вернусь в театр? Я не хочу. Может, я погибну? А, возможно, на самом деле, я все еще во сне. Да. В месте, где меня невозможно разбудить. Все сны имеют Катарсис такой силы, от которой ты просыпаясь. А значит, нужно зайти и завершить мою пьесу. Тогда я проснусь. Тогда освобожусь. Надеюсь”. С этими мыслями Ричард зашел в палату.

Он почувствовал, будто существует во временных рамках события ушедшей эпохи. Время остановилось, а, возможно, даже откинуло его в прошлое. Среди в ряд стоящих кроватей он сразу нашел ту, где лежала его мать. Он подбежал к ее койке и присел с краю у ног. Лекарство медленно капало в капельнице. “Морфий”, подумал Ричард и осознал, насколько все плохо. Пару лет назад он и подумать не мог, что все к этому придет. Он коснулся лбом ее ладони и сразу расплакался, вспомнив, насколько редко в его жизни происходило взаимопонимание с матерью. Только сейчас, когда она уми-

рает. “Вряд ли это взаимно”, подумал он.

– Прости, что не пришел. Если бы не я, ты продолжала бы сиять. Не только в моих галлюцинациях, но и в реальном мире, – сказал он и поцеловал ее в лоб.

Слезы накатили сильнее. Он не мог держать глаза открытыми. Ричард встал и пошел прочь. Камень с души не упал, а напротив – он стал еще более тяжелым от подобного финала. Но едва он коснулся двери, услышал хрип:

– Ричард...

Он, не веря своим ушам, вернулся к койке.

– Я верю в тебя..., – прохрипела она.

Теплая и сырая дрожь пробежалась по его телу.

– У тебя получится... И всегда получалось.

Прошедший ужас навалился на него, как рояль, увечья от которого останутся с ним на всю жизнь, если таковая еще осталась. Ричард стоял возле открытой двери в мастерскую Роджера.

Мысли, что может сделать с маленькой девочкой это чудовище, заставляли колени дрожать. Ричард вспомнил чувство неминуемой гибели и гору тел, по которым он карабкался. Ему ни за что не хотелось опять испытывать это вновь. Он захотел убежать прочь, но после слов матери не имел права отступить.

Он молил, чтобы его не заметила Алиса, пока он выглядывает, и не вызвала у Роджера подозрений внезапной радостью или удивлением.

– Самое ужасное в слепоте, – начал Роджер. – Это не невозможность полноценно жить... – услышал Ричард и взглянул.

Роджер стоял рядом с котлом кипящего воска и держал Алису рукой за волосы над полом. Она верещала и дергалась.

– В невозможности созерцать. Все теряет смысл, если ты этого не видишь. Я не вижу их испуганные глаза, синеющие тела. Приходится ставить пьесы, опираясь на воображение, но поистине насладиться я ими не могу.

В котле забулькал воск. Роджер обхватил ее горло.

– Я лишен удовольствия. Думаешь, мне приятно тебя душишь? Нисколечко. Я... Я ощущаю лишь пародию на чувства, которые я мог бы испытать. Все бы отдал, чтобы увидеть твоё синеющее личико.

Алиса начала хрипеть и истерически биться ногами, ухватившись за его кисть и подтягиваясь.

– Хотя вынужден признать, что, создавая пьесы по памяти, я развил хорошее воображение.

Её ноги никак не могли попасть по котлу.

– Так что сейчас я представляю, как твои глаза выпадают из глазниц и, ощущая твою шею, я чувствую нечто, похожее на радость и блаженство, – прохрипел улыбающийся Роджер.

Алиса мычала, хрипела и потихоньку раскачивалась.

– Ты можешь не ворочаться?! – Роджер затряс Алису, и та зацепилась ногой за котел. Он оказался слишком горячим и Алиса сразу отпрянула.

– Хмм, – промычал Роджер. – Ты в курсе, что тебе конец? Твой отец умер. И никто тебе не поможет. Знаешь, что мы сделаем с его телом? – спросил он.

Алиса захныкала. Роджер посмеялся, его голос задрожал. – Мы... Мы порежем его на кусочки и разбросаем по всему залу, – он не мог сдерживать возбуждение. И не мог стоять на месте и перебирал ногами. – Публика разорвет его, как голодные пираньи кусок мяса, коим твой бездарный отец и является, – он засмеялся.

Алиса перевела взгляд на Ричарда, который подставил палец к губам. Она вцепилась Роджеру в руку, оттолкнулась со всей силы от его живота и зацепилась теперь уже обеими ногами за котел. Она закричала и опрокинула его, отчего воск облил грудь и ноги Роджера. Алиса обожгла стопы. Воск не сильно задел ее кожу – благо, она была одета в длинное платье.

С ревом Роджер отпустил Алису и она упала на четвереньки, жадно глотая воздух.

– Я тебя убью, живо сожру, сука мелкая, – зарычал Роджер, махая руками от боли и бегая вокруг себя.

Ричард подбежал к Алисе на носках, не спуская глаз с обезумевшего Роджера, который тянулся к стене. Рука Роджера дернула рубильник около комнаты с трупами, и свет погас. Если с чем и можно сравнить эту темноту, то только со сном без сновидений. Ричард сразу же потерялся в пространстве. Когда он пытался предположить в какой стороне находилась

Алиса, он тут же думал, что ее не существует. А существовал только дикий рев и скользкий от воска пол. “В...Вперед...”, подумал он и только решился сделать шаг, как сразу передумал.

– Ну, что, теперь мы с тобой в равных условиях. Добро пожаловать в мой мир, – отдышавшись, прорычал Роджер.

Ричард стоял на месте и трясся от страха. Любой вздох или движение выдали бы его в руки ужаса.

– Где же ты? Может, здесь?

Резкий грохот раздался за его спиной. Здесь и сейчас он умрет. А может, он уже мертв. Определить это было невозможно, но неестественная темнота вызывала такие мысли. Топот ног Роджера слышался со всех сторон. Он, как медведь, ходил вокруг загнанной добычи, наслаждаясь каждым моментом его страха.

– А может, тут?!

Раздался сильный удар по котлу, и в руку Ричарда бешеной хваткой что-то вцепилось. Ричард не издал ни звука. Вернее, если бы он мог, закричал бы во все горло, но он не мог. Неведомая сила тянула его назад. Сделав несколько шагов, он услышал недовольный голос Роджера, который твердил, что найдет девочку любой ценой. Ричард почувствовал на коже очертания маленьких ручек. Небольшими рывками они молили его поскорей прийти в чувство. И вновь внутренний голос говорил ему следовать за этим маленьким порывом к свободе. Нужно лишь подчиниться – и все позади.

Не так-то это просто, когда тело тебя не слушает. А мышцы сжимает спазм.

Тогда Ричард вспомнил все те ужасы, что с ним происходили. То, как он попал сюда, как убили Бена, как медленно превращали его убеждения в шизофренические. “Будьте вы прокляты со своим гребанным очищением!” – кричали его мысли. Вся нечисть вырвалась из его горла безумным воплем. Он схватил Алису на руки и побежал в сторону, куда она его дергала. Он был уверен, что там выход из комнаты. Так оно и оказалось. К счастью, Роджер отрубил свет только у себя в комнате, а в конце коридора, как маяк, мигала та самая лампочка.

Топот приближался с чудовищной скоростью. Тут же Ричард рванул по коридору. Тело Роджера вылетело из комнаты и врезалось в стену.

– Кто ты такой? Ты намного старше девчонки, – кричал он вслед.

Ричард прижал к себе Алису и продолжал бежать не оглядываясь. Поворот направо. Наконец-то свет. Роджер повернулся и, проскользив, упал на бок. Он зарычал и, ухватившись за угол стены, встал на ноги и побежал дальше.

– Вот оно что! Любимчик Картера! Слышал, ты лучший в своем деле, – прорычал он. – Жаль, мне не увидеть, как ты выступаешь! – движения Роджера стали намного резче.

Алиса наблюдала через плечо, как он отталкивал столики у стены и с яростью приближался. Роджер схватил один из

них и бросил вперед. Столик пролетел чуть выше головы и врезался в стену. Ножка от него отлетела к аварийному выходу. Выжимая из своих ног последние соки, Ричард двинулся вперед и схватил эту ножку. Он забежал за дверь аварийного выхода и поставил Алису на пол. Она сразу спряталась под лестницей. А сам он ухватился за дверную ручку и потянул ее на себя. Силуэт Роджера скрылся за дверью, и та хлопнула. Затем он просунул палку через дверную ручку в надежде, что она надежно заблокирует дверь. Сразу же раздался грохот, ножка от стола завибрировала и издала негромкий треск.

– Это его не задержит, бежим, – сказал он Алисе.

Ричард схватил девочку и побежал вверх по лестнице. Ступенек намного больше, чем было тогда, когда он сюда спускался, или ему так казалось. “Скоро все закончится. Все, к чему я стремился, исполнится, и накроет меня покоем”, думал Ричард. “Да когда кончатся эти чертовы ступеньки?”. Он помахал головой, пытаясь вытряхнуть все лишнее и развеять гипнотическое влияние ступеней. Выход все ближе. Вот он, почти, почти, почти. Каждая пройденная ступенька вселяла восторг и предвкушение хорошего конца. Все! Они оба оказались перед дверью. Пересадив Алису на левую руку, он потянулся к дверной ручке в надежде, что дверь не закрыта.

К самому глубочайшему сожалению, она открылась. То, что было за ней, порождало в голове только один вопрос.

– Да что тут вообще происходит? – не веря своим глазам,

спросил Ричард.

Он повернулся к Алисе, не сводя глаз с дверного проема.

– Это как вообще? Ты это видишь? – спросил он.

Девочка кивнула.

– Либо это коллективное безумие, либо то, что на самом деле существует. Лучше бы нам сойти с ума, – говорил он ей.

Роджер выбивал дверь. Это уже не важно. То, на что они смотрели, можно описать как пульсирующая тоннелеобразная глотка, вдоль стен которой торчали острые зубы. Гул кошмарного тоннеля ясно давал понять, что конец у него есть. Однако, ничего хорошего он не предвещал. Сначала Ричарду показалось, что это звуки грешников Ада, но то, что он слышал, было намного хуже. Сквозняком через тело он ощутил всю мерзость человеческого грехопадения. Все самое ужасное, на что способен человек, пробило его тело насквозь и он согнулся, как от сильного удара в солнечное сплетение. От неожиданности он резко запер дверь и присел отдышаться.

– Что это было? – спросила его Алиса.

Ричард просто молчал, тяжело дыша. Пытаясь осмыслить все, что он увидел, а увидел он далеко не все, Ричард прижал колени к груди. Никакое решение в голову не лезло, кроме как сидеть на месте. Пять минут назад он был уверен, что на пути к выходу его остановила бы только смерть. Но когда вместо выхода – лишь бездонная колючая пасть, так и тянет стоять на месте и думать об упущенных возможностях.

Как только он захотел встать и пойти, в голове возникла кошмарная картина, поджидающая за дверью. Он взялся за голову и стал качаться из стороны в сторону.

– Нужно разобраться, – он повторял это из раза в раз.

Разбираться он не хотел, но мозг требовал объяснений. Алиса побежала вниз по ступенькам. Ричарду было все равно. Он словно получил опыт всех самых жесточайших преступлений, на которые способен человек, на мгновение ощутив себя публикой этого кошмарного театра. Ричард чувствовал, как гнил изнутри. Он коснулся груди и омерзение растеклось по месту прикосновения, словно эта часть тела давно отмерла. Разорвав кафтан, он увидел темно-коричневое, словно присосавшийся осьминог, пятно в центре груди. Щупальца, как толстые вены, сужались, уходя под кожу.

– Что это еще за хрень? – он задышал глубже.

– Нужно идти, – подбежала Алиса. – Они вернулись, – сказала она и посмотрела на его рану.

Она пугливо протянула руку к груди Ричарда. Он почувствовал прикосновение.

– Все хорошо, – неуверенно сказала она.

Вдруг рана в груди растеклась в теплоте. Ричард осознал, что отсюда он сбежит только с ней. Он понял, что сейчас она – единственный настоящий друг, которому он может доверять. “Уверен, она думает так же. В самый ужасный момент она помогла мне, она заставила меня идти вперед”, подумал Ричард, уставившись на нее.

– Ты хороший человек. Спасибо, что спас меня, – сказала Алиса и обняла его.

Пятно на его груди все еще чернело, однако той мерзости от него больше не исходило. Ричард поднялся на ноги и взял Алису за руку. Он чувствовал себя так, как до открытия этой двери. Своими эмоциями Ричард давно не управлял, и он это прекрасно понимал. “От нее исходит столько добра, что можно было наполнить им целый театральный зал. Это волшебство, такого нет на самом деле. Она... она...” – Ричард боялся это признавать, и не стал.

– Расскажи мне, кто вернулся? – сказал Ричард.

– Все! Они готовы ставить пьесу и ищут нас. Опять, – сказала Алиса, прыгая с ноги на ногу. Ей не терпелось убежать отсюда, как можно скорее.

Они спустились вниз. Алиса хотела как-то помочь но не знала как. За дверью раздался голос:

– Эй, выходи, мы ничего тебе не сделаем.

Это явно был не Роджер, голос более мягкий. Ричард молча посмотрел на Алису, а она на него. Стук в дверь. Алиса спряталась за ногами Ричарда.

– Я тебе говорил, старый урод, что они сбегут, – говорил голос за дверью.

– Простите, шеф, я с ним поговорю, – сказал голос немного грубей. – Ричард, Вы тут? – три стука в дверь. – Признаюсь честно, то, что мы сейчас с Вами говорим, это акт милосердия. Я просто хочу, чтобы вы не наделали глупостей.

Роджер выбьет эту дверь, как только мы ему скажем. Просто Вы теперь стали одним из нас...

Ричард посмотрел на пятно и отпустил руку Алисы. Оно снова заболело.

– Со своими мы можем договориться. Вы же не хотите закончить, как Гектор, верно?

Девочка скривилась.

– Я ничего не понимаю! – истерически закричал Ричард.

– Ничего, скоро поймете. Эта девочка – как опиум. Мы все к ней привязаны, она нам необходима. Вы ведь уже почувствовали ее влияние на себя? Представьте, что можно сделать с этой силой...

– Ты лучший в своем роде, Ричард! – кто-то перебил Тодда. Скорее всего это был Картер. Уж сильно он восхищался Ричардом.

– Понимаешь, ты был создан для искусства, ты им и являешься. Сегодня ты показал, на что способен, ты нам подходишь. Если сдашься, мы дадим тебе лучшие условия...

– Вы отдаете нам девчонку, взамен мы дарим Вам свободу, – теперь его перебил Тодд. – Хотя, скорее всего, вы вернетесь обратно. Еще никто не отказывался от тех условий, что мы предлагали. У вас три минуты на размышление, затем Роджер выбьет дверь и убьет Вас.

Ричард положил ладонь на плечо Алисы.

Акт 12

“Свобода – бред. Они прекрасно понимают, что я сразу пойду в полицию. Им незачем так рисковать. Что касается условий, даже если это так, где все те, кто на них согласился? Наверняка, среди той кучи тел у Роджера в комнате. Сплошное вранье”. Все эти мысли на фоне увиденного казались бессмысленными.

“Если несколько часов назад я согласился бы, то сейчас они не получают ее. Даже если я и хотел бы выдать девочку в обмен на свободу, эти ублюдки никогда не говорили правды, и доверять им – это как верить акуле, что она не нападет, почувствовав свежую кровь. Да и такое чувство, что ценность свободы сейчас меркнет по сравнению с этой девочкой”, продолжал размышлять Ричард.

Алиса посмотрела на Ричарда слезливыми глазами и помахала головой.

– Не делай этого... – дрожащим голосом прошептала она.

Ричард понял, что, положив руку ей на плечо, сильно напугал ее.

– Я и не собираюсь, мы выберемся отсюда, – сказал Ричард. – Дверь – может, это галлюцинация? Значит... – сказал Ричард и сел перед Алисой. – Ты... Что ты видела за той дверью?

Она вытерла рукавом глаза и ответила:

– То же, что и ты... Тоннель из зубов.

“Алиса видела то же, что и я, но почему она не корчится от боли, как я?”, подумал Ричард.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он и несильно потряс ее за плечи.

– Страшно. – ответила она.

– И только?

– Кушать хочу.

– Я не об этом. Когда ты смотрела в тот страшный тоннель из зубов, может, ты чувствовала себя... Не живой? “Слишком резко”, подумал Ричард. “У нее только что умер отец, наверное, не стоило так говорить”.

– Нет, – удивленно сказала Алиса.

– Что у твоего отца с руками? – он хотел опустить этот вопрос, но любопытство взяло верх.

– Я не знаю. Мы попали сюда, они посадили его писать. Потом его руки... Его... Руки... – она захныкала, потом зарыдала.

– Не плачь, мы выберемся отсюда, – Ричард погладил ее по голове и взял за руку. Алиса расплакалась сильнее. – Слушай, мне жаль твоего отца, и мне, как и тебе, очень страшно, но чтобы сбежать, нам нужно успокоиться, – сказал Ричард так, словно успокаивал себя. – Скажи, ты знаешь, что там за дверью?

– Нет, – отрезала она.

– Ты облажался, старик. Роджер, приведи их, – прозвучал

голос.

В дверь врезалась тяжелая туша.

– Теперь я нас выведу. Но ты должна мне довериться. Обещай, что доверишься мне.

Девочка кивнула. Он взял ее на руки и пошел вверх по ступенькам, попутно давая указания:

– Что бы ни случилось, не отпускай меня, – заявил он. А голос в голове кричал – «Это безумие!»

– Куда мы идем? – пропищала Алиса.

– Надеюсь, туда, куда нужно, – что расшифровывалось как «На верную смерть». – Готова?

– К чему?

– Прижмись и не отпускай меня.

Ричард открыл дверь. За ней все та же глотка с зубами и все тот же дьявольский сквозняк. Однако, теперь пятно на груди Ричарда никак не реагировало. “Работает!”, подумал он, посмотрев на Алису.

– И что теперь? – пропищала она.

Ричард прижал ее крепче и переступил порог шизофренически пульсирующего коридора.

Склизкая жидкость салатного цвета ляпнула на плечо Ричарду прямо перед лицом Алисы, отчего она переложила голову на другую сторону. Ричард сделал несколько шагов вперед и ударился пальцем ноги то ли о камень, то ли о зуб. Он шел с предельной осторожностью, так как упасть значило бы проткнуть себя или Алису зубами, торчащими в полу.

– Ричи, что это за место? – спросила Алиса.

Он промолчал и прошел еще несколько шагов, стараясь переступить зубы, но их было слишком много, так что приходилось наступать на них. Это как ходить босым по острым камням пляжа. Стопы постепенно покрывались ранами, а слизь на зубах их раздражала. Он наступил на клык и тот шевельнулся, заставив его потерять равновесие. Ричард отступил назад и смог удержаться на ногах. Алиса пискнула.

– И куда мы придем? – спросила опять его. Ее голос эхом раздался в тоннеле.

– Я... – он переступил скопление зубов. –...Не знаю, – ответил он.

И хоть то, что в конце тоннеля, заботило его сильнее всего на свете, больше он думал о Алисе. О ее возможностях. Почему когда он с ней, его не посещал весь тот ужас который он испытывал от осьминогообразного пятна на груди? Зачем обычная девочка нужна шайке сумасшедших маньяков? Хотя, когда он замечал, как из стен выделяется слизь, все же, обычность этого места распадалась на кусочки.

“Она как опиум...”. Ричард посмотрел в глаза девочки, и, словно очнувшись от амнезии, осознал, что находится в пасти с миллионами острых клыков – и это не галлюцинация. Он обернулся. Дверь позади казалась уже достаточно маленькой, чтобы вернуться, а тоннель был еще слишком длинным, чтобы идти дальше. Хотелось опять сжаться в клубок, и размышлять – «Почему все так сложилось?». Но он

не останавливался. Не мог, просто не мог. Ему казалось, что преследователи не осмелятся побежать за ними в это место.

И стоило ему об этом подумать, как дверь исчезла в объятиях глотки. Зубы на потолке и полу сомкнулись, после чего в тоннеле стало еще темнее и тише.

– Что это? – прошептала Алиса.

Ричард промолчал. Тот же звук смыкающейся челюсти встряхнул коридор. Когда это повторилось еще несколько раз, Ричард ускорил шаг, уже не пытаясь обходить клыки. Надвигающийся шум усиливался. Ричард прижал Алису крепче и побежал вперед. В конце тоннеля показался свет. Теперь он был частичкой надежды.

Сияние приближалось, но все еще находилось далеко. Стены задрожали, и стопа Ричарда подвернулась. Обычно подобную боль он терпел, зажмуриваясь, но, находясь в пасти, он боялся, что когда откроет глаза – свет исчезнет, а с ним и шансы выжить. Так что он даже не моргнул. Приходилось бежать дальше, игнорируя крики Алисы. Немного отъехав в сторону от боли, он наткнулся правой рукой на зубы. Клык проткнул ему ладонь, но не насквозь. “Царапина”, подумал Ричард и, прихрамывая, побежал дальше. Смыкающаяся пасть приближалась быстрее, чем свет. Алиса запищала так громко, что у Ричарда чуть не лопнула барабанная перепонка в левом ухе. Воротник ее платья зацепился за торчащий в стене зуб. Ричард дернул Алису несколько раз, но лишь разорвал воротник, загнав его сильнее. Девочка запла-

кала.

– Черт, прости! – сказал он и попытался освободить ткань.

Держа девочку, он еще больше растягивал платье, отчего трясущиеся пальцы не могли ее освободить. Ричард зарычал, оскалив зубы, и разорвал воротник к чертовой матери. “Бежать! Нужно бежать! Чертова нога”, про себя матерился Ричард.

Свет начал освещать приближающееся месиво из зубов. Алиса смотрела, как зубы смыкались все ближе и ближе.

– Оно приближается, Ричард! – кричала Алиса.

Выбиваясь из сил, Ричард закричал и побежал по зубам раздирая стопы в кровь. Чем сильнее болели ноги, тем быстрее Ричард бежал. Клыки уже совсем рядом. Секундная задержка, малейшее сбавление скорости и челюсти перемелют их, как дерево-дробилка бревно. Впереди арочный проход, белый свет от которого начал приобретать очертания комнаты. Однако, осмыслить, что конкретно их там поджидало, не получалось.

Ричард думал о финальном прыжке перед порогом, который со скоростью выкинул бы их из пасти. “На сцену театра”, – щелкнула мысль в его голове и он чуть не остановился, как прямо перед его лицом возник теплый свет прожекторов, освещающих театральный зал. Пасть замкнулась, а за ней и дверь, из которой вылетел Ричард, проскользив по сцене. Алиса выскочила у него из рук и ударилась коленом о пол. Ричард стал корчиться от боли. Не от физической боли.

Его ребра сжимала обжигающая пустота. На лбу выступил пот, а волоски на руках превратились в иглы.

– Нам не сбежать отсюда никогда! – кричал он со сцены.

К нему сразу подбежала Алиса.

– Нужно идти, вставай, – тонким голосом заявила она, потянув его за руку. Боль отступила.

– Сейчас... Сейчас... – задыхаясь, говорил он.

Это была точь-в-точь копия театра, только на сцене не было рельс.

Щелчок – и зал театра полностью осветился. Алиса перестала тянуть его за руку, а лишь, заикаясь, произнесла его имя. Он повернулся и увидел, как на них смотрели все те же предвкушающие пьесу светящиеся глаза. Однако, принадлежали они далеко не человеку. Ярко-желтые точки буквально просили выступления. Тела черного цвета, казалось, поглощали весь свет в области зрительских рядов. Сначала они выглядели, как одно большое облако. Затем, всматриваясь, можно было обнаружить различные очертания подобия людей. Лишь подобия. Если человек был бы похож на сгнивший труп без костей, повторяющий только его форму. Ричард поднялся на ноги. Сколько, черт возьми, вещей он повидал за последнее время, но эти глаза вызывали у него желание танцевать на потеху публики.

– Кто это? – Алиса взяла его за руку.

Видимо, она не понимала, насколько сейчас все ужасно. С каждой секундой желание в их глазах росло. Он чувствовал

это своим телом.

– Ай, Ричи, ты делаешь мне больно, – сказала Алиса и Ричард перестал сжимать ее ладонь. Он хотел извиниться перед ней, но не мог пошевелиться. Он почувствовал себя опять привязанным к манекену.

На сцену выбежали несколько человек, они начали петь песни и танцевать в рамках поставленной пьесы. На этот раз плясали живые люди. Их непринужденность и актерские способности поражали воображение. Они играли выше любой похвалы. Актерская игра, как искусство, превзошло само себя на этой сцене. Живой человек не может настолько точно передавать образы, являясь кем-то другим. Если это система Станиславского, то актеры должны и в жизни быть персонажами. Они не играли. Они будто были созданы, чтобы двигаться таким образом, говорить такие фразы, изображать подобные эмоции мимикой лица.

Алиса заметила, что главный выход из театра открыт. Она подбежала к Ричарду, наблюдающему за пьесой с ужасным интересом. Ричард не реагировал на ее слова и тогда она его толкнула. Повернув голову, он посмотрел на нее так, словно не узнавал. Алиса показала пальцем на открытую дверь выхода и протянула руку. Ричард протер глаза и, кивнув, принял ее предложение. Они пошли вдоль дороги, отделяющей ряды. С двух сторон за пьесой наблюдали эти кошмарные существа. Ричард отдаленно понимал их интерес в сторону того, что происходит на сцене, но сам старался туда не смотреть.

реть. Один из зрителей встал и кинулся на Ричарда, как его остановили кандалы, которыми он был прикован к креслу. Тогда и другие существа перевели свое внимание с актерской игры на “отца с дочерью”.

Ричард ускорил шаг, опережая Алису. Гнилые руки существ тянулись к ним. Голодные, желающие. И чем больше Алиса и Ричард боялись, тем больше возбуждался интерес публики. Добравшись до двери, Ричард обернулся и увидел, как желтые точки уставились на них с неестественным интересом. Он практически слышал их голоса твердящие – “Танцуй, говори, пой, играй”.

“Ну уж нет”, с сожалением подумал Ричард и глянул на сцену в последний раз.

Длинная лестница наверх предстала перед ними. Поднимаясь все выше, уверенность, что они приближались к магазину тканей, угасала. Окружавшие их стены не были похожи на те, которые видел Ричард, когда впервые спускался сюда. Все какие-то облезлые, потрепанные временем. Он вспомнил о старухе, которая сидела в магазине тканей. О том, что она будет их поджидать и вряд ли выпустит по-хорошему.

Открыв дверь, вместо магазина тканей они увидели комнату, в центре которой сидела та самая старуха и пила чай из чаши. Выглядела она точь-в-точь, как при первой встрече, но ее хрипящий голос звучал протяжно, будто она смертельно больна и ей тяжело разговаривать.

– Ричард, вижу, ты привел Алису, – проговорила она.

Вдох через нос... Выдох через рот... В комнате ощущалось странное чувство спокойствия, пальцы Ричарда дрожали. – Ты смог попасть сюда, похвально, – прохрипела она.

– Где выход? Говори, быстро! – отчаянно спросил Ричард, готовый налететь на старуху с кулаками.

– Чаю выпьешь? – поставив чашу на землю, спросила она и стала сыпать в маленький чайник сушеные листья.

У всякого поведения есть своя причина, но старуха, казалось, может влезть на стену, рассказывая о чае. Ричард не понимал, чего от нее ожидать, и первая мысль, что закралась ему в голову, это взять Алису и захлопнуть дверь. Но смысла в этом было столько же, сколько в поведении старухи, поэтому он повторил свой вопрос.

– Ты, наверное, думаешь, что это место ужасно? Или ты уже так не думаешь? – она налила чай в чашу. – Мы находимся в тюрьме для превращенных.

Не успел Ричард открыть рта, как старуха заявила:

– Превращенные – это желание, психологическое отклонение, извращение или материализовавшийся в голове ужас – называй их как хочешь, но это ужасные твари, которым обычные люди желают только смерти. Обычно их держат взаперти или придают казни. К сожалению, побороть желание убивать невозможно – можно только запереть его подальше, где оно долго будет ждать своего часа, – сказала старуха, выпив из чаши. – Самый гуманный способ избавлять превращенных людей от желания – это театр, где они нажирают-

ся досыта и останавливаются, пока снова не проголодаются. Странная вещь искусство, не так ли? Знаю, что ты думаешь. Я тоже думала об этом. Но все же, если бы среди превращенных была твоя дочь, или мать, или миллион жизней ценой десяти? И как бы ты не ухищрялся на него ответить, поистине ты сам знаешь ответ. Жизнь человека ценна. Ты хотел знать, кто я? Я всего лишь борец со злом. А вот ты – нарушаешь здешний порядок, из-за вас погибнут люди, – она поставила чашу. – Неправильные вопросы ты задаешь. Актерская игра тебя восторгает не так, как раньше, не так ли? Какое-то чувство спокойствия, когда смотришь на тела мертвых людей.

Ричард ничего не почувствовал, совершенно ничего, кроме спокойствия комнаты. Он посмотрел на испуганное лицо Алисы и промолчал.

– Ты превращаешься, Ричард. Внутри тебя появляется пустота, которую ты захочешь заполнить. Сейчас тебя спасает лишь девчонка, но что ты будешь делать, когда она исчезнет?

– Заткнись.

– Есть и другой путь. Твори, наполняй свою душу искусством, будь искусством.

– Пошла ты! – крикнул Ричард.

– О, ты знаешь, что я права. Придет час, и пятно на твоей груди разрастется по всему телу. И никуда от этого не деться. Не нужно бояться – это происходит со всеми творцами. Выбирай, кто ты – зритель или актер?

– Этого не будет. Где выход, говори!

В ответ она только улыбнулась.

– Ричард, не заставляй меня повторять.

Он боялся отпускать Алису, потому что в глубине падшей души понимал, к чему это приведет. Он действительно собой не управлял. Только Алиса удерживала его от... Ричард сам не понимал от чего.

– Заходи к нам почаще, – сказала старуха спокойным голосом и Алиса запищала.

– Отпусти! – кричала девочка.

Не успел Ричард рассмотреть тело, державшее Алису – сгнившее, темно-зеленое тело со словно откушенными от него кусками кожи – как мощный удар по голове выключил его сознание, как телевизор.

АКТ 13

Первые капли проливного дождя, стекающие по щекам, пробудили Ричарда. Глубокий вдох. Это как вдохнуть через кислородную маску полные легкие свежей свободы. Вся вонь, которая, как Ричард думал, не закончится никогда, исчезла. Запах мокрого асфальта ударил в самую глубь носа и разошелся по всему телу приятными мурашками, отчего на глаза накатились слезы. Вода – насколько же приятное слово. Только обезвоженный организм поймет всю ее ценность. Ричард открыл рот и капли стали стекать по его высохшему языку в горло. Первый глоток оказался затруднительным. Зато последующие – блаженство в чистом виде. Он благодарил природу потому что он мог выпить столько воды, сколько хотел. Облизывая мокрые пальцы, его сознание пробуждалось.

Рядом с ним блестела лужа. Ричард плескал по ней ладонью и рыдал от счастья. Чем сильнее разлетались капли, тем больше он смеялся. “Боже, как хорошо. Это самый лучший сон на свете”, подумал он и заметил, как в конце переулка ходили люди. Они совершенно не обращали на него внимания. Он боялся, что сон когда-то закончится, и стал концентрировать внимание на деталях окружения, как он часто делал в осознанных снах для того, чтобы оставаться в них подольше. Тогда его одолел новый страх – а что, если кто-то

его разбудит? Пытаясь вспомнить тех, кто мог его разбудить, он все понял. Все, что он пережил за последнее время начало пробуждаться в памяти. “Алиса, эти уроды забрали ее, или нет”. Он подполз к кирпичной стене и уставился на круги от капель дождя на луже. Потом – на мимо проходящих людей с раскрытыми зонтами и мусорный контейнер напротив. Осмотрев местность, он увидел наполовину пустую бутылку «Hennessy» рядом с тем местом, где он лежал. Голова Ричарда начала разрываться от боли. Он дыхнул в ладошку и почувствовал резкий запах желчи со спиртом. Этого запаха было недостаточно, чтобы блевануть. Да и блевать было уже нечем.

“Теперь все стало на свои места – я напился, словил белку и теперь сижу здесь, отхожу от ночного кошмара”. Не успел он обрадоваться дурному сну, как в голове появилась четкая убежденность – “Что за бред, я ведь не пью”. Эта мысль не давала ему покоя. Он взялся за водосточную трубу рядом, из которой брызжала вода, и потянулся вверх. Сил почти не осталось. Холодный дождь не давал потерять сознания. Ричард посмотрел на ладонь – вдоль линии жизни протягивалась глубокая рана. Очертания зловещего тоннеля из зубов возникло в памяти. “Подарок судьбы”, подумал он. Не то, чтобы он верил в хиромантию, просто сейчас эта рана смотрелась весьма символично. С ужасом он дернул глаза на грудную клетку. Осьминогообразное пятно исчезло.

Ричард поковылял вдоль улочки между домами придер-

живаясь о стену рукой. “Боль вполне реальная. Эти твари меня накачали... Или это сон? Что я делал до этого? Был в театре. Или в больнице. Нет, я... Я... Черт... Люди, они мне помогут...”. Самое паршивое в осознанном сне – это если ты ошибся и все происходит в реальной жизни.

– Эй! – крикнул Ричард прохожим.

Несколько человек обернулись и прошли мимо. Что самое забавное, их поведение абсолютно ничего не объясняло. Если бездомный что-то прокричал бы Ричарду в то время, как он шел по важным делам, он тоже прошел бы мимо. “В наше время только у бездомного нет «важных дел»”, подумал он.

“Что бы я сейчас ни сказал, это будет выглядеть безумно глупо. Представляю, какой у меня вид. Грязный, пьяный и полуголый человек не вселяет доверия”, думал он. Ричард вышел из улочки на знакомый проспект и поковылял под стенкой дома вперед. “Люди наверняка смотрят на меня с омерзением. В каком же прогнившем обществе мы живем, где никто друг другу не помогает”. Стук по плечу перебил его мысли.

– Извините, Вам нужна помощь? – спросила его девушка.

“Ага, конечно, как по расписанию...”, подумал он. Ричард отмахнулся и пошел дальше.

– Может, вызвать скорую? – все же решила переспросить.

– Может, отвалишь?! – крикнул Ричард. Он сам не ожидал, что сорвется, но извиняться не стал.

По пути домой нашлось еще пару человек, предложивших

помощь и поинтересовавшихся, что случилось. Но Ричард отвечал, что помочь они ему не могут, после чего люди, словно обрадовавшись, что не наживут на голову проблем, растворялись в потоке толпы.

“Алиса, кажется... Черт, я вообще про нее забыл. Не-ет, это невозможно, пятна на груди нет. Не важно, где я – во сне или реальности – нужно вернуться домой и все обдумать”.

Ключи от квартиры лежали в заднем кармане его спортивных шорт. По приходу домой он все же проблевался несколько раз. Он уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал подобное омерзение. Разве что в этом страшном сне. Лежа на кровати и вспоминая смерть Бена, привязанность к Алисе, зал, наполненный ужасными тварями, и сумасшедший персонал, он все больше понимал, что все, что он пережил – лишь страшный сон. Некоторые моменты даже вызывали у него смех оттого, насколько же у него бурная фантазия.

“Но насколько же это было реалистично...”, подумал Ричард. “Видимо, мое подсознание перегружено, стоит отдохнуть от актерской суеты и приступить к работе с новыми силами. Меня возьмут, следует немного подождать...”. И вот, на столе он замечает конверт от того самого письма с приглашением в театр. С адресом отправки и доставки, печатью, маркой. Однако, письма в конверте не было и Ричард это прекрасно знал. “Этого не может быть”, подумал он, уставившись на порванный конверт. Мозг пытался все объяснить

– “Ты напился! Это сон! Галлюцинация! То был не ты! Ты хороший актер!”.

Он был готов принять любую ложь, лишь бы не мириться с этим проклятым письмом. Но в глубине огрызка души Ричард знал, что театр существует. От этого становилось еще страшней. Ведь девочка, которая его не раз спасала и к которой он так привязался, сейчас в плену. И никто, кроме меня, об этом не знает. На мгновение он ощутил ту самую свободу, что была, когда он освободил кисти от пут. Возникла веточка сирени и ее распускающиеся лепестки в маленьких ручках Алисы.

Смотреть в будущее дальше нескольких часов он не мог. Актерство, построение карьеры, деньги – все это пустые слова, когда Алиса в руках этих извергов.

“Так что, полиция?”, подумал Ричард. “Нет. Они сочтут меня психом. Да и что я расскажу? Что есть театр, которым заправляет сумасшедшая старуха, заключая в нем материализовавшееся желание убивать? Бред, да как вообще такое может быть?”. Перед глазами возник тоннель с миллионами зубов. Ричард подошел к окну, по которому били капли дождя. “Нужно действовать самому”, подумал он и, смотря на проходящих мимо людей, коснулся стекла. Ему казалось, что все они следили за ним. Не пройдет и пары секунд, как прохожий обернется на него, а за ним и другие. Будут смотреть на него, прямо как та публика театра.

Он сжал руку в кулак и, зарывав, ударом разнес стек-

ло вдребезги. Действительно! Они смотрели на него. Хотели еще. Хотели продолжения пьесы. “И я вам ее устрою!”, подумал Ричард. Окровавленные осколки торчали из кожи. Ричард побежал в ванную и, вытащив стекло, промыл руку. Он умылся и посмотрел в зеркало. Первая мысль – “Что ты делаешь?”. Но Ричард был словно заперт от движений тела. Перебинтовав руку, он подбежал к шкафу. Взял коричневое пальто, брюки на ремне и кожаные ботинки. На кухне он вынул нож из подставки и засунул его за ремень. Как только сомнения о необходимости ножа начинали роиться у него в голове, перед глазами возникали образы тварей, работающих театре. Бинты пропитались кровью. Ричард выбежал из квартиры, оставив дверь открытой. Это был самый быстрый спуск по лестничной площадке в его жизни.

“Вы увидите! Вы все увидите!”, мчась по кварталам, думал Ричард. “Так вот, кто я такой...”.

Светофор показывал красный. “Еще не поздно повернуть”, подумал он. Табло светофора показывало 56 секунд до зеленого цвета. “Все, финишная прямая, все или ничего. Что, если они готовы к моему приходу?”. 52 секунды. Ему безумно хотелось бежать вперед, но Ричард стоял на месте и ждал. “Может, за дверью обычный магазин или просто пустое помещение”. 46 секунд. “Все правильно, я напился, очень сильно, и сейчас у меня белая горячка. Ну я же не пью, сука. Как такое может быть?”. 44 секунды. “Алиса. Нужно ее спасти. Может, мне это приснилось? Сейчас узнаю”. 38

секунд. “Да когда уже этот чертов светофор покажет зеленый?!” 37. “Что я скажу этой старухе у кассы, пьющую чай? Хотя, говорить я с ней точно не буду. Из-за нее я перестал быть человеком. Из-за нее теперь Алиса в беде. Она – причина всех бед”. 30 секунд. “А если там действительно обычный магазин ткани и я нанесу вред невинной старушке?”. 29 секунд. “Не-ет, ее невинность обманчива. Она...”

Зеленый. Поток людей ринулся друг на друга в то время, как Ричард стоял. Этого времени ему не хватило чтобы обдумать все как следует, и он решил подождать еще немного. Десять секунд на то, чтобы перейти дорогу, потом придется ждать еще одну минуту. Пять секунд. Образ матери и Алисы как один заявили – “У тебя получится!” – и он побежал вперед.

Здание показалось ему ничуть не изменившимся с тех пор, как его похитили. Попытки посчитать количество дней, а возможно, даже часов, проведенных в стенах театра, не закончились успехом. Теперь эта постройка осквернена проклятием настолько сильным, что Ричарду было страшно смотреть, как рядом с ней проходят обычные люди. Он подошел к двери и взялся за ручку. Ощущение такое, словно взялся за ручку вольера с голодными гиенами, готовыми разорвать каждого, кто зайдет внутрь. Мысль об Алисе чувством долга прошла по всему телу и он открыл дверь.

АКТ 14

Все тот же магазин ткани и все та же старуха сидела и пила чай. Так непринужденно кипяток заливался ей в глотку, что после глотка ее горло издавало скрипящие звуки, такие, какие обычно бывают, когда человек поперхнулся. Кашлять она не собиралась. Заметив Ричарда, старуха сразу опустила чашку на блюдце.

– Ты опоздал, зайдешь на следующий сеанс, – заявила она.

Дверь за Ричардом захлопнулась, он достал нож и подошел к ней. Старуха молчала, пока Ричард не остановился.

– Знаешь, почему ты этого не сделаешь? Благодаря театру ты очистился, я избавила тебя от уродства. Таких, как ты, в обществе называют отбросами, не заслуживающими жить. Но я-то знаю, что ты и тебе подобные – лишь одержимы. Одержимы чудовищем, которое сейчас заключено здесь. Твоя одержимость – убивать там, внизу. Твоя оболочка, то есть тело, не может убивать, там нет одержимости. Поэтому радуйся жизни, пока можешь, пока оно не вернулось. Держи буклетик с расписан...

Ричард вонзил ей в грудь нож и отпустил его.

– А я всего лишь борец со злом. Как тебе такая кульминация? – сказал Ричард.

Старуха закричала.

– Идиот! Ты хоть понимаешь, что натворил?! Ты все уни-

чтожил! Теперь люди будут умирать, и ты в этом винов... – кровь брызнула из ее рта и потекла по подбородку. Закатив глаза, она упала за прилавок.

Ричард четко осознавал, что Себастьяна он убил случайно, но сейчас он целенаправленно засунул нож в грудь старухи. Адреналин не давал сомкнуть глаз. “Ты убил ее” – раздался голос здравого смысла, явно обвиняя его в содеянном. Зазвонил колокольчик возле входной двери. “Вот и плата за то, что ты натворил” – раздался тот же голос. Ричард обернулся, еще больше испугавшись, что его кто-то увидит. На языке чувствовался вкус алкоголя. Сознание замолчало, показывая, что они оба знают, что их ждет – “убийство в состоянии аффекта”.

“Ну все, закончилась моя месть. И пусть!”, подумал Ричард и повернулся на дверь. Колокольчик все еще звенел под сквозняком. Ричард ничуть не расслабился от столь облегчающих обстоятельств. Повернувшись обратно, он понял, что нужно забрать оружие с собой. “Они все заплатят”. Ричард подошел к старухе и взялся за рукоять. Он осторожно вытащил нож. Кровь из раны хлынула сильней. Ему казалось, если вытаскивать нож с аккуратностью и омерзением, то, таким образом, он продемонстрирует свою невинность перед совестью. “Я не хотел”, подумал он и, вытерев нож о воротник старухи, засунул его обратно за пояс.

Спускаясь в театр, он все еще думал о совершенном поступке. Мысли путались. Ему хотелось поставить точку на

старухе, но другие кружащие голову вопросы не давали это сделать. “Нужно сесть и разобраться... Сесть и разобраться...”, подумал он, но тело продолжало спускаться. Чем ближе он подходил к залу, тем громче были отзвуки театральной пьесы. Это сопровождалось нарастающим чувством, сравнимым с сильным голодом и злостью. Вот она, дверь. Ричард подумал, что зал, наверное, полон людей. Опасных людей, против которых нож будет бессилён. Он приоткрыл дверь и понял, что был прав.

– Встречайте! – торжественно промолвил голос из колонок. – Только сегодня, предательство своих принципов! Полное уничтожение человека! Этот парень захотел выступать за еду и воду! Он будет делать всё, что угодно, ведь это больше не человек.

Ричард присмотрелся. На сцене стоял сторбленный Гектор в колпаке шута.

– Можете выплескивать всю злость на этом бедолаге! Только руками не трогать! АХАХАХАХА! – заиграла цирковая музыка. Гектор стал плясать ей в такт. Он не был прикован к манекену и Ричарду от этого поплохело. Но это могло означать, что Алиса всё ещё жива.

– Давай, парень, активней! – заявил голос из колонок.

Однако, сейчас народ был больше увлечен разговором друг с другом, нежели тем, что происходило на сцене. Ричард прислушался к разговору женщины в платье и мужчины в шляпе, которые сидели в левом ряду рядом с дверью:

– А я тебе говорю, я пришел пьесу смотреть, а это что? Я ухожу, – сказал мужчина в черном цилиндре.

– Сиди, куда ты уйдешь? Сейчас все будет, – ответила женщина. Он на несколько секунд уставился на сцену.

– Нет, я пошел, – он встал.

– Ты, никуда ты не пойдешь, тварь. Я не хочу лишиться этого, – женщина схватила его за локоть.

– Пошла ты, – он вырвался. Женщина посмотрела по сторонам.

– Эй! Этот говнюк хочет уйти! – крикнула женщина и половина зала обернулась. Некоторые продолжали наблюдать за плясками Гектора.

– Если это тебе не помогает, может, сам примешь участие? – сказала она.

Человек что сидел рядом подтвердил.

– Да, сыграй сам... – сказал он.

Мужчина в цилиндре посмотрел на зал и рванул к двери выхода, отчего сердце Ричарда чуть не вылетело из груди. Но задние ряды спохватились и перегородили мужчине дорогу. Он попятился назад, со злостью посмотрел на женщину, которая привлекла к нему так много внимания, и бросился на нее. Он сжал ее шею руками, а она, не раздумывая, вдавила пальцами ему в глаза. Сначала все с радостью смотрели на это, но как только женщина бездыханно упала за ряды сидений а мужчина без глаз заорал, все словно озверели и стали беспощадно колотить друг друга.

“Звери, животные”, единственная мысль у Ричарда в голове. Но он находил это забавным, словно находится в зоопарке, куда помещены заклятые враги пытающиеся сожрать друг друга. Справедливость, возмездие – можно называть это по-разному, но почему бы иногда не получать от этого удовольствие. Единственная рациональная мысль – это подождать, пока они друг друга перебьют и безопасно пройти. Но Ричард не хотел сидеть на месте – от этого в голове роились плохие мысли. К тому же, он должен спасти Алису, нужно спешить, мало ли какие ужасные вещи с ней делают. Плюс, нужно помочь Гектору. Хаос в зале только усилился. Худой парень с окровавленным лицом упал рядом с дверью прямо на глазах Ричарда. К нему подбежала девушка и обрушила тяжелые удары толстым каблуком ему на голову. Отдышавшись, девушка повернулась и пошла в толпу, но кто-то другой сбил ее с ног. Люди кидались друг на друга и смеялись. Цеплялись за всех, кого видели, а на их лицах виднелось удовольствие и боль. Словно маленькие дети плескающиеся в воде, взрослые люди купались в крови. Ричард сразу встал под стенку за задними рядами и в приседе двинулся вдоль нее. Сквозь множество слоев танцевавших перед его глазами тел, он смог рассмотреть дверь, которая вела в тот самый коридор закулисья. Он дошел до угла зала, оставалось немного пройти прямо, выйти на сцену и за кулисы.

“Они наверняка уже собрались и ждут меня”, подумал Ричард и пошел вперед. В ход пошли сидения, реквизит,

лампы возле сцены и все, что можно было оторвать и чем можно было разбить кому-то голову. Ричард увидел, как девушка с отломанным сидением с размаху била лежащего на полу мужчину. Рвалась одежда, люди падали и боролись друг с другом. Ломали пальцы, рвали волосы, откусывали друг от друга куски кожи. “Это не люди, и не животные”, подумал Ричард. “Животные не способны проявлять такую бессмысленную жестокость. Человек – тоже. Это некая переходная форма, не знающая ни страха, ни пощады”. Ненароком Ричард подумал, а есть ли причина их насилия. Идея, которую они отстаивали. Как, например, Тодд или Картер. По кровожадным глазам было видно, что нет. Просто потребители эмоций.

Пройдя чуть дальше, Ричард увидел человека со спущенными штанами, который наблюдал за мезивом и мастурбировал. Мерзость прошла по его телу от попытки представить, что творилось у него в голове. Ему сильно хотелось стукнуть его по голове, чтобы избавить мир от столь мерзкого существа, но кто-то другой сделал это за него. Очень странно, но Ричард прошел сквозь этот ужас незамеченным, как муха пролетающая мимо сражающегося на мечах войска. На сцене лысый парень душил мужчину в пальто, рядом стоял Гектор и трясся от страха. Ричард аккуратно забрался к ним сбоку, скрывшись от зала за кулисами.

– Эй, Гектор, бежим! – прошептал Ричард.

Бегающими глазами Гектор посмотрел на Ричарда и по-

махал головой.

– Там твоя дочь.

– Нет, я не хочу! – закричал он и закрыл уши руками.

– Значит, – подумал Ричард, – они действительно его сломали.

– Если ничего не сделать, она умрет, – крикнул он, но Гектор все так же стоял на месте уставившись в пол.

Ричард решил, что пойдет без него, развернулся и побежал к двери по пути врезавшись в манекен. Из его пояса выпал нож и ударился о рельсы, издав стальной звон.

– Еще один? – сказал парень, рывком сломал шею человеку под ним и встал на ноги.

Ричард вспомнил его лицо. Это был один из работников театра – Кефа – который перетаскивал реквизит. А под ним лежал и второй – Кифа. Он пытался поднять нож, но тот выскользнул из его рук как мыло. Душителю подходил все ближе. Ричард отошел на три шага назад но Кефа бросился на него и своей массой повалил на пол. Он вцепился Ричарду в горло не давая никакого шанса расцепить хват. Озверевший душитель зарычал. В глазах стало темнеть, а воспоминания стали погружать Ричарда в детство, потом в среднюю школу и институт. В целом, не такую плохую жизнь он прожил, только конец печальный.

– Беги! – Жалким как и его вид голосом заявил Гектор и накинудся на Кефу. Кефа расправил руки и отбросил Гектора на несколько метров.

– Я выдавлю из тебя остатки твоей жалкой жизни! – закричал Кефа, встал и пошел за Гектором. Ричард схватился за шею и задыхаясь закашлялся.

– Прошу Ричард! Позаботься о ней! – успел крикнуть Гектор перед тем как был схвачен Кефой. Он обрушил шквал ударов ему в лицо не щадя его ни на секунду.

Перебинтованной рукой Ричард крепко вцепился в нож и не раздумывая побежал на душителя. Он вонзил острие ему в шею и Кефа булькая кровью свалился на бок.

– Сам позаботишься. – сказал Ричард.

За этим последовало мгновенное облегчение. Чувство мерзости, страха и голода прошло. Ричард отделался лишь легким испугом от того, что убийство вызвало эмоции, граничащие с удовольствием. Он пытался игнорировать улыбку, растекающуюся по его лицу. Протягивая Гектору руку он чувствовал себя замечательно, за исключением физической боли от старых ранений.

Дверь в коридор открыта.

“Наверное, они держат ее в тюрьмах” – первое, что подумал Ричард, и пошел вдоль коридора таща под плечо Гектора. За поворотом он услышал кашель. Так кашляют люди, которым осталось жить несколько дней. Ричард посадил Гектора под стену и выглянул из-за угла. Он увидел, как кто-то в черной мантии нанес несколько ударов по голове одного из работников. Увидев размозженную голову, Ричард спрятался, прижавшись к стене. Раздались звуки чавканья, сопро-

вождающиеся рычанием. Иногда среди них проскакивал голос. Прижавшись к стене еще сильнее, он буквально продавливал пальцами краску. Наступила тишина, и только отголоски хаоса в зале прерывали ее. Такое чувство, что человек в мантии замер. “Он нас услышал”. Ричард в панике сжал нож в кулаке. “Он нас услышал”. В коридоре висела тишина. Пытаясь не дышать и советуя то же самое Гектору, он думал, с какой стороны замахиваться ножом. Ричард выглянул из-за угла. Кроме трупа в центре коридора, никого не было.

– Так, вставай нам пора. – сказал Ричард и подхватил Гектора.

– Нет, – заявил он и плюхнулся на пол, – не могу я туда идти. Мне конец. – кровь текла ото всюду.

– Что ты такое говоришь? Мы вызволяем твою дочь и сбегает отсюда.

– Ахах, посмотри на меня, я уже не жилец. Позаботься об Алисе, и не говори ей как я умер. Прошу тебя.

– Так, я думаю они держат ее в тюрьмах, мы вернемся за тобой и сбежим, обещаю.

Он вышел и медленно пошел вперед, переводя глаза с одной двери на другую. Взглянув на тело вблизи, он ничего не почувствовал. Всмотриваясь в останки его наполовину съеденной головы, он думал о спасении Алисы. Вдалеке раздался крик Роджера, который заставил Ричарда содрогнуться и продолжить идти. Направляясь к камерам, где держали его и Гектора, он оборачивался и ждал момента, когда на него вы-

прыгнет человек в мантии. Но кроме крика Роджера, никаких признаков присутствия кого-либо поблизости не было. Роджер закричал и, судя по звуку, начал крушить все вокруг в комнате. Загремели кастрюли, захрустела древесина, образ полностью разрушенной комнаты возник в голове. Ричард заглянул в темную часть коридора. “Слишком темно. Увидеть человека в темной мантии было бы невозможно”, подумал он и сквозь страх пошел дальше.

– Алиса, – шепнул он негромко.

Роджер закричал громче и, словно озверев, что-то обрушил на пол. В камере Гектора никого. А вот в знакомой Ричарду камере через решетку был виден небольшой силуэт. Глаза еще не привыкли ко тьме, так что он не смог рассмотреть кто там сидел.

– Алиса? – прошептал он.

– Ричард? – сказала она вполголоса. – Зачем ты пришел?

– Мы сбежим отсюда, в этот раз точно, – Ричард схватил замок от камеры и стал ковырять его ножом.

– Ты теперь один из них? – Алиса посмотрела на окровавленный нож.

– Нет, Алиса, я не один из них, – раздраженно ответил Ричард.

Роджер закричал. Его комната светилась ярче, чем в прошлый раз.

– Они придут за мной, очень скоро. Сказали, что я нужна им для баланса.

Ричард бросил нож и уперся потным лбом о трубы камеры. Лезвие никак не подходило под размер замочной скважины.

– Ричард, если ты не один из них, ты зря пришел, – она положила ладонь ему на голову.

Ричард посмотрел ей в глаза. Он понимал, что сам уйти не сможет. Эта девочка – единственное, чем он дорожит. У него больше ничего не осталось. Подняв глаза чуть выше, Ричард обрадовался прическе Алисы. Ее волосы держали несколько заколок. “Они четко подходят под размер замка”, подумал Ричард. “Это подарок судьбы или сюжета моей роли”. Ричард протянул руку через решетку к ее волосам и достал одну из них.

Роджер заревел и из его комнаты произошел выброс пламени, как из доменной печи. Ричард про себя матюкнулся, вставил заколку в замочную скважину и начал дергать ее туда-обратно в надежде, что замок откроется.

– Давай, давай, – Ричард паниковал и уже не верил, что это сработает.

Из дальней комнаты выбежало горящее тело Роджера. Оно врезалось в стену, отчего с его тела посыпался раскаленный пепел. Он закричал.

– Что там? – Алиса пыталась просунуть голову между трубами решетки, но не получилось.

Ричард все дергал заколку, но замок не открывался. Даже заветных щелчков, о которых он читал в детективах, не было

слышно. Ричард услышал топот, который с интенсивностью приближался.

– Сможешь! Сможешь! – он продолжал двигать заколкой, пока не сломал ее, оставив большую часть заколки в скважине. – Мать, нахрен, твою, – он несколько раз ударил по металлической двери.

Свет от Роджера приближался. Ричард опустил голову вниз и увидел нож. Он подобрал его и начал острием ковырять замок. Поворачивал, бил, крутил – ничего. Озверевшая горящая туша повернула в сторону аварийного выхода и побежала вдоль коридоров, поджигая все на своем пути и ревя.

– Он ушел, – заявила Алиса.

Ричард кивнул, выдохнул и постарался сконцентрироваться. Это чувство, когда уже хочешь бросить начатое и найти другой способ решения задачи, когда другого решения попросту нет. Только он собрался бросить нож, как высшая сила коснулась его судьбы и рука сама повернулась, после чего замок открылся.

– Да! Да! – сказал Ричард, вытащив и отбросив замок в сторону.

Дверь отворилась. Алиса сразу бросилась к нему в объятия, после чего Ричард взял ее за руку и повел к выходу. Он уже думал, как будет закрывать Алисе глаза, чтобы она не смотрела на кошмар, творящийся в зале и как она обрадуется своему отцу. Поворот. Стены коридора осыпаны сажей. След от нее вел в главный зал. Обои в некоторых местах го-

рели, а штукатурка плавилась. Ричард взял Алису на руки и прижал ее голову к плечу.

– Осталось еще немного. Закрой глаза, ладно? – сказал он.

Алиса кивнула. В конце коридора хлопнула дверь. Ричард схватился за нож, и только после этого понял, что можно спрятаться. Но на это не было времени. Из-за угла, ведущего на сцену, выбежал Картер. Он явно куда-то спешил, но, заметив Ричарда, остановился.

– Ричи, – сказал Картер и показал ладони. – Это ты натворил? Как же я сразу не понял. Поставь девочку на пол, еще не поздно все восстановить.

– Что восстановить? – Ричард пригрозил ему ножом.

– Порядок, Ричард, порядок! Понимаешь ли, сейчас они выживают, как могут. Все, что тут творится, погубит нас, а потом...

– С дороги, – Ричард пригрозил ножом. – Мне насрать на судьбу кучи больных ублюдков, готовых убивать ради наслаждения.

Огонь начал распространяться по стенам и потолку.

– Ты являешься таким же ублюдком, Ричард, ни больше ни меньше. Ты не кромсаешь всех подряд только потому, что она с тобой. Отдай девочку, и я покажу, какая сила в ней сокрыта. Ее невинность... – глаза Картера заблестели, отражая нарастающее позади Ричарда пламя.

– Если я один из вас, – начал Ричард, но, задумавшись, продолжать не стал. – Да пошел ты к черту, – он перебил сам

себя.

Ричард все ждал, когда Картер начнет нападать, но тот стоял на месте и даже не думал подходить. Картер посмеялся.

– Ты ведь понимаешь, что освободил самых опасных и жестоких людей разом? Ни в чем не повинные люди будут умирать из-за тебя, Ричард. Потому что ты не захотел признать свой талант, открыться публике полностью. Налипшие на тебя принципы и страхи погубили это место, а вместе с ним и города. Ты хоть понимаешь, что будет, если этих зверей выпустить на волю? Все, что нужно – отдай нам девочку.

– Твои самые жестокие люди давно перегрызли друг другу глотки в зале, – сказал Ричард и побежал на Картера.

– Идиот! – кричал Картер. Ричард врезался в него и повалил на пол. Поднявшись, он увидел, как нож торчит из живота Картера. – Ты, – он прокашлялся кровью. – Погубил наш вид...

– Алиса, пойдем, – сказал Ричард, и схватившись за руки, они побежали дальше.

Гектор сидел у стены без сознания. Живым назвать это обмякшее старое тельце было никак нельзя. Ричард сказал Алисе отвернуться. Она послушалась.

Дверь, ведущая на сцену. Вся в саже и разломана, словно Роджер задержался в проеме. Она оказалась достаточно горячей, чтобы открыть ее с первого раза. Но все же, больших усилий выбить дверь не составило. Горящая штора ку-

лис упала прямо перед их ногами, что заставило Ричарда отпрыгнуть, а Алису крикнуть.

– Тихо, – приставил палец ко рту Ричард.

Огонь был большим для роста Алисы, но маленьким для Ричарда. Он взял Алису на руки и перепрыгнул препятствие. По центру сцены лежал труп, до которого уже добирался огонь с декораций. Ряды сидений были усеяны трупами. В центре зала словно горел холм. Это было тело Роджера, пламя от которого разрасталось по рядам. Запах паленых волос, жаренной курицы и пластмассы летал в воздухе, отчего Ричард с Алисой закашляли. Ричард закрыл рот рукавом и сказал Алисе сделать так же. Пламя от тела Роджера достигало потолка. Хрустальная люстра некоторое время плавилась, потом с треском свалилась на пол. Ричард побежал по тому же пути, которым он пробирался через толпу убийц. Однако, в этот раз идти под стенкой было непросто, так как балки, которые держали потолок, горели, трескались и, казалось, могли упасть в любой момент. Их внешняя сторона уже обуглилась и издавала сильный жар такой силы, что приходилось обходить. Это странно, но угли не издавали дыма. Совсем. Огонь буквально мог наполнить собою все на своем пути, но никаких продуктов сгорания. Ричард понимал – если они не выберутся в ближайшее время, то сгорят заживо.

– Закрой глаза, – сказал он девочке и залез на ряд сидений.

Ричард старался обходить лежавшие на креслах тела, но

это не всегда получалось, и он наступал то на руку, то на голову мертвеца. Нога Ричарда провалилась между сидением и спинкой кресла, отчего Алиса открыла глаза. Ричард услышал, что дыхание Алисы участилось и сказал:

– Представь, что это куклы.

Вдруг Алиса закричала и начала вырываться из его рук.

– Стой, стой, все хорошо, закрой...

Ее зубы вцепились в мышцы на плече, и от внезапной боли Ричард отпустил девочку. Она отпрыгнула и спряталась между рядов.

Ричард сообразил, что он сказал не так. “Ведь наверняка, эти уроды говорили ей так же, и теперь она думает, что я один из них”, заключил он. Идей, как вернуть доверие Алисы, не было. Что бы он ни сказал, она будет воспринимать, как если бы это сказал Картер или трансвестит Себастьян. Совсем не время для подобных выходов. С потолка посыпалась штукатурка.

В нескольких метрах от выхода сидел тот самый человек в черной мантии и издавал чавкающие звуки. Только Ричард слез с сидений на пол, капюшон мантии повернулся.

– Так это вы, шеф? – сказал он и снял капюшон. – Теперь скрываться не имеет смысла.

Из-под спинки сидения выглянула Алиса и заныла. Хотя бы теперь Ричард понимал, где конкретно она спряталась. И если бы понадобилось, спас ее силой, а дальше как-то объяснился. Губы и подбородок Тогда были в крови.

– Прочь с дороги, – закричал Ричард.

– Алиса, – он болезненно прокашлялся. – Где она? – протяжно спросил Тодд и облизнул губы.

– Даже не думай на нее так смотреть, ублюдок! – Ричард подбежал и врезал больной рукой ему в лицо. Тодд упал на спину.

– Все равно ничего не изменится, – заявил Тодд.

Усевшись ему на живот, Ричард начал бить его по голове. Каждый удар наносил урон всем сотрудникам театра, всем зрителям. Избивая Тодда, он избивал каждого, кто над ним издевался. Лицо Тодда пачкало бинты на кулаке Ричарда. Весь тот ужас, что он испытал за все время нахождения в театре, в мгновение обрушился на голову Тодда. Пытаясь превратить его лицо в то, во что они превратили его душу.

– Согласись... Это хороший финал... – полумертвым голосом прохрипел Тодд. – Главное, чтобы ты вынес из него урок.

– Рич... – тонкий голосок послышался сквозь тучу воспоминаний и тут же оборвался.

Картер, закрыв ладонью рот Алисе, тащил ее к сцене. Точнее, на верную смерть, так как сцена уже полыхала в огне. Ричард встал. Сделав несколько шагов, от переизбытка адреналина он проблевался на ходу.

– Стой! – успел выкрикнуть он.

Картер остановился, вытащил нож из живота и приставил его к горлу Алисы.

– Все кончено, уходи, иначе я убью ее, – сказал он.

Ричард придерживался за сидения, чтобы не свалится на пол.

– Отпусти ее, – прохрипел он и остановился напротив них. Рядом с ним упала обугленная палка, которая раньше была частью балки, держащей потолок. Лицо Ричарда вспотело от пекущего жара огня.

– Половина этих людей были каннибалами. Они не могли просто так жрать людей на улице. Вы всегда недовольны, боретесь за права человека, ничего о нем не зная. Может, мы и не люди вовсе, но мы в этом не виноваты! – Картер то ли поцарапал Алисе шею лезвием ножа, то ли испачкал своей кровью. – Мы тоже хотим жить. Но навесив нам ограничитель, вы все равно не успокоитесь, – сказал он.

Огонь за их спиной пошел по рядам.

– Мы спрятались, мы выживаем, мать твою, они все равно нас ищут. Львы тоже убивают людей, но вы строите для них заповедники, чтобы сохранить вид. Этот театр – наш заповедник, не смей тут охотиться! – крикнул Картер и сделал несколько шагов назад.

Ричард приблизился.

– Тебе конец, твой заповедник разрушен. Если в тебе есть хоть что-то человеческое, отпусти девочку, – Ричард не поверил в то, что сказал, но вариантов не было – нужно было хоть что-то говорить.

– Ты просто нихрена не понимаешь! – закричал Картер

и пригнулся. Потолок затрясся, и штукатурка опять посыпалась. Горящая балка со скрипом рухнула на ряды, отчего загорелись сидения. Жар коснулся спины Картера. Он был вынужден сделать шаг вперед.

– Бежать некуда, все кончено. Вопрос в том, заберешь ты еще одну жизнь или спасешься?

Картер заметил, что из-за огня к залу никак не пробраться. Взгляд на Ричарда. Огонь от балки стал добираться до двери, ведущей к свободе.

– Можешь забрать меня, но оставь девочку в покое, – крикнул Ричард и сделал два шага вперед.

– Ты один из нас, ты не подходишь.

Ричард сделал еще два шага вперед.

– Не подходи, иначе я убью ее! – сказал Картер и отступил.

Балка рядом треснула и вспыхнула. Огонь от нее упал на плечо Картера. Жжение окутало его руку и Алиса ударила Картера локтем по ране от ножа, она сразу рванула к Ричарду. Алиса вцепилась в его руку и они побежали к выходу, дверь которого уже горела. Стены загремели, и с потолка начали падать обгоревшие куски балок, огонь от которых при приземлении вспыхивал. Появился дым в зале. Он заставил горло и легкие першить, словно вдыхаешь деревянную стружку. Рядом с выходом навстречу к ним полз Тодд. Он совершенно не обращал на них внимания. Его лицо было расквашено, и только испачканные кровью зубы уцелели. Ричард отдернул от него Алису, спрятав ее за свои-

ми ногами, и они прошли мимо него под стенкой. Тодд подполз к обугленному телу Картера и вцепился в него зубами. Затем, оторвав от него кусок плоти, прожевал и проглотил. Стены опять затряслись и повалилась еще одна балка, которая спровоцировала выброс пламени, как от взрыва. Огонь в момент пронесся по залу, вытолкнув Ричарда и Алису на ступеньки главного выхода.

– Бежим! – крикнул он.

Казалось, что они на дне бездонной ямы, выход из которой – лишь шаткие ступеньки. Неподъемная гора, на склоне которой погибло немало альпинистов. Казалось, выбраться из театра получилось бы через несколько часов. Это не проблема. После всего, что прошел Ричард, это испытание казалось самым легким. Однако, не менее значительным. Ричард схватил девочку на руки и, переступая по три ступеньки, побежал вверх. В зале театра что-то взорвалось, и от ударной волны Ричард споткнулся и уперся рукой в пол. Он отталкивался от ступенек руками и ногами что есть мочи и продолжал бежать дальше. Ричард чувствовал, как театр от него отдалялся, а проход обваливался за ним. Алиса закричала. Еще несколько ступенек. Тоннель затрясся, стены начали трескаться. Кем бы ты ни был, в такие моменты думаешь только о спасении своей шкуры.

Они выбежали в магазин тканей. Не успела Алиса посмотреть на тело старухи, лежавшее за прилавком, как они вылетели из здания, покотившись на асфальт. Стекла дома лопну-

ли под давлением. Шифер посыпался с крыши, падая рядом с Ричардом. Словно по воле неведомой силы, трехэтажный дом, под которым скрывался театр, ушел под землю. Ричард взял Алису и отполз на проезжую часть. Машина, гудя, остановилась напротив них. Ричард посмотрел на Алису, а она на него. Машина продолжала гудеть и водитель, бранясь, высунулся из окна. Раздался взрыв, разбросавший камни и горящие доски по всей округе. Сирена пожарных машин послышалась вдалеке. По его вине, определенно, погибли невинные люди. Это он отчетливо понимал.

Акт 15 Катарсис

Очнулся Ричард в той самой больнице из своего видения в одиночной палате. Вернее, он чувствовал, что это та самая больница. Голова, руки и грудь были перебинтованы. Алисы рядом не было, и он вдруг почувствовал боль. Он отсоединил от катетера иглу и жидкость пропитала покрывало. Жжение по всему телу усилилось, голова раскалывалась. Стало хуже, намного хуже, чем раньше. Он засунул иглу обратно. В палату вошел врач.

– Как Ваше самочувствие? – спросил он.

– Где Алиса?

– Не беспокойтесь, она в соседней палате, с ней все в порядке. Ваша дочь?

Ричард кивнул. Хотя это было ложью, теперь он был для нее как отец. Он попытался присесть на койку, но от боли не смог.

– Нет-нет, не двигайтесь, Вам необходим отдых.

Врач покрутил колесико капельницы, тем самым увеличив дозу вещества в ней. Стало намного легче.

– Что это?

– Морфий.

Ричард не был против, но ему хотелось узнать причину применения столь опасного вещества.

– Вас нашли без сознания на дороге, ваша дочь всеми си-

лами привлекала внимание. Если бы не она. Ну вы понимаете.

Ричард кивнул.

– Вы очнулись по пути в больницу, страшно кричали. Что произошло в том здании?

– Долгая история, – Ричард попытался расслабиться.

– Постарайтесь вспомнить, с Вами хотят поговорить.

В палату вошли двое полицейских. Один из них положил руку врачу на плечо и что-то шепнул на ухо. Врач вышел из палаты.

Ричард уже было хотел им все рассказать, но одумался и промолчал, заявив, что не помнит.

– Ваша дочь, да? – спросил один из них.

– Да, – подтвердил Ричард.

– Вы в курсе, что она числится пропавшей?

Вопрос поставил его в тупик. Ричард спародировал удивленное лицо, деваться было некуда. Начал врать – ври до конца.

– Вас зовут Гектор Трейс?

Ричард промолчал. Он не знал, что ответить. “Любое неправильное слово – и я окажусь среди похитителей маленькой девочки и ее отца. Но ведь это не так!”

– Вы помните, как Вас зовут? – повторил полицейский.

“А может, я и есть один из них?”, подумал Ричард и ничего не ответил. “Они меня подозревают. Я ведь убивал. Я виновен”.

– Так, понятно, – заявил полицейский.

Вдруг дверь открылась и в палату забежала Алиса. Увидев Ричарда, сразу кинулась к нему в объятия.

– Ты жив! – крикнула она на радостях.

Ричард скорчился от боли и облегчения. Один из полицейских присел и спросил ее:

– Алиса, этот человек делал тебе больно?

Ричард вспомнил, как сжал со всей силы ее руку на сцене. Она сказала, что нет, и вообще – Ричард спас ее.

Полицейские переглянулись.

– Придете в участок, у нас к вам еще будут вопросы. Отдыхайте.

Затем они снова обнялись. Ричард расплакался и представил, как беззаботно наблюдает за пьесой и переживает эмоции персонажей. Его окружали люди, которые так же, как и он, испытывали эмпатию, глубокую и эмоциональную. Он почувствовал себя частью этого маленького общества. На сцене – те же манекены с привязанными к ним мертвыми телами людей, исполняющие свой театральный танец. Но теперь трупы не вызывали мерзость и не отталкивали – как раз наоборот. Это было восхищение и притягательность. Ему так приятно, и всем вокруг, и ничего больше не нужно. Он обдумал все, что с ним произошло. Вспомнил Бена. “Зря он тогда боялся выступать, это его и погубило”, подумал он. Ты либо выступаешь на сцене, либо наблюдаешь – все просто, если речь идет о искусстве. Ричард свое выбрал. И прежним

он уже не будет. Пока у него есть Алиса – он обычный зритель, жаждущий эмоций, чтобы не сорваться. “Это они мне и хотели сказать”, утвердил Ричард. Тут и речи не идет о смерти людей – это нечто большее. Такой спектр эмоций невозможно получить человеку, это было что-то мистическое, за гранью понимания или осмысления. Искусство должно быть таким – индивидуальным, мощнейшим по эффекту.

Вспоминая то месиво в театре, кажется, Ричард понял. Тот конвейер удовольствия, что представлял из себя театр, был частью этой системы. Такой, как, например, супермаркет или каток. Он улыбнулся от осознания, что и такому, как он, в этом мире будет место.